

ВАЛЕРИЙ ЛОНСКОЙ

ПИРЯТИНСКИЕ УЗНИЦЫ

повести

МОСКВА
БОСЛЕН

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л76

Художественное оформление
Артемия Лебедева

Лонской В.Я.
Л76 Пирятинские узницы: повести / Валерий Лонской — М. :
ООО «Бослен», 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-91187-194-9

Валерий Лонской — заслуженный деятель искусств, народный артист РФ, член Московского союза писателей, профессор ВГИК. В 1993–1999 гг. — председатель Союза кинематографистов Москвы. Автор ряда фильмов и книг. В книгу включены повести, некоторые из которых послужили литературной основой фильмов В. Лонского: «Барханов и его телохранитель», «Артист и мастер изображения», «Двойная пропажа».

Каждая повесть — это рассказ о людях, которые живут обычной жизнью, приспосабливаются к изменениям времени, переживают взлеты и падения, обманывают, любят, устанавливают свои жизненные правила, меняют свои привязанности и меняются сами.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Запрещается полное или частичное использование
и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах
без письменного разрешения праволадельца

ISBN 978-5-91187-194-9

© Лонской В.Я., 2013
© ООО «Бослен», 2013

**БАРХАНОВ
И ЕГО
ТЕЛОХРА
НИТЕЛЬ**

Жена была сварлива, несмотря на молодость и милостивую внешность, зла на язык и, когда пилила Алябьева, не знала меры.

И время в стране было непростое. Все кругом дорожало, перепродавалось, выменивалось, преступность лезла из щелей, хороводилась с теми, кто должен был ее пресекать... а Алябьеву, рядовому артисту, зарплату в театре не увеличивали. И какой она была, сказать стыдно.

Жена измывалась над неудачником ежедневно.

— Артист гребаный! Мочалов хренов! — Имелся в виду прославленный трагик Мочалов, живший в девятнадцатом веке и посвятивший себя беззаветному служению театру, бескорыстие которого раздражало сварливую женщину не меньше, чем безденежье собственного мужа. — Другие вон доллары стригут, а он лишнего рубля заработать не может!..

— Как? Объясни! Расскажи! — взмахивал нервно руками Алябьев, зная наперед все, что жена скажет.

— Способов мильон! Было бы желание задницу от стула оторвать! К главному ступай, добейся, чтобы

зарплату увеличили... А нет — иди пивом торгуй, вон «шурики» на каждом углу сидят, в небо поплевывают! Можно бензин перепродавать на выезде из города, тоже прибыльное дело!

За окном загрохотало. Там, будто аккомпанируя мучительным речам жены, мчался по мосту электропоезд — метрах в семидесяти от дома тянулась открытая линия метро.

— Зина! — подавленно вздыхал артист. — Ты не понимаешь... Искусство — это... это... Я способен делать лишь то, что умею...

— Да в массовке бегать и я могу, — зудела Зина. — Чтобы выносить шлепанцы за Гамлетом, необязательно было институт кончать!

— Зина, какие шлепанцы у Гамлета?! Ты меня сводишь с ума!.. — кривился, как от боли в сердце, артист, отходил к окну и с тоскою смотрел вниз — с высоты пятого этажа — на фигурки прохожих, на очередной электропоезд, мчащийся с грохотом по насыпи.

Человек по прозвищу Дохлый внешним видом своим никак не соответствовал данной ему кличке. Это был могучий мужик лет тридцати, этакая гора мяса, с большими ручищами, стриженной наголо головой и глубоко посаженными, как у обезьяны, глазами. В общем, ничего замогильного. Возмощением для прозвища послужила небольшая татуировка, изображавшая череп с костями, которая украшала его грудь над правым соском.

По пятницам у Дохлого было много работы. Вооружившись пистолетом, который он держал под курткой за поясом, Дохлый садился в джип и ездил по «кли-

ентам», с которых собирал еженедельную дань для своего строгого «шефа». Если случалось, что кто-то из подопечных, проявив строптивость, отказывался платить, Дохлый не грозил, не запугивал, не обещал «кары небесной» за сокрытие доходов. Это не входило в его обязанности. Он с молчаливой скорбью смотрел на отступника и, не вступая с ним в разговоры, уходил. Но вслед за этим приезжала так называемая «банная команда», состоявшая из нескольких громил, и «парилла» бедолагу по полной программе, пока тот не отдавал концы или не выкладывал на стол необходимую сумму.

От Дохлого требовалось одно: получить у «клиента» деньги и доставить их в сохранности Шефу.

Как раз сегодня была пятница, и Дохлый совершал свой привычный вояж. Он подъехал к старому в четыре этажа дому в районе Бульварного кольца, припарковался и вошел в подъезд. Поднялся на нужный этаж, позвонил в дверь.

Хозяин квартиры с неподкупным лицом демократа сидел в это время вместе с женой за обеденным столом и ел отбивную. Услышав звонок, он отодвинул тарелку, вышел в прихожую и впустил Дохлого.

Затем выпроводил из комнаты жену, открыл секретер, инкрустированный в китайском стиле, вынул оттуда пухлый конверт с деньгами и протянул его сборщику дани.

Дохлый, сосредоточенно сдвинув брови, заглянул в конверт, убедился в наличии денег в нем и, кивнув удовлетворенно, бросил его внутрь черного аккуратного кейса, где уже лежало штук десять подобных конвертов...

Следующей точкой на маршруте Дохлого была модная парикмахерская, расположенная на бойком месте.

Миновав мужской и женский залы, где, как обычно, вертелась уйма всякого народу, Дохлый прошел в кабинет директора.

Директор, а точнее директриса, пышная дама под сорок, была не одна. Она что-то оживленно обсуждала с сидевшей напротив яркой блондинкой лет двадцати трех, обладательницей длинных красивых ног.

Увидев Дохлого, вставшего в центре комнаты наподобие статуи, обе женщины тут же умолкли. Директриса с покорным выражением лица вышла из-за стола, прошла к сейфу в углу. Достала из него несколько денежных пачек и, не сказав ни слова, протянула их сборщику дани.

Дохлый взглянул, из каких купюр состоят пачки, шевеля беззвучно губами, как начинающий учиться считать школьник, прикинул, сколько же получается в целом, и бросил с невозмутимым видом деньги в кейс.

— Хороший улов! — отметила блондинка, шевельнув красивыми ногами. В отличие от онемевшей директрисы, она не прочь была пофлиртовать с мужиком, у которого такие «ломовые» деньжищи. — С таким парнем, как ты, и раскрутиться не грех!..

Она вытянула холеную руку и коснулась пальцами могучей ляжки Дохлого.

Дохлый отстранил ее руку.

— В другой раз, красотуля!..

И вышел за дверь.

А Зина продолжала пилить Алябьева в их скромной маленькой квартирке на пятом этаже.

Вот ведь напасть! В то время как другие жены, когда их мужа приходят с работы, готовы обласкать их, утешить, разделить с ними тяготы текущего дня, эта зудела и зудела, словно назойливая муха, и ничто не могло ее остудить. В общем, стерва, хоть и с благообразной физиономией!

— Ну вот, теперь с газетой уселся! — Зина грохнула утюгом по подставке, увидев, что Алябьев взял в руки газету. — Думай лучше, где деньги достать. Андрюшке зимнее пальто нужно...

— Я и думаю, — буркнул Алябьев.

— Результатов что-то не видно от твоих дум!.. Вон у Ленки муж по три тысячи баксов приносит, птица!

— Что же мне теперь — повеситься на собственном галстуке?

— Размечтался, Есенин хренов! Легко хочешь отделаться... Заимел ребенка — крутись! Это ты меня, райской жизнью завлекая, на спину укладывал, а не я тебя!

Алябьев, худой, небритый, с посеревшим от забот лицом, держался с мужеством партизана, приговоренного к расстрелу.

— Как тебе не стыдно! — простонал он.

Зина вновь взялась за утюг и стала гладить детскую рубашку.

— Бросай свой театр, бросай! Все равно толку никакого... Пойдешь к Ленкиному мужику в помощники, я договорилась. Он сказал, что даже будет рад, если у него артист в подручных бегать станет... — Зина вдруг задумалась над смыслом слов, сказанных мужем подруги. — Вот гад! — обругала она его смачно. И коротко помолчав, философски добавила: — Но ничего не поделаешь. Сейчас такие верховодят, сейчас время козлов... Где вы, милые большевики, ау!

Дохлый тем временем продолжал свое хлопотное дело. Приехав по очередному адресу, вышел из лифта, позвонил в дверь.

Открыл ему хозяин квартиры, круглолицый, с физиономией сытого кота. Увидев Дохлого, он испуганно попятился задом. Дохлый шагнул за ним.

Так они и вошли в комнату: один — пятясь задом, другой — наступая на него.

В гостиной у стола сидел щуплого вида паренек, с простодушным лицом, одетый в потертую матерчатую куртку, и пил чай из блюдца, которое держал на купеческий манер пятью пальцами одной руки. Перед ним стояла вазочка с вареньем и тарелка с пирожными. Каждый раз, прежде чем сделать глоток, паренек церемонно дул на блюдце, устремив умиротворенный взор на живописный портрет хозяина, висевший на стене напротив.

Надо сказать, эта идиллическая картина чаепития в духе Кустодиева Дохлому почему-то сразу не понравилась. Хотя что тут такого? Сидит паренек, возможно, родственник хозяина, и пьет чай из блюдца. Может, он из студентов — перекусить к дяде пришел.

Дохлый цепко оглядел комнату и, не обнаружив ничего подозрительного, успокоился.

— Ну, — повернулся он к хозяину, — давай бабки!

Тот затравленно взглянул на него, перевел недоуменный взгляд на парнишку.

— Хрусты гони! — строго повторил Дохлый, не понимая, чего «клиент» тянет резину.

— Послушайте! — хозяин чуть не плакал. — Сначала один пришел, — он указал пальцем на паренька у стола, — теперь другой... — И вдруг взорвался, за-

орал, забегал по комнате, негодуяще размахивая руками: — Кровососы! Совсем обнаглели! Двойной данью обложили, рэкетеры сраные! Не дам! Больше ни рубля не дам! Я вам не дойная корова! Так и передайте тем, кто вас послал!..

И хотя Дохлый не отличался особой сообразительностью, но все же до него дошло, что за столом сидит не родственник хозяина, а опередивший его конкурент.

— Ты кто? — спросил он у паренька, шевельнув бровями. — Из какой команды?

Паренек невозмутимо воззрился на Дохлого и, выдержав паузу, во время которой с присвистом глотнул из блюдца, вызывающе заявил:

— Это неважно!

У Дохлого в горле перехватило от подобной наглости.

— А ты знаешь, сучонок, что это наша территория? — И он сжал свой огромный кулак. — Я тебе, тварь, сейчас яйца вырву!

— Попробуй! — вновь с вызовом ответил паренек, но лицом, надо сказать, побледнел, оценив мощную фигуру конкурента.

Дохлый поставил кейс на пол у двери, чтобы быть свободным в драке, и двинулся к столу.

Хозяин, в ужасе от предстоящей разборки и возможного крушения мебели при этом, вжался в стену.

Паренек сорвался со стула, обежал стол по кругу и остановился за ним, чтобы быть на расстоянии от Дохлого.

Тот же продолжал наступать на него, как медведь наступает на жертву. Рот его кривился от гнева.

Пока внимание Дохлого было занято пареньком, в коридоре мелькнула неясная тень и чья-то рука, ко-

ротко обозначившись в дверном проеме, подхватила кейс Дохлого, а на его место поставила другой — точно такой же. Секунда, две, три — и в прихожей хлопнула входная дверь.

Увидев подмену кейса, паренек удовлетворенно хмыкнул, как явно причастный к этому делу. Теперь надо было выбираться. Он вскочил на диван, чтобы быть повыше, выхватил из кармана гранату. И, ухватившись за чеку, заорал, обращаясь к Дохлому:

— Ложись, жаба толстая, а то взорву! И от тебя только клочья полетят!

Дохлый, увидев гранату, замер на месте.

— На пол, живо! — потребовал паренек, поднимая гранату вверх. — Считаю до трех! Раз...

Видя, что конкурент не шутит, Дохлый рухнул лицом на паркет — в серванте на полках аж рюмки запрыгали, зазвенели!

Выдержав паузу, паренек выдернул чеку и сунул гранату в круглую вазу, где лежали яблоки.

— Сейчас рванет! — крикнул он и бросился к выходу.

Дохлый и несчастный хозяин квартиры вжались в пол. Дохлый мгновенно взмок от страха. Еще бы! Одно дело — уродовать других, чувствуя свою безнаказанность, иное — самому оказаться в положении жертвы и стучать от страха зубами, упираясь носом в край пыльного ковра.

К счастью, граната не взорвалась. Как выяснилось позже, это был хорошо сделанный муляж...

Тем временем паренек в куртке, которого звали Леня, и его напарник, коренастый мужчина с веселыми глазами, по фамилии Барханов, являвшийся орга-

низатором всей этой затеи с подменной кейса, спешили покинуть место действия. Бегом они пересекли двор и, пробежав под аркой, выскочили на оживленную улицу.

На перекрестке они разбежались в разные стороны.

Барханов некоторое время энергично шел по тротуару, поглядывая любовно на кейс, но, услышав где-то далеко за спиной какие-то крики, швырнул свою добычу в кузов проезжавшего мимо небольшого грузовичка, сбавившего на повороте скорость, уцепился за борт и, подтянувшись на руках, сам последовал туда же.

Грузовичок вырвали на Садовое кольцо и покатился в шумном потоке машин, увозя Барханова, уютно устроившегося на тюках, подальше от опасного места.

Зина водила утюгом по влажной простыне и, будто испытывая терпение мужа, продолжала, как неугомонный дятел, долбить хрупкий ствол семейного дерева, не думая о том, что в один прекрасный момент этот ствол может рухнуть.

— Я знаю, знаю, — расширив глаза, пела она свою песню, — почему ты за свой тухлый театр держишься...

— А тут и знать нечего, — глянул исподлобья Алябьев. — Люблю — и все.

— Конечно, любишь! — согласилась с ним Зина. — Вы все это дело любите. Поэтому и перетрахались у себя в театре друг с дружкой, точно кролики!

Алябьев сжался, как от удара.

— Опомнись, что ты говоришь!

— Правду говорю, правду!

— Господи, как у тебя язык не отсохнет от этих мерзостей...

— Ах, мерзости!.. — Зина бросила утюг на подставку. — А приносить домой гроши — это не мерзости? А отказывать ребенку во всем необходимом, когда другие дети обжираются, — это не мерзости?!

Алябьев шевельнул желваками и закрыл глаза. Начинался новый виток психологической обработки, и тут уж глумливую жену не остановить. Бледное лицо его в эту минуту было похоже на лицо покойника.

— Нет, вы только посмотрите: он глаза закрыл! — брызнула слюной Зина, нажимая на все педали своего разрушительного танка. — Ты что из себя Янковского изображаешь? — Актер Янковский был, пожалуй, одним из немногих в актерской среде, кого Зина держала за авторитет. — Не пьжься, ты не Янковский! Не похож!

Алябьев сидел на стуле и глаза не открывал. «Уехать бы куда-нибудь, хоть на необитаемый остров!» — подумал он.

Зина слишком хорошо знала мужа и сразу догадалась, о чем тот думает.

— А-а, на необитаемый остров захотел? Ишь, Миклухо-Маклай хренов! Поезжай, поезжай! И ребенка с собой возьми, и мать свою с больной ногой... Я ее обхаживать без тебя тут не буду!

Алябьев наконец открыл глаза. И увидел перед собой распахнутое окно — оно сразу привлекло его внимание. За окном шумела улица, жил своей жизнью равнодушный город... чужой мир. Решение пришло мгновенно. И ничто теперь не могло остановить артиста. Жизнь проиграна по всем статьям, осталось последнее — смерть!

Точно во сне, Алябьев поднялся со стула, беззвучной тенью проскользнул за спиной жены к окну...

Придвинув к нему табуретку, влез на подоконник и... бросился вниз.

Зина даже не поняла, что произошло и куда делся ее муж. Курить, что ли, пошел на лестницу или в туалет?

Тело Алябьева пролетело несколько этажей, нырнуло в густую листву разросшейся под окнами старой липы, крутанулось там среди ветвей и вылетело в сторону проезжей части, где и упало в кузов грузовичка, проезжавшего мимо, на тюки с ватой.

Грузовичок был тот самый, в котором чудесным образом устроился Барханов и, лежа на спине, смаковал детали удачно проведенной операции. Услышав за спиной глухой удар, произведенный упавшим телом, он резко обернулся. Пальцы его мгновенно выхватили из-за пояса пистолет. Барханов был человеком всегда готовым к разного рода неожиданностям.

Взору его предстали две ноги в поношенных кроссовках, торчащие из тюков, устремленные вверх. Ноги зашевелились, задвигались... Исчезли из поля видимости Барханова, и вместо них появилась всклокоченная голова.

— Где я? — спросила голова, вращая безумными глазами, пытаясь осмыслить происходящее. — Скажите, где я?

— В раю... или в жопе, как и все! — невозмутимо сообщил Барханов, убедившись, что этого типа можно не опасаться.

Когда он пригляделся к незнакомцу, лицо его озарила улыбка. Это был его старый школьный товарищ.

— Серега! — вскричал он, протягивая руки. — Иди сюда, рожа небритая!.. Что, не узнаешь?

Глаза Алябьева обрели осмысленность. Он тоже узнал Барханова.

— Барханов! Олег! — И сполз по тюкам вниз.

Барханов энергично потрянул его за плечи.

— Здорово! Давненько, парниша, наши пути не пересекались... Лет пять, поди, будет и даже больше!.. Наслышан о твоих успехах, наслышан! Говорят, в большие артисты выходишь?

— А-а, — отмахнулся Алябьев, — был артист и весь вышел... Так, стало быть, я жив?.. Эх, брат, зачем?! Хотя, признаюсь, рад тебя видеть...

— В каком смысле — жив? — не понял Барханов. — Конечно, жив! А как ты в кузов-то попал?

— Да, понимаешь, дрянная история... — потупился артист. — Не в кузов я хотел, совсем не в кузов...

Барханов внимательно посмотрел на приятеля.

— Из окна, что ли, сиганул? Порешить себя хотел?!

Алябьев кивнул.

— Ух, черт! — дернулся потрясенный Барханов. — Это ты из-за Зинки, что ли? Из-за этой акулы? Дурак ты, дурак! — скривился он, выразив гримасой свое отношение к поступку артиста и к его жене, которая, по его мнению, не заслуживала столь сильного проявления чувств.

Некоторое время спустя они вошли в подъезд дома, где Барханов снимал квартиру, поднялись по лестнице.

— Значит, так, — решил за приятеля Барханов. — Пусть твоя мымра второсортная считает, что ты разбился. У тебя начинается новая жизнь! Поживешь пока у меня, а там разберемся, что и как...

Вошли в квартиру. В ней было несколько комнат, и почти все пустые. Вещи и кое-какая мебель — ста-

ринное кресло, антикварный стол пушкинских времен и раскладушка, покрытая клетчатым пледом, — находились в одной комнате, где, видимо, и обитал хозяин. Обжитой была и кухня. Там стоял холодильник, и в раковине громоздилась вымытая посуда.

— Деньги у тебя есть? — спросил Барханов.

Алябьев порывлся в карманах, вынул мятую купюру, протянул приятелю.

— Юморист! — усмехнулся тот. — Разве это деньги? Тут на кружку пива не хватит. Трагик!

Барханов присел к столу, положил сверху кейс.

Алябьев оглядел комнату, нехитрые пожитки.

— Это твоё жильё?

— Снимаю... — Барханов достал из ящика стола отвертку, сорвал на кейсе оба замка. — Посмотрим, что мы имеем с гуся... — Он открыл крышку кейса, заглянул внутрь. Высыпал на стол содержимое одного конверта, другого, третьего. — О, да тут целое состояние! — засмеялся он. — Ничего себе гусек, на целую индейку потянет! А может, и на кабана!

От количества денег у Алябьева зарябило в глазах.

— Откуда столько?

— В кустах нашел! — усмехнулся Барханов, уходя от правдивого ответа. — Зашел по нужде, гляжу — кейс, чуть ноги не обмочил!.. — Он протянул Алябьеву пачку сторублевков. — На, возьми. Это тебе на мелкие расходы: туда-сюда, пивка попить...

Алябьев повертел в руках пачку, положил обратно на стол.

— Я не возьму.

— Не понял?

— Не смогу отдать... Нам в театре негусто капает.

— Брось, Серега, не пыли без нужды! Мы с тобой еще больше зарабатываем.

Алябьев покачал головой. Увидел яблоки в вазе и, запнувшись, попросил:

— Лучше яблочко съем... Можно? — Его мутило от голода.

— Какой же ты дурак! — всплеснул руками Барханов. — Семь лет ты свою жену-поганку слушал, теперь послушай меня... Ты на себя в зеркало давно смотрел?

— А что?

— Так посмотри... во что ты превратился! — Барханов сдернул со стены небольшое овальное зеркало, сунул его под нос приятелю. — Ты же был самый приметный в классе, самый толковый... Телки вокруг тебя круги писали, любая готова была задницу оголеть!.. А теперь что? Глаза — как у дохлой рыбы! А ведь ты еще молодой мужик! Она тебя что — загнипотизировала?

— Давай не будем об этом, — попросил устало Алябьев.

— Хорошо, давай не будем... — согласился Барханов. Взял со стола початую бутылку водки, плеснул понемногу в два фужера. Один протянул Алябьеву и спросил, оглядывая его фигуру и опущенные плечи: — Ты хоть по утрам зарядку делаешь?

— Уже нет.

— Уже нет... Тогда завтра с утра начнем с гантелей! — И чокнулся с приятелем, предлагая выпить за начало новой жизни.

— Шляпа! Баран! Лох! — орал на Дохлого помощник Шефа, сухощавый блондин с красным лицом и вы-

горевшими на солнце бровями, по кличке Писатель, узнав, что тому подменили кейс с деньгами.

Дело происходило на явочной квартире, в просторной гостиной, с пальмами по углам и картинами в дорогих рамах на стенах, больше похожей на зал в музее, чем на место, где затеваются темные дела.

До прихода Дохлого Писатель сидел за широким столом, на котором стояли несколько телефонных аппаратов, компьютер и в центре — хрустальная ваза в виде ладьи, полная шоколадных конфет в разноцветных фантиках. Томясь от безделья, запуская изредка пальцы в вазу с конфетами, Писатель сочинял романтические вирши о боевых подвигах Шефа и его отважной команды, ну и свою личную роль в этих подвигах не стеснялся отразить. Сегодня хорошо писалось. Писатель чувствовал прилив вдохновения... И вот явился этот идиот и все испортил!

— Тебя обули как последнего кретина! — негодовал Писатель. — Такие бабки просрал!.. Эти стригуны пасли тебя, вероятно, не меньше месяца, а ты их прошляпил! — Писатель взял из вазы очередную конфету, сунул ее в рот. Немного успокоился. — Как они хоть выглядели?

Дохлый подавленно молчал и лишь громко сопел. Наконец, заговорил осипшим от расстройства голосом:

— Один — хлипкий такой... Возьмешь за горло, моча польется! Второй... Второго видел только со спины, уже на улице... Тот покрепче будет.

— Дай кейс! — потребовал Писатель.

Дохлый послушно отдал кейс, тот, что ему подсунули. Писатель положил кейс на стол, открыл крышку. Внутри на старых мятых газетах уныло теснились друг

к другу четыре пустые бутылки из-под водки с многозначительным названием «Привет». Надпись «Привет» на этикетках выглядела особенно вызывающе. Писатель скривился, словно обнаружил потерю собственного бумажника.

— Ну все, Дохлый! — сказал он. — Теперь тебя точно Шеф отправит на улицу матрешками торговать!

Дохлый застонал от ужаса, представив себя с лотком матрешек на Арбате.

— Только не это, только не это!..

В центральной части города, в одном из министерств, зазвонил телефон. К аппарату подошел вышколенный референт, снял трубку.

— Подождите минуту, сейчас позову, — ответил он, выслушав то, что ему сказали на другом конце провода.

Референт положил трубку рядом с аппаратом, прошел в большой, хорошо декорированный зал, где проходило совещание и за столом сидело человек десять респектабельных мужчин разного возраста.

Остановился за спиной одного из них, лысоватого, холеного, с подвижным лицом и острым взглядом, и шепнул:

— Вас к телефону, срочно...

Лысоватый мужчина поднялся, извинился перед собравшимися и вышел.

Взял трубку, выслушал, что ему сказали, изменился в лице.

— Мутанты! Дебилы! — выругался он. — Вам бы только девок по углам мусолить, а работать не умеете!.. — Он оглянулся на сидящего в конце приемной

референта, понизил голос: — В общем, так: этих двух «кустарей» срочно найти и убрать! Ты меня понял, Писатель?

— Понял, — подобострастно кивнул Писатель на явочной квартире.

Дохлый не слышал слов Шефа и, глядя в лицо Писателя, покорно ждал решения своей участи.

— Ну? — заволновался он, когда Писатель повесил трубку.

— Ну, ну... Гну! — Писатель подошел к Дохлому и, выдержав паузу, объявил приговор: — Шеф дает тебе возможность загладить свою вину, цени! Значит, так... Ты и Болт — Болт будет за старшего.. .

— Почему Болт за старшего? — обиделся Дохлый.

— По кочану! Ушами хлопать меньше надо! Значит, Болт будет за старшего... Отыщите этих недоносков, заберете бабки, а им... пушку в рот!

— Где же мы их найдем?

— Это уж твоя забота! — жестко оборвал его Писатель. — Сумел выпустить из рук такие бабки, теперь крутись, дураком!.. — И принялся рассуждать, понимая, что у Дохлого не хватит мозгового вещества на серьезную аналитическую работу: — Я думаю, искать их следует в том районе, где они тебя пасли. Наверняка один из них там живет. Вот и соображай, что к чему.

Что бы стал делать цивилизованный немец, удачно провернувший щекотливое дельце? Непременно положил бы деньги в кубышку и затаился до лучших времен. А что делает наш человек? Тут же идет в соответствующее место, чтобы обмыть успех.

Еще несколько лет назад ресторан «Пекин» при гостинице с тем же названием, расположенной на Маяковке, тихо умирал, превращаясь в затрапезную столовую, куда и заходить-то не хотелось. Но настали другие времена, и жизнь в ресторане круто изменилась. Стены и потолки в залах преобразились, засветились китайским разноцветьем, столы засияли белоснежными крахмальными скатертями, изменилось меню, став изысканным и многообразным, появилось ревью с участием длинноногих девушек, нацепивших черные парики и работающих под китаянок. Энергичные ребята-музыканты во главе с обаятельным усачом Карлом наяривают после ревью до полуночи, и от желающих потанцевать нет отбоя. Одним словом, жизнь в ресторане сегодня бьет ключом! И деньги, денежки, деньжата летят там, словно листья с деревьев по осени, — успевай только шевелиться! Но пустых мест за столиками нет, значит, с купюрами у граждан все в порядке, и немало приходит таких, кто легко расстается с ними, не мучаясь головной болью от мыслей о хлебе насущном.

В это замечательное место и отправились вечером Барханов и Леня, взяв с собой несчастного Алябьева, чтобы отметить успешное дело.

Барханов любил этот ресторан и, когда появлялись деньги, непременно сюда заходил. Ему нравилась ресторанный кутерьма, круговерть веселых лиц, бегающие официанты, холеные женщины, размягченные от спиртного, — здесь можно было расслабиться и быть самим собой. Была бы такая возможность, Барханов и спал бы в ресторане — в шуме, гомене, в всплесках музыки! По крайней мере так он говорил друзьям.

— Обожаю это место! Здесь бы коечку поставить и спать, до того хорошо! — повторил он и сегодня, весело оглядывая зал.

— Классно! — согласился с ним простодушный Леня. Он в подобные места ходил редко, сказывалось отсутствие средств и другие жизненные интересы. Леня любил посидеть с книгой, любил подумать в тишине. Но сегодняшнее вечер не в счет, сегодня, можно сказать, был особый случай.

Алябьев, оправившийся после драматического прыжка в окно, как-то успокоился, повеселел и с аппетитом уплетал какое-то диковинное блюдо, которое принесли на горячее.

— Вкусно, — промычал он.

После выпитого и хорошей еды скверная домашняя жизнь, жена Зина, неурядицы последнего времени — все это осталось в стороне, потускнело, растворилось в ресторанном шуме и табачном дыму и казалось теперь элементами чьей-то чужой, далекой ему жизни.

— Ешь, ешь, Серега! — воскликнул Барханов с чувством хлебосольного хозяина, радуясь, что может доставить удовольствие старому приятелю. — Твоя Зинка, поди, только яйца над сковородкой может разбивать!..

— Ну, зачем ты так... — обиделся Алябьев.

— Молчу, молчу! — не стал продолжать Барханов. Артист вновь принялся за еду.

— Очень вкусно! Интересно, сколько стоит такое мясо?

— Какая разница! — Барханов махнул рукой. — Ешь! Я угощаю!

— И все-таки?

Леня взял со стола меню — ему тоже хотелось узнать стоимость блюда, — открыл меню, нашел нужное название.

— В переводе на зеленые: девяносто долларов — порция...

Алябьев чуть не поперхнулся.

— Сколько?!

Барханов отобрал у Лени меню.

— Не порти человеку аппетит!

— Надо же... — Алябьев глядел в тарелку и решал — стоит ли продолжать есть столь дорогостоящий продукт?

— Ешь и не дергайся! — успокоил его Барханов. Он обвел глазами переполненный зал ресторана. — Это жлобье может себе позволить такую жратву, а чем мы хуже? Если бы они зарабатывали свои бабки честным путем, я, быть может, до сих пор на своем заводе инженерил... Но жизнь, увы, — не целомудренная невеста, а изрядно порченная бабенка! Уверен, большинство из тех, кто здесь сидит, воруют, перепродают, вымогают... А я не люблю, когда меня за дурачка держат! И делаю ответный ход!

Алябьев, выслушав его речь, напрягся:

— Так, стало быть, вы свои деньги...

— Нашли! — прервал его Барханов, не желая огорчать честного приятеля. — В кустах! Я тебе уже говорил. Спроси у Лени...

— Ну, в общем, так... — простодушно по-детски улыбнулся Леня. — А ведь классно получилось, — не выдержал он. — Такая куча денег! — И поднял свою рюмку: — Выпьем за удачу!

— Давайте, — поддержал Барханов.

Все трое сдвинули рюмки, чокнулись. Выпили.

Леня подцепил вилкой маринованный гриб, занюхал им выпитую водку и возбужденно продолжал:

— Я своим сразу деньги почтой отправил. У меня отец сроду таких бабок не видел... Теперь уж точно он достроит свой аппарат. Знаете, кто у меня отец?

— Кто? — проявил интерес Алябьев.

— Самородок! — гордо сообщил Леня. И понизил голос, словно речь шла о военных секретах: — Он в сарае самолет строит. Настоящий! — Леня подпер лицо ладонью. — Я вот окрепну немного, поднакоплю денюжат и в деревню вернусь, не нравится мне здесь... Знаете, какая у нас деревня? Высокий берег, внизу речка, и дали — глаз не оторвать!

— Чепуха! — поморщился Барханов, выросший в городе и любивший городскую жизнь. — В городе лучше! Признаюсь, я без цивилизации — никак... Без горячей воды — просто тупею! Опять же, скажите, что за радость — в сортир по морозу бегать?..

Тем же вечером Дохлый и назначенный ему в напарники Болт, блатной мужик, с колючим взглядом и шрамом от ножа на подбородке, в тубетейке неизвестного происхождения, надвинутой на лоб, приступили к поискам обидчиков. Точнее — одного из них, с кем Дохлый встретился лицом к лицу и кого хорошо запомнил.

Пара сидела в неприметных «Жигулях» поблизости от оживленного перекрестка, где потоком шел народ.

Дохлый, у которого уже рябило в глазах от обилия людей, обреченно вздохнул. Поиск обидчика представлялся ему делом безнадежным.

— Не вздыхай, а лучше по сторонам смотри, — посоветовал Болт. — Тебе сопли утерли, а не мне. Ты его в лицо видел, а не я. Конечно, это дело хлопотное... но найдем! Я верю!

Уверенность Болта в успехе подействовала на Дохлого ободряюще.

— Пусть он, падла, мне только попадет! — И Дохлый сжал кулак, представляя, как измордует эту дохлую букашку.

Болт включил зажигание и медленно поехал вдоль тротуара.

Было еще светло, хотя день уже заметно утратил дневную яркость. Людей на улице было еще много, и все куда-то шли и шли, и можно было подумать, что поблизости находится стадион, где сегодня встречаются ведущие футбольные команды. Топтались у ларьков «крутые» парни, сбившись в группы по три-четыре человека, — их сразу можно было определить и по стилю одежды, и по манере держаться... У проезжей части, переминаясь с ноги на ногу, дежурили длинноногие девицы, высматривая себе клиентов; время от времени возле них тормозили машины и увозили одну из них с собой... Равномерному движению толпы мешала группа туристов-иностранцев, застрявшая у одной из витрин, заезжие гости, энергично жестикулируя, вели оживленный разговор — что их там привлекло, понять было невозможно... У подземного перехода стояли два уличных музыканта — один был с гитарой, другой держал кларнет — и играли что-то веселое. Поблизости на грязном мешке сидел бомж. В ногах у него стояла железная консервная банка, в которой лежала горсть мелочи. Бомж ничего не просил, был занят своими

мыслями, и люди, проходившие мимо, сами бросали ему деньги...

В общем, кого здесь только не было. И вполне мог объявиться тот, кого бандиты искали.

Когда уже выпили изрядно, Барханову захотелось петь. Он вышел из-за стола, пошатываясь, пробрался к эстраде, сунул музыкантам деньги, и те, прервав на середине танец, пропустили его к микрофону.

Люди, сидевшие за столиками с интересом воззрились на него: что это за тип вылез на эстраду и чем хочет удивить?

Леня весело похохатывал, хлопая себя по коленям, наблюдая эту картину.

Барханов прикрыл лицо рукой, чтобы ничто не отвлекало его от пения, и, набрав в легкие воздуха, запел в полный голос. Песня была всем знакома, но слова в ней были другие — заметно отличающиеся от канонического текста.

Он был по ошибке
Посажен в тюрьму,
Он золото рыл
В Магадане далеко,
И родина щедро
Платила ему
Березовым соком,
Березовым соком!

Когда Барханов закончил, публика в ресторане, оценив пение и особенно новый текст, бурно приветствовала исполнителя...

Прощались приятели за полночь, сильно пьяные, стоя на улице у дверей ресторана.

— Ребя-а-та, поплыли ко мне! Приглашаю на рю... на рюмку чая... — предложил Леня. Он был счастлив и не хотел расставаться.

Барханов перед выходом «снял» девицу и теперь ко-сился в сторону, где та его ждала.

— Езжайте без меня, — он подмигнул Алябьеву. И пояснил: — У меня культурная программа намечается... Пока вы о всякой хреновине трепались, я телку снял... — Он пьяно облобызал Алябьева. — Поезжай к Лене, Серега... А потом — ко мне. И больше никуда, ни-ни! Понял?

— Понял, — тряхнул отяжелевшей головой артист.

— Обещаешь?

— Ну.

— Клянись!

— Клянись! — повторил за Бархановым Леня.

— Вот те крест!

— Смотри! — Барханов погрозил пальцем. Затем извлек из нагрудного кармана пиджака пачку денег. Протянул Алябьеву. — На!

— Зачем?

— На такси тебе, когда поедешь до меня...

— Не возьму! — заупрямился Алябьев. — Мне отдавать нечем...

— Бери!

— Нет.

— Ну, хорошо, раз ты такой щепетильный... Считай, я тебя на работу взял. А чтобы у тебя не было комплексов, будешь, Серега, моим телохранителем! Все

равно у тебя в театре отпуск... А это твой аванс! — и он сунул деньги артисту в карман.

Алябьев пьяно озадачился.

— Какой из меня телохранитель... Телохранитель — это... это... — он широко развел руки, подыскивая нужное определение, но так его и не нашел. И лишь сказал: — Я ж не такой сильный, как требуется...

— Зато — не дурак! — успокоил его Барханов. — А это главное. Верно, Леник?

— Верно! — подтвердил Ленья.

Барханов протянул артисту руку.

— Все, держи пять!..

И двинулся в направлении девицы, которая его ждала.

— Э, постой... — ухватил его за рукав Алябьев. — Если я твой телохранитель, то — что это значит? Это значит, что я должен тебя повсюду сопровождать! И я пойду сейчас с тобой, — заявил он, переступая нетвердыми ногами.

— Ты что, рехнулся?! — оттолкнул его Барханов. — Не видишь, меня кукла ждет... Ты что, третьим к нам в кровать полезешь?

— Да, действительно... — озадачился Алябьев. Пьяная его мысль работала с трудом. — Тогда возьми деньги обратно... — Он и полез в карман за деньгами.

— Слушай, не морочь мне голову! — рассердился Барханов. Девица, проявляя нетерпение, уже в третий раз махнула ему рукой. — Я тебя нанял?

— Нанял.

— Я командую?

— Ты...

— Значит, так. Сейчас берешь под ручку Леника, отвезешь его домой. А где-то через часик... полтора — приедешь ко мне. Врубился? Все, орлы, ариведерчи!

Он оттолкнул Алябьева. Притянул за уши Леню, чмокнул его в лоб. И устремился к своей красотке.

Время было позднее, а Дохлый и Болт все еще неспешно ездили по улицам. Правда, теперь не столь тщательно вглядывались в лица — сказывалась усталость.

— И я из-за тебя, блин, влип, — зевнул Болт. — Если б не ты, сидел бы сейчас дома с одной классной «со-ской» и зубы водярой полоскал!

— К черту! Давай закончим, — предложил Дохлый.

— Нет, — покачал Болт головой, — покрутимся еще...

— Может, его в другом месте искать следует?

— Скучно с тобой. — Болт вновь зевнул. — Ты этого сучонка где упустил? Здесь, на этой улице. И пасли они тебя где? В этом районе... Кроме того, случай — не последнее дело для нашего брата. Я верю в случай. Верю! Как бесплодная девка, не знающая о своем бесплодии, верит: авось пронесет и — обойдется без брюха! Так что не ссы, будем ждать!

Надо сказать, Болт, надеявшийся на удачу, оказался прав. Прошло немного времени, и в переулке, по которому они медленно ехали, появилось такси. Такси обогнало их и остановилось впереди напротив арки, вписанной в фасад старого трехэтажного дома и ведущей во двор.

Из такси вылезли двое. Один из них был тот, кого они искали. Да, бывают такие счастливые моменты!

Дохлый, увидев Леню, не поверил в свое счастье и протер глаза: нет ли здесь ошибки? Ошибки не было — это был тот самый парень, что угрожал ему гранатой.

— Вот он! — выдохнул Дохлый и, открыв дверцу, рванулся было из машины.

Болт едва успел схватить его за полу куртки и втянул обратно.

— Тю, тю, тю! Какой ты горячий! Так и штаны обмочить недолго. Не суетись, теперь он наш, никуда не денется...

И действительно, дичь попала в силки, остальное теперь было делом техники.

Леня и Алябьев, расплатившись с таксистом, прошли под арку, направляясь к жилому строению в глубине двора.

Выдержав паузу, Болт тронулся с места и, въехав во двор, остановился. Выключил фары, чтобы не привлекать внимание.

Алябьев, на которого снизошло вдохновение, декламировал монолог короля из шекспировской трагедии, обращенный к Гамлету, а Леня восторженно слушал. Так они и шли к подъезду, обняв друг друга за плечи, словно старые друзья.

...То можно ль этим в хмуром возмущеньи
Тревожить сердце? Это грех пред небом,
Грех пред усопшим, грех пред естеством,
Противный разуму, чье наставленье
Есть смерть отцов, чей вековечный клич
От первого покойника донине:
«Так должно быть». Тебя мы просим, брось
Бесплодную печаль, о нас помысли

Как об отце, пусть не забудет мир,
Что ты всех ближе к нашему престолу
И я не меньшей щедростью любви,
Чем сына самый нежный из отцов,
Тебя дарю...

Здесь они вошли в подъезд. И звук закрывшейся на пружине двери оборвал монолог.

Болт прислушался.

— Пошли, — сказал он Дохлому и достал из кармана пистолет.

Светила яркая луна. Во дворе было тихо. Весь дом уже спал. И лишь на третьем этаже засветилось окно. Это Леня и его гость вошли в квартиру.

— Проходи, — сказал Леня.

Алябьев заглянул в комнату, но заходить туда не стал. И, перейдя на шепот, словно не хотел будить спящих, предложил:

— Давай кофейку рванем...

— Давай, — согласился Леня. И спросил в свою очередь: — Ты чего шепчешь? Никого же нет. Жена и теща на даче...

Они прошли в кухню. Леня зажег газ, поставил кофейник на плиту. В ожидании, когда закипит вода, оба присели к столу.

— Хорошо у тебя, тихо... — произнес умиротворенно Алябьев и неожиданно запел от чувств: — «Тополя-а-а, тополя-а-а!..»

— Слушай, Серега! — прервал его Леня, ему хотелось поговорить, узнать что-нибудь новое из жизни актеров. — Ты с Гундаревой знаком? Вот приходилось тебе встречаться с Гундаревой?

— Приходилось, — тряхнул отяжелевшей головой Алябьев. — Я с ней в кино снимался... В эпизоде. Ма-аленький такой эпизодик! — Он сблизил большой и указательный пальцы, словно показывал толщину бутерброда или небольшой книжки. — Его, правда, вырезали потом, но...

— Ух ты! — Леня восторженно смотрел на него. — Ты счастливый человек, Серега! — Близость Алябьева к известным артистам, которые были для Лени почти небожителями, вызывала в нем религиозное восхищение, свойственное провинциалам.

В это время позвонили в дверь.

— Кто это? — удивился Леня. — Танька, что ли, с дачи прирулила? Вряд ли... Это, наверное, Витек, сосед, за бутылкой пришел... Видимо, не хватило. — И устремился в прихожую по узкому коридору.

— Кто там? — поинтересовался он, останавливаясь у двери.

— Вам телеграмма! — ответил мужской голос.

Не чуя подвоха, с блаженной улыбкой на лице Леня открыл замок.

Створка двери тут же резко отлетела в сторону от сильного удара, и перед Леной возник незнакомый ему белобрысый малый в тюбетейке. Это был Болт. Пользуясь неожиданностью, он ухватил цепкими пальцами Ленью за нос и втолкнул его в прихожую.

— Не ожидал, сучонок? С кем играть вздумал! Давай бабки, вонючка!

— У-у! — взвыл от боли Леня, но рассудок не потерял. Наоборот, протрезвел мгновенно. — Какие бабки, пусти!

Извернувшись, он пнул обидчика коленом в пах. Болт только охнул, как бы даже удовлетворенно, слов-

но удовольствие с женщиной получал, и больше ничего. Правда, нос Ленин из пальцев выпустил.

Леня метнулся к двери, но тут на пороге появился еще один неожиданный гость, узнав которого он понял, кто эти люди и зачем они пожаловали. Времени для раздумий не было. С ловкостью спортсмена Леня подпрыгнул и, пролетев метра полтора, ткнулся головой в мясистое брюхо Дохлого. Тот не ожидал удара и, не устояв на ногах, вылетел на лестницу.

Леня захлопнул дверь и повернулся к Болту — с одним противником сражаться было проще.

Болт, удивленный прытью хлюпика, погрозил ему пальцем.

— Ты это... смотри у меня!

Пятясь задом, Леня нащупал среди ненужных вещей в прихожей какой-то предмет — это оказалась старая настольная лампа. Когда Болт приблизился к нему, он ударил его в лоб. От удара лампа развалилась на части, а бандиту хоть бы что! Болт вперил в Леню рачьи глаза и прошипел:

— Отдавай бабки, падла, пока я башку тебе не свернул!..

На шум в прихожей выскочил Алябьев. Увидев, что Леня отбивается от неизвестного типа в тубетейке, подхватил с пола табуретку и ударил злоумышленника по голове.

Болт только качнулся, и не более того.словно имел чугунную голову. Он отвернулся от Лени и направил на Алябьева пистолет.

— А ты, значит, второй, — проговорил он хрипло, — и тебя замочу, фраера!..

Леня, получив передышку, схватил шерстяной шарф, висевший на вешалке, набросил его на шею

Болту. И повис на нем сзади, пытаясь затянуть шарф потуже.

— Серега, беги! — крикнул он Алябьеву, желая его спасти. — За дверью еще один... Прыгай в окно!

— А ты?! — растерялся тот.

— Беги, беги! — призывал Леня, отчаянно борясь с Болтом.

Алябьев распахнул окно в кухне, посмотрел вниз и подался назад. Прыгать вниз с высоты второго этажа — это, скажем прямо, не вдохновляло!

— Здесь высоко!

— Прыгай, прыгай! Я за тобой!

«А-а, не впервой!» — подумал артист. Вскочил на подоконник и, собравшись с духом, прыгнул вниз — в темноту двора.

Уже приземляясь на газон, услышал над головой звук выстрела, потом еще один, потом сдавленный крик.

Милиционер, которого Алябьев увидел, выбежав к перекрестку, стоял возле патрульной машины и мило болтал с какой-то девицей, положив ей руку на талию. В машине работала рация, и оттуда доносился голос дежурного, сообщавший различную информацию и данные по угону автомобилей. То, что звучало из радиации, мало интересовало лейтенанта милиции — разговор с девицей был для него важнее.

— Послушайте! — бросился к нему Алябьев, задыхаясь от бега. — Там... там человека убивают!.. Умоляю, поехали скорее! Это в трех минутах отсюда!..

Милиционер отстранился от девицы, взглянул на Алябьева. Понял, что тот пьян, и отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Пить надо меньше! — посоветовал он, недовольный тем, что его отвлекают. — Литруху, поди, усосал или около того... Дуй отсюда, пока я тебя в вытрезвитель не загнал! Даю тридцать секунд. Время пошло!

И он отвернулся к девице, давая понять Алябьеву, что разговор окончен.

Алябьев хотел что-то сказать ему, потом махнул рукой от отчаяния и ушел в темноту ночной улицы...

Смерть близкого товарища — серьезное испытание. И горше вдвойне, если он молод. Барханов сильно переживал потерю друга и водкой старался заглушить боль. В майке, спортивных штанах и тапочках на босу ногу сидел он за неприбранным столом в прокуренной комнате и пил рюмку за рюмкой.

— Какого парня погубили, — бормотал он время от времени, то ли себя обвиняя в Лениной смерти, то ли тех, кто в Леню стрелял, и вновь тянулся трясущимися пальцами к бутылке — теперь уже третьей.

Алябьев виновато сидел в стороне на краешке продавленного дивана и молчал. Он был трезв. И страдал от того, что Барханов запил. Леня мертв, и ему уже ничем не поможешь, а вот Барханов... Тот мог допитаться до белой горячки!

Алябьев не выдержал, поднялся с дивана и попросил:

— Не пей!

Барханов в хмельном угаре не сразу узнал его.

— Ты чего это здесь? — спросил он.

— Не пей, — повторил Алябьев.

— Езжай домой, — с пьяной строгостью велел Барханов. — Тебе лучше в это дело не влезать... Я сам с ними разберусь...

— Нет уж! — воспротивился Алябьев. — Я останусь с тобой.

— Проваливай!

— Ты же меня на работу взял... телохранителем... Я и аванс уже, можно сказать, потратил... А деньги надо отрабатывать.

Барханов выпил рюмку. Запустил пальцы в тарелку с квашенной капустой, поднес щепоть к носу, понюхал и бросил капусту обратно в тарелку.

— Я тебя увольняю! — заявил он, глядя на Алябьева мутными глазами. — А истраченные деньги — это, считай, твое выходное пособие, понял?

— В таком случае, — не сдавался Алябьев, проявив неожиданную строптивость, — мне еще месяц полагается отработать по закону!

— Дурак! Они и тебя найдут... Они запомнили твою рожу... Ты засветился! Понимаешь ты это или нет?

— Тем более я должен остаться и подумать, как отомстить...

Барханов, толкнув ногой пустые бутылки, зазвеневшие под столом, решительно поднялся.

— Ты же слизняк! — он намеренно пытался оскорбить приятеля. — Тебя же твоя баба из окна выбросила... Брысь отсюда!

Он двинулся к дивану, но, не дойдя до него, рухнул на пол и заснул мертвецким сном.

Алябьев попытался дотащить его до дивана, но не смог. Тогда он принес подушку и одеяло. Сунул подушку спящему под голову, накрыл сверху одеялом...

Барханов будет пить еще несколько дней, но потом все же очухается, отопьется огуречным рассолом и возьмется за ум, горя желанием отомстить за смерть Лени.

Когда Шефу сообщили, что в квартире убитого похищенных денег не оказалось, он пришел в ярость.

— Как нет денег?! Да вы... да я... — он не находил слов.

Шеф ехал в дорогой иномарке с шофером, развалившись на заднем сиденье, и орал в трубку телефона. Рядом испуганно жалась смазливая девица, она впервые видела своего respectable спутника таким разъяренным.

— Мы перерыли всю хату и ничего не нашли, — оправдывался на другом конце провода Болт. — Только несколько бумажек...

— А где второй?

— Второй ушел... В окно выпрыгнул, сука!

— О-о! — взвыл Шеф, словно узнал о кончине любимой мамы. — И это — крутые профессионалы!.. Вам только дерьмо в выгребной яме месить! — Он бросил взгляд на свою спутницу: — Извини, ангел мой! — И опять в трубку: — Даю вам две недели сроку! Если за это время не найдете бабки и второго, я вас урою!

Шеф отключил телефон. Несколько мгновений тупо смотрел перед собой и сказал со вздохом:

— Если Калмыков узнает, что меня обули, как пацана, на недельную вырубку, собачье дерьмо заставит грызть!..

Пока подручные Шефа занимались поисками сбежавшего Алябьева, Барханов тоже не терял времени даром. Он понимал, чтобы отомстить за смерть Лени, необходимо выследить убийц, а через них выйти на «главного». Для этого ему нужны были помощники.

Одного Алябьева было недостаточно. И Барханов решил обратиться к знакомым женщинам. На участии женщин и строился разработанный им план. Не знаем, как там в Англиях или у немцев, но в России ни одно серьезное дело не обходится без дам!

Вечером одна из них явилась к Барханову для переговоров. Она сидела, устроившись в удобном кресле, спиной к двери, и если бы вдруг какой-нибудь случайный посетитель вознамерился заглянуть в комнату, ему бы не удалось увидеть ее лица и определить возраст дамы. Хотя, если судить по голосу и жестам, гостье Барханова было где-то между тридцатью и сорока. Назовем ее пока «женщина», ведь будут еще и другие.

Выслушав предложение Барханова, женщина молчала.

— Ну, что ты на меня смотришь, как негр на бала-лайку? — Затянувшееся молчание гостьи не нравилось Барханову, а та не спешила с ответом. — Детали я тебе пока объяснить не могу... Скажу только, что крайне нуждаюсь в твоей помощи... Ну? Ты согласна?

Женщина вздохнула:

— Очередная бредовая идея...

— Ну... — замялся Барханов.

Женщина была ему нужна, и он сдерживал себя, стараясь не реагировать на ее язвительное замечание.

— Как живешь? — спросила та. — Лицо мятое... Пьешь, наверное?

— Уже завязал.

Женщина оглядела спартанскую обстановку комнаты, ей здесь явно не нравилось.

— Снимаешь какую-то халупу... Пора уже быть серьезным человеком!

— Хозяйка скоро сделает ремонт, и эта халупа превратится в дворец... — отшутился Барханов. Он приблизился к женщине, взгляделся в ее лицо. — А ты с годами становишься все привлекательней... — Он наклонился к ней с намерением поцеловать ее.

Женщина резко отстранилась.

— А вот этого не надо! Оставь свои штучки, на меня они больше не действуют!

— Жаль! — улыбнулся Барханов. И уже серьезно добавил: — Но помочь ты мне должна... Старых друзей в беде не бросают.

Часом позже перед ним сидела еще одна женщина. Она была моложе первой, раскованней и, судя по всему, отнеслась к Барханову лучше.

Барханов извлек из буфета бутылку коньяка, налил две рюмки, одну придвинул госте.

— Ничего опасного не будет, — объяснил он, продолжая разговор. — От тебя потребуется быть самой собой... Обаяние, шарм, легкость в общении... — Он на мгновение задумался. Потом забрал у молодой женщины рюмку, которую минуту назад придвинул ей. — А вот пить, Катрин, тебе не следует! Ты становишься развязной, а этим можно все дело испортить.

— Как скажешь, милый! — промурлыкала Катрин, проводив грустным взглядом рюмку, которую Барханов убрал в буфет. — Что касается твоего предложения... Я согласна на все. Ну, кроме, конечно, пули в живот!

— Нет, нет, уверяю тебя, никаких пуль! — успокоил ее Барханов.

Катрин протянула к нему руки, обвила его шею.

— Есть вещи более приятные, чем пуля, ведь правда? — Одна рука ее опустилась к его ремню на брюках. — Впрочем... — Катрин задумалась. — Ради близкого человека я могла бы подставить себя и под пулю. Хотя нет, это было бы чересчур! Мне нравится жизнь... Я молода, и впереди интересное время... — Она заглянула Барханову в глаза. — Скажи, милый, а ты мог бы пожертвовать своей жизнью ради меня?

— Не знаю, — честно признался Барханов, думая о чем-то своем.

— О-о! — испустила вздох разочарования Катрин и капризно поджала губки. — Выходит, я тебе совсем безразлична...

— Что ты, что ты! — спохватился Барханов. — Ну хочешь, я ради тебя на рельсы лягу? Под поезд!

— Под поезд не надо... Давай лучше ляжем вместе, и в другое место, — лукаво промурлыкала Катрин, заглядывая в смежную комнату, где стояла широкая тахта.

Барханов украдкой посмотрел на часы и согласился:

— Как скажешь, дорогая...

А еще через час, выпроводив Катрин, Барханов беседовал с третьей женщиной, усадив ее предварительно в то же кресло.

Женщина была немолода, по возрасту ближе к первой, со следами былой красоты. Она часто вздыхала и, заметно волнуясь, стискивала пальцы лежащих на коленях рук.

— Я никогда не принимала участия в таких... сомнительных затеях, — призналась она, выслушав предложение Барханова. — Я боюсь... Мне бы не хотелось оказаться в тюрьме.

— Ах, Ольга Петровна, какая тюрьма! О чем вы?! — возбудился Барханов. — Я с государством в азартные игры не играю. И потом, кто сегодня сидит в тюрьме? Насильники и маньяки! Остальные — гуляют на свободе... А это — дело чистое! Если хотите — остроумный розыгрыш, не более того. И деньги хорошие. Валюта! Вы сможете помочь больному брату, его прооперируют в заграничной клинике...

— Вы и о брате знаете, — печально вздохнула женщина.

Барханов оставил ее замечание без внимания и продолжал:

— От вас требуется одно — ваш талант. Вы же прозябаете в своем «очаге культуры». Вас в вашем театре не ценят! Вы должны играть только главные роли! Я, лишь увидел вас на сцене, сразу понял: вы — чудо!

— Олег, вы просто демон-искуситель! — вздохнула кокетливо Ольга Петровна. И коротко хохотнула: — Форменный Мефистофель!

— Вы мне льстите, — сказал Барханов, довольный, что дело сдвинулось с мертвой точки и гостя готова дать согласие. И обольстительно (а он умел это делать как никто другой) улыбнулся: — Мефистофель, скажете тоже! Если верить литературным источникам, Мефистофель был крупнее и ростом повыше... Ну, и мозги, соответственно, не моим чета! Итак, вы согласны?

— Не знаю... — Ольга Петровна боролась сама с собой — слишком заманчивым было предложение Барханова.

На выставке Алмазного фонда в Кремле, где рядовые граждане имеют возможность ознакомиться с не-

которыми сокровищами, которыми владеет государство, было по-музейному тихо.

Сотрудники службы охраны со строгими лицами запускали в зал одну, максимум две группы экскурсантов, придирчиво оглядывая каждого и бдительно следя за тем, чтобы никто из посетителей не задерживался у витрин с экспонатами дольше положенного времени.

В одной из групп, толпившихся в зале, находился Алябьев. Артист изменил прическу, был гладко выбрит, глаза скрывали дымчатые очки. Лицо его выражало несвойственную ему прежде решимость. Он рассеянно слушал женщину-экскурсовода и с интересом разглядывал лежащие в витринах драгоценные вещи, принадлежавшие когда-то царскому дому Романовых, сделанные в восемнадцатом и девятнадцатом веках лучшими ювелирами Европы.

За толстыми пуленепробиваемыми стеклами светились россыпью бриллиантовых искр изумительные по красоте броши, серьги, кольца, заколки для волос, радовавшие в свое время не одно женское сердце из царской семьи... Здесь же сверкали украшенные драгоценными камнями ордена, принадлежавшие монархам и известным русским полководцам.

Алябьева заинтересовал эгрет, особого рода заколка-украшение для волос или платья, сделанная в виде фонтана из драгоценных камней, как он выяснил впоследствии у экскурсовода, в конце восемнадцатого века. Вещь буквально притягивала глаз, до того она была прекрасна. Струи воды, сделанные из бриллиантов, заканчивались большими синими сапфирами в виде крупных капель. Это было блестящее по композиции и технике выполнения ювелирное изделие.

Алябьев засмотрелся на эгрет и простоял у витрины дольше положенного, что вызвало немедленную реакцию сотрудника охраны.

— Проходите, гражданин, не задерживайтесь, — решительно посоветовал тот...

Следующие несколько дней Алябьев провел в книжных магазинах, отыскивая издания, посвященные коллекции Алмазного фонда. Наконец ему удалось найти толстую солидную монографию, включавшую в себя множество цветных иллюстраций, и, в частности, во всей своей красе там был представлен и интересовавший его эгрет...

Пока Алябьев, по неизвестной нам до срока причине, изучал выставку Алмазного фонда и ходил по книжным магазинам, его лицо, сделанное с помощью фоторобота, тиражировалось на принтере компьютера. И происходило это не в стенах спецлаборатории Московского угрозыска, а в помещении фирмы, обслуживавшей Шефа и ему подобных.

Это раньше, милые сограждане, преступные элементы работали по-кустарному, испытывая многочисленные трудности. Им противостояла мощная государственная машина, правоохранные органы которой не сидели сложа руки, да и рядовые горожане не боялись вступать в борьбу с нарушителями закона. Сегодня, увы, ситуация другая. К услугам «джентльменов удачи» самая современная техника, порою лучше той, что имеется в наличии у государственных служб, новейшие автомобили западных марок, оставляющие далеко позади милицейские «черепашки». Да и отдельные представители правоохранных органов не стесняются

за определенную мзду вступать с преступниками в деловые отношения и оказывать им необходимые услуги. Опять же, рядовые обыватели нынче не столь резвы, как раньше, и не рвутся на защиту справедливости. Кому хочется получить пулю у себя в подъезде?

Сегодня у преступников есть все. Даже фоторобот, с помощью которого и размножалось лицо Алябьева...

Писатель и Болт прибыли в условленное место на встречу с «агентом». Припарковались у тротуара в нескольких метрах от стоявшей там милицейской легковушки.

В легковушке, поглядывая через приспущенное наполовину стекло, скучал майор милиции с загорелым лицом римского легионера. Это и был тот самый «агент».

Болт остался в машине, а Писатель вылез наружу и, озираясь по сторонам, направился к милицейской легковушке. При этом он громко возмущался, умело, надо сказать, изображая человека, который заблудился и не может найти нужную ему улицу.

— Слышь, командир! — обратился он подчеркнуто громко к майору. — Не подскажешь, где здесь улица Цурюпы? Полчаса крутимся — ни один кент не знает!

Майор соображал несколько мгновений и сказал:

— Садись в машину, объясню...

Писатель сел в милицейскую машину. Устроившись на переднем кресле рядом с майором, извлек из нагрудного кармана пакет, бросил его на колени милиционеру.

Майор открыл пакет, вынул оттуда несколько фотоснимков, развернул их веером. Некоторое время молча

разглядывал художавое лицо Алябьева. Фоторобот довольно точно передавал его черты.

— Ладно, — заключил майор, — запущу этого парня по нашей цепочке как подозреваемого в крупной краже. Где-нибудь да выплывет, если только внешность не изменил... Ждите звонка.

Писатель понимающе кивнул и, считая разговор исчерпанным, вылез из машины.

— Спасибо, командир! — поблагодарил он. — Теперь вырулим... — И вновь заворчал нарочито громко: — Вот, блин, настрогают идиотских названий — хрен найдешь... Цурюпа! Кто такой Цурюпа? Тоже мне, спаситель человечества!

Была пятница. Во дворе большого кирпичного дома, одного из тех, где до перестройки селили номенклатуру, среди припаркованных у газона иномарок стояли светлые «Жигули». В машине находились Барханов и Алябьев. Они караулили Дохлого. Тот обычно приезжал в этот дом по пятницам, к одному из своих «клиентов», платившему дань.

Время шло, а Дохлый не появлялся. Сидеть в машине надоело, хотелось выйти наружу, размяться, но приходилось сдерживать себя. Тот, кого они ждали, мог появиться в любой момент.

— Бутерброд хочешь? — зевнув, предложил Барханов. — Или чайку глотнуть?

— Давай чаю, — согласился Алябьев.

Барханов потянулся к заднему сиденью, взял оттуда сумку. Вынул из нее термос, налил чай в пластмассовый стаканчик.

Алябьев отхлебнул из стаканчика.

— А ты, оказывается, хозяйственный мужик.

— А ты меня за дауна держал? — усмехнулся Барханов. — Вообще-то ты прав, я — даун... А это так, — он закрыл термос, — забота о ближнем. Телохранителя надо содержать и обхаживать, как скаковую лошадь! Чтобы в нужный момент не подвел!

— Это правильно, — согласился Алябьев. — Обхаживай... Можешь еще молоко за вредность давать. А лучше коньяк!

Барханов усмехнулся.

— Наглеешь, парниша? Это неплохо.

Помолчали.

— Может, зря сидим? — спросил Алябьев. — Сдаётся мне, он теперь сюда не придет...

— Придет, куда он денется! Каждую пятницу за бабками приходил, а теперь, видите ли, не придет!

— Ну, придет другой, которого мы не знаем в лицо...

— Девушка, не суетитесь под клиентом! Ты же артист, должен знать человеческую психологию. Придет, и именно он придет. Из принципа!

Алябьев, шевельнувшись, поменял позу. Увидев во дворе мальчика лет семи, промчавшегося на велосипеде, задумался, вспомнил о своем сыне.

— Как там мой Андрюшка...

Барханов поморщился.

— Ой, только не надо, не надо об этом! В порядке твой Андрюшка, ничего с ним не сделается... Ты еще бабу свою — «гуманистку» — вспомни, которая тебя из окна выбросила!

— Никто меня не выбрасывал, — обиделся Алябьев, — я сам...

— Ну и дурак, что сам, я тебе уже говорил. Человек для жизни создан, а не для того, чтобы в окошко нырять! Тебе надо любовницу завести. А лучше — двух!

Тогда у тебя кураж появится... Есть у меня на примете клевая телка... Моцартом кличут! Ой, баба! Профессор в этом деле! Тебя потом от нее за уши не оттащишь!

— И... и... — Алябьев неожиданно стал заикаться.

— Ты чего? — ухмыльнулся Барханов. — Уже возбуждился?

— Амбал этот идет! — выдохнул Алябьев.

Барханов посмотрел, куда указывал артист. И увидел Дохлого, идущего к подъезду. За разговором приятели не заметили, как его джип въехал во двор и припарковался в стороне.

И что самое интересное — Барханов сразу обратил на это внимание — кейс на этот раз был пристегнут к руке Дохлого наручниками: если и вырвут, то только с кистью!

— Ну, что я говорил! — оживился Барханов. — А ты сомневался. Обрати внимание на руку: кейс пристегнут наручниками... Боится, сука! Теперь от нас, скотина, не уйдет. Он и на главного нас выведет... А уж того мы причешем, как папу Карло!

Дохлый пробыл в доме недолго, вскоре вышел из подъезда. Прошел к джипу. Уселся внутрь. Отстегнул наручники с кейсом, взялся за руль.

Барханов дождался, когда он выедет со двора, и поехал следом, стараясь держаться на расстоянии.

Шеф в сопровождении трех телохранителей, каждый из которых занимал по ходу движения строго определенное место, покинув кабинет директора банка, прошел по широкому коридору мимо множества дверей и вышел в операционный зал.

После разговора с директором банка, который сообщил несколько приятных новостей и, в частности, рассказал об успешном переводе денег Шефа через подставную фирму в один из швейцарских банков, настроение Шефа заметно улучшилось. В последнее время оно, надо сказать, было неважным, и причиной этому была пропажа денег, уведенных обманным путем у Дохлого. Особенно возмущала Шефа дерзость похитителей, посмеявшихся тягаться с его командой.

Не задерживаясь в операционном зале, Шеф направился к выходу. Пребывая в своих мыслях, он неожиданно столкнулся с молодой привлекательной женщиной, вышедшей навстречу. При столкновении с ним женщина выронила сумочку, содержимое которой оказалось на полу.

Один из телохранителей, тот, что зазевался и допустил контакт своего подопечного с посторонней, тут же вцепился в локоть женщины и хотел ее оттолкнуть, но Шеф сделал ему знак: не трогать! — и громила сдержал свой порыв.

— Какой вы неловкий! — воскликнула женщина, укоризненно посмотрев на Шефа.

Это была Катрин, хорошо одетая, источающая аромат дорогих заграничных духов.

Шеф оценил ее взглядом, и лицо его мгновенно подало.

— Прошу прощения! — галантно произнес он, отметив про себя красоту незнакомки и ее хорошие манеры.

— И скажите вашему боксеру... или кто он у вас, чтобы отпустил мой локоть! — с капризными нотками в голосе заявила Катрин. — Мне больно. Я не привыкла, чтобы меня так хватили...

— Конечно, конечно! — согласился Шеф, принимая ее упрек.

Он взглянул на телохранителя, еле заметно дернув щекой, и тот, привыкший к такому немому языку, тут же выпустил хрупкий локоть Катрин из своих крепких пальцев.

— Боже, что с моей косметикой! — поджала губы Катрин, опускаясь на корточки. — Такие вещи нельзя ронять... Это же Франция, а не Мытищи!

Шеф с легкостью юноши тоже опустился на корточки, желая помочь собрать содержимое сумочки, оказавшееся на полу.

— Не печальтесь, это дело поправимое... — Он уже поплыл под взглядом прелестной незнакомки. — Мы купим вам все новое, лучших фирм... если вы согласитесь поужинать со мной.

Вернув разлетевшиеся мелочи обратно в сумочку, оба поднялись на ноги. Как по команде, вместе с ними поднялись вверх и все три телохранителя, присевшие вслед за Шефом.

Катрин испытующе посмотрела на Шефа.

— Извините, я с незнакомыми мужчинами не ужинаю! — заявила она с достоинством особы королевской крови. И добавила, чтобы тот не настаивал: — Нет, нет, и не просите!

Шеф благосклонно улыбнулся.

— Если говорить о «незнакомых», вы правильно рассуждаете... Но мы-то с вами уже познакомились. Так распорядилась судьба. А судьбе следует доверять, — проворковал он многозначительно. — Судьба знает, что делает...

Расставшись с Шефом, уже сидя в своей машине, Катрин вынула мобильник и набрала номер Барханова, ждавшего от нее известий.

— Он клюнул, — сообщила она. — Попросил номер моего телефона, но я не дала...

Шеф действительно клюнул, и это была удача. Барханов понимал, что действовать следует крайне осмотрительно, чтобы добыча не сорвалась с крючка. Шеф был человеком искушенным и не доверял даже собственной маме. Любой неосторожный шаг мог погубить всю затею.

Для второй якобы «случайной» встречи заговорщики избрали открытие выставки именитого художника, которую Шеф должен был посетить как один из спонсоров. Следует отметить, что Шеф не был лишен художественных пристрастий и, случалось, давал деньги на искусство, поощряя новые неожиданные направления.

В день открытия в зале выставки толпилась уйма всякого народу. Здесь были друзья художника, родственники, его многочисленные подруги, начальство, журналисты, любители скандальных зрелищ. А выставка действительно была скандальной. На всех полотнах во всей красе были представлены женские зады — рыхлые, круглые, будто сдобные булки, или похожие на взбитые подушки неохватных размеров... Натурщицы на полотнах, все без исключения, располагались к зрителю спиной, беззастенчиво выставляя напоказ мягкую часть своего тела. В глазах буквально рябило от голых женских задов. Мало того, в одном углу зала, неподалеку от служебного входа, неподвиж-

но стояла обнаженная дама, живая, во плоти, демонстрируя посетителям свой большой, подрагивающий, как желе, зад. И все это сопровождалось звуками музыки. В центре зала за роялем сидел болезненного вида человек в смокинге и играл итальянские песенки типа «О, соли мио!» И что примечательно, люди, толпившиеся у полотен, с умным видом обсуждали не только качество живописи, но и восхищались новаторством художника.

Сам же автор полотен, немолодой, коренастый, бородатый, красный от возбуждения, стоял в окружении коллег и вдохновенно объяснял, что его подвигло на подобное.

— Я вдруг почувствовал, что все во мне взрывается какой-то резкой чувственностью! — восклицал художник, теребя бородку. — Я ощутил, что из меня идет нечто необычайное... указанное мне свыше! И я не стал, друзья мои, себя обуздывать!.. Не посмел!

Слова художника, его несколько шаманский вид вызвали улыбку у Катрин, ходившую по залу и озадаченную увиденным. Катрин ждала появления Шефа и все время посматривала по сторонам.

Шеф появился неожиданно, войдя в зал со служебного входа. Три телохранителя, как обычно, следовали за ним. Оказавшись в зале, Шеф первым делом наткнулся взглядом на даму, стоявшую в чем мать родила в качестве живого экспоната, и на миг оторопел, не готовый к столь новаторскому зрелищу. Справившись со своими эмоциями, Шеф двинулся в центр зала к художнику, но не удержался и оглянулся назад на голую особу, желая убедиться в том, что это ему не привиделось. «Занятно!» — ухмыльнулся он, и тут

попал в объятия каких-то важных людей, ожидавших его. Последовали рукопожатия, приветственные фразы... Шеф барственно кивал, слушая, что ему говорят... и вдруг увидел Катрин, стоявшую возле одной из картин со скрещенными на груди руками.

Извинившись перед собеседником, которого он прервал на полуслове, Шеф устремился к прелестной незнакомке.

— Бог мой! Какая встреча! — воскликнул он.

— А, это вы... — сдержанно кивнула Катрин.

— Когда же я смогу вручить вам, дорогая моя, обещанный набор косметики?

Катрин улыбнулась.

— Ну, что вы, право... Стоит ли беспокоиться?

— Может, мы все-таки поужинаем вместе? — предложил Шеф, проявляя настойчивость.

Телохранители, наблюдавшие за происходящим, хмуρο пялились на Катрин, не понимая, чего она выпендривается.

— Может быть... — пообещала Катрин, не выказывая особого воодушевления. — Только в каком-нибудь приличном месте, где много публики... а то я вас, мужчин, знаю. И никаких отдельных кабинетов!

Долгожданный ужин состоялся в ресторане гостиницы «Метрополь».

Шеф и Катрин сидели друг напротив друга за столиком, сервированным на двоих. Рядом прозрачно шелестел фонтан, в чаше которого лениво плавали красные рыбки и шевелились водоросли. Поодаль, на эстраде, сидела молодая женщина и играла на арфе. Мелодичные звуки арфы придавали беседе, которую

вели Шеф и его гостя, оттенок изысканности и своеобразия.

Телохранители Шефа молчаливо восседали с двух сторон за соседними столиками, зорко следя за тем, что происходит в полупустом зале.

Близость телохранителей смущала Катрин. Ей не нравилось, что каждое ее слово, обращенное к собеседнику, слышат и эти трое.

— А без этих... нельзя? — не выдержав, спросила она.

— Увы, нет, — с долей печали принес Шеф. — Эти ребята пекутся о моем здоровье...

Катрин наивно вскинула брови:

— Вы чем-то больны?

— Пока нет, — успокоил ее Шеф. — Но всякое бывает.

— Ну хорошо, раз это необходимо, — с милой капризностью согласилась Катрин. — Только скажите этому мордастому, пусть хотя бы не смотрит мне в рот... Он что, не ел двое суток? Закажите ему в таком случае какую-нибудь отбивную или тарелку борща!

— Вы правы, он слишком откровенно разглядывает вас, — согласился млеющий от обаяния молодой женщины Шеф. И, скорчив гримасу, дал понять тому, о ком шла речь, чтобы не пялился на Катрин столь откровенно.

Телохранитель послушно повернулся к хозяину и его даме вполоборота. Чтобы не привлекать к себе внимание.

— Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями, — промурлыкал Шеф, пожирая Катрин глазами.

— Это зависит от вас... — кокетливо ответила та.

— Давайте выпьем, — Шеф наполнил бокалы шампанским. — Это французское, семьдесят второго года... — похвастался он.

— Не знаю... — борясь с искушением, сказала Катрин, помня наставления Барханова. — Разве что глоток...

— Почему только глоток?

— Мне нельзя пить.

— Да что вы! — воскликнул Шеф, думая, что это обычная женская отговорка. — Немного вина женщине не повредит... Для тонуса. Рекомендую! — Чувствовалось, что Шеф большой мастер по части ухаживания за женщинами.

Катрин снова вздохнула.

— Стоит мне немного выпить, — пояснила она, — и все мужчины становятся мне ненавистны... Тут же хочется домой, чтобы не видеть ни одной мужской физиономии. Это как кошмар!

Слова Катрин смутили Шефа. Он даже на миг растерялся: стоит ли в таком случае уговаривать ее выпить?

Пока Шеф решал эту непростую задачу, в дверях ресторана появились трое посетителей. Это были Барханов, Алябьев и одна из тех женщин, с кем Барханов вел переговоры, призывая ему помочь. Миловидная, сдержанная, с загадочным выражением Маты Хари на лице. Так и будем называть ее впредь — Мата Хари.

Переговорив с метрдотелем, все трое направились в середину зала, где был зарезервирован столик. Путь их лежал мимо столика Шефа и Катрин. Поравнявшись с ними, Барханов замедлил шаг и разыграл целый спектакль, словно встретил женщину, с которой не виделся долгое время.

— Катрин! — воскликнул он. И кивнул своим спутникам: — Идите, я вас догоню...

Телохранители Шефа тут же вскочили на ноги, готовые завалить, если потребуется, Барханова на пол.

— Олег! — без особой радости отозвалась Катрин. И барственно бросила телохранителям: — Оставьте его, это мой знакомый!

— Как поживаешь? — продолжал лицедействовать Барханов.

— Прекрасно, — ответила Катрин. — Извини, я не одна... Познакомьтесь... — И представила мужчин друг другу: — Борис Сергеевич... Олег Барханов...

Шеф неприязненно взглянул на знакомого Катрин и сухо кивнул ему. Появление этого человека показалось ему подозрительным, и он нахохлился, точно воробей.

Барханов ответил таким же сдержанным кивком. И сказал: «Не буду вам мешать...» — удалился.

Когда он ушел к своему столику, Шеф взглянул на Катрин.

— Кто такой? — Глаза его смотрели холодно и жестко, от бывшего благодушия не осталось и следа.

У Катрин все внутри оборвалось.

— А вы ревнивый... — невинно улыбнулась она, желая снять напряжение.

— Что за тип? — настойчиво повторил Шеф.

— Был когда-то моим женихом...

— И что же помешало счастливому супружеству?

— Это неинтересно, — вздохнула Катрин, всем своим видом показывая, что ей неприятно говорить на эту тему.

— И все-таки? — требовал ответа Шеф, пронизывая ее взглядом.

— Видите ли, Борис Сергеевич...

— Зовите меня просто — Борис...

— Хорошо. Так вот, Борис, все было чудесно до той поры, пока Олег не стал заниматься грязными махинациями и участвовать во всяких аферах... А я, признаюсь, не очень-то люблю нечистых на руку людей. Я хочу спать спокойно и жить спокойно, и желаю, чтобы мой избранник был рядом, а не сидел в тюрьме!

— Похвальное желание! — согласился Шеф, удовлетворенный откровенностью собеседницы.

— Окажись он в тюрьме, — продолжала Катрин с видом невинной школьницы, — я не смогла бы его бросить и пошла бы за ним... На край света! В Сибирь! Как жены декабристов! Но я не хочу в Сибирь, не хочу быть «декабристкой»! Так зачем, скажите мне, в таком случае жить с аферистом?

— Вы прелесть! — расплылся Шеф в улыбке, умиленный ее глупыми рассуждениями. — Как говорил один замечательный артист: чаровница! — Но Бархановым заинтересовался, на что и был расчет. — Чем же конкретно занимался ваш друг?

— Разным... — пожала плечами Катрин. — Переpravлял на Запад драгоценности, антиквариат, картины из частных коллекций... Все в таком духе. Он мало об этом рассказывал...

— И ни разу не влип?

— Как видите. У него хорошие мозги... Я слышала, он и сейчас затевает какую-то крупную аферу... Послушайте, а что мы все о нем да о нем? — Катрин капризно поджала губы. — Он мне не интересен. Поговорим о другом... О вас, к примеру... Кто вы? Чем занимаетесь? Хотите, я угадаю... Судя по вашему виду, деньги у вас есть...

— Есть, — кивнул Шеф.

— Но не очень большие... — продолжала фантазировать Катрин. — Вы похожи на чиновника немногим выше средней руки... Может быть, начальник отдела в министерстве или что-то в этом роде... Угадала?

Шеф расхохотался, хотя, следует признать, был уязвлен тем, что Катрин приняла его за чиновника среднего ранга.

— Не угадали! — заявил он. — Я бизнесмен. У меня свое дело. И деньги у меня большие... — похвастался он, потакая своей слабости.

— О, я вас недооценила! — оживилась Катрин. — Тем лучше, милый! Можно мне вас так называть?

— Конечно, — кивнул Шеф.

— Но это еще ничего не значит! — спохватилась Катрин. — Деньги для меня не главное!

Шеф добродушно усмехнулся.

— Вот как?

— Да, да! — продолжала щебетать Катрин, умиляя Шефа все больше и больше. — Я, конечно, испытываю в них потребность, как и каждый нормальный человек... Но душу свою я за деньги не продаю, так и знайте! — И она потыкала в сторону Шефа розовым пальчиком. — Можете спросить об этом у моего бывшего жениха...

А в это время за столиком, где сидели Барханов, Алябьев и Мата Хари, происходил следующий разговор.

— О нет! — воскликнул Алябьев, посмотрев меню и цены, и отодвинул карточку от себя подальше. — Я буду только кофе!

— Не валяй дурака! — остановил его Барханов. — Надо заказать хорошую еду. Мы не можем сидеть и только пить кофе. Надо произвести впечатление.

— У меня кусок в горло не полезет при таких ломовых ценах! — заметил Алябьев. — Как подумаю, что сотни людей не имеют куска хлеба, а тут... — Он умолк, не договорив.

— Гуманист! — поморщился Барханов. — С тобой капитализма не построишь! Ладно, сиди голодный... А вы, мадам, что скажете насчет отбивной или шашлычка из осетрины?

— Нет, нет, у меня диета, — тоже отказалась Мата Хари. — Только кофе. Ну, может быть, апельсиновый сок...

Алябьев посмотрел туда, где сидели Катрин и ее собеседник, и сказал, понизив голос:

— Интересно, о чем они говорят? — Следует отметить, Алябьеву нравилась его новая роль — роль искателя приключений.

— Думаю, они говорят о сексе... — высказал предположение Барханов, изучая меню. — У этого тритона одна мысль: как побыстрее затащить нашу киску в койку!

— Судишь по себе? — сказала Мата Хари, прикуривая от зажигалки.

— Не думай, ты меня ты обидишь, — поднял на нее глаза Барханов. — Любовь к женщине — самое прекрасное, что есть в природе!

— В твоих устах это звучит как пошлость! — усмехнулась Мата Хари.

Было очевидно, что за этой пикировкой скрывается нечто серьезное из области отношений Барханова и Маты Харри в прошлом, но Алябьев, как человек непосвященный, не понимал сути.

— А ты не боишься, — спросила Мата Хари, повернувшись к Барханову, — что я сдам тебя этому мафи-

ознику с потрохами?.. Вот возьму и расскажу ему обо всем, что вы задумали.

Алябьев от неожиданности оторопел.

— Зачем же так? Лучше сразу отказаться от участия в этом деле, чем предавать...

— Мадам шуткует, — пояснил невозмутимый Барханов. — Это у нее такой специфический юмор... Она этого не сделает, потому что у нее есть принципы.

— А вдруг сделаю?

— Ну хватит, — занервничал Барханов, — хватит ваньку валять! Нашла место и время!

Писатель дежурил на явочной квартире, был вроде диспетчера. В его обязанности входило держать руку на пульсе всех операций, которые проводили люди Шефа, отвечать на звонки и информировать хозяина о происходящем.

Сегодня дежурство протекало спокойно и нервных звонков не было. Коротая время, Писатель засел у компьютера и, преисполненный вдохновения, вновь сочинял вирши. Поставив точку, он выдернул лист бумаги из принтера.

— Эй, Болт, иди сюда!

Болт, сидевший с банкой пива в компании дежурных охранников у телевизора, тут же поднялся и поспешил на зов Писателя.

— Послушай... — сказал Писатель. И взлохматив пятерней чуб цвета выгоревшей соломы, начал читать свое сочинение:

Жму на педаль, в кармане ствол,
Летим с Болтом мы на прикол!

Погони боевой момент,
А на хвосте — настырный мент.
Не дрогнет крепкая рука,
Разя ментяру-мудака!

Стихи произвели на Болта сильное впечатление.

— Ну как? — спросил Писатель.

— Душевно! — воскликнул Болт. — Реализм! Как в жизни!

Писатель, удовлетворенный, зарделся. Болт хотел еще что-то сказать, но тут зазвонил телефон.

Писатель схватил трубку.

— Это я... — ответил он. — Так, понял... Сделаем. — И что-то записал на бумажке.

Завершив разговор, Писатель повернулся к Болту.

— Есть дело... Слетай в театр вот по этому адресу... — он протянул ему бумажку. — Получена информация, что там есть артист, очень похожий на того, кого мы ищем...

Болт козырнул по-военному и удалился.

Явившись в театр и выпив в буфете коньяку, Болт неспешно прохаживался в фойе в толпе зрителей, пришедших на спектакль. Внимание его привлекли портреты артистов, висевшие на стенах, на которые поначалу он не обратил внимания.

Взгляд его задержался на портрете молодой популярной актрисы, которая обжигала своей призывной улыбкой. «Ты мой!» — говорили ее глаза всякому, кто смотрел на портрет. Болт даже плечами передернул, представив театральную диву в своих объятиях. Несмотря на то, что двинулся дальше, не сразу вспомнив причину, по которой явился сюда.

И тут он увидел портрет Алябьева. Алябьев на портрете был гладкий, спокойный, благополучный и мало походил на того, кого он упустил в тот роковой вечер в квартире.

Для верности Болт извлек из кармана портрет, сделанный с помощью фоторобота, сравнил его с фотографией артиста. Сходство было несомненным.

Зина, орудуя половником, возилась на кухне у плиты. Услышав в прихожей звонок, пошла туда. Открыв дверь, она увидела перед собой двух незнакомых мужиков несколько странного вида. Это были Болт и Дохлый.

— Здесь проживает Алябьев... Сергей Викторович? — строго спросил Болт, предварительно глянув в бумажку, где были указаны данные артиста.

— Ну, — подтвердила Зина.

Другая бы испугалась двух громил, но только не Зина.

— Где он?

— А хрен его знает! Сама хотела бы знать...

— Вы что, в разводе?

— Еще чего! — возмутилась Зина, вглядываясь в лица нежданных гостей. Надо сказать, они ей сразу не понравились, особенно тот, у кого на голове была дурацкая тубетейка. — Вы из театра? — спросила она неприязненно.

— Из театра, из театра... — поспешно подтвердили оба. — Так где он? Нам поговорить с ним надо...

— Он исчез... Недели две уже прошло. Как сквозь землю провалился! Мы были с ним в комнате, — вспоминала Зина, — разговаривали... Я гладила белье... Повернулась, а его нет — испарился, фокусник хренов!

Пьет, наверное, где-нибудь, с такими же бездельниками, как он!

— Она врет! — сказал Дохлый.

— Кто врет? Я?!

Болт толкнул Зину в грудь, вошел в прихожую. Дохлый последовал за ним.

Но Зина была бы не Зиной, если бы спасовала перед наглыми незнакомцами. Она схватила с полки в коридоре баллон автомобильного огнетушителя и направила рожок бандитам в лица.

— Стоять! Здесь в баллоне кислота! Еще шаг, и я ошпарю ваши гнусные рожи!

Ее угроза и нестандартные действия возымели успех.

— Тихо, тихо! — Оба мужика попятились к выходу. Умываться кислотой им не хотелось. — Мы пошутили! — сказал Болт, прикрывая на всякий случай лицо ладонью.

— Шутить со своей бабой будешь, шутник хренов! — строго заявила Зина, понимая, что одержала верх. — А теперь рассказывайте, зачем вам нужен мой муж?!

— Он нам бабки должен! — сказал Болт, опасливо глядя на нее.

— И много бабок?

— Много!

— Хм, — задумалась Зина. — Куда же он их дел, гад! — И вдруг засмеялась в лицо незнакомцам: — Не надо было давать. Лопухи! Он же нищий, а кто нищим деньги в долг дает?..

На столе перед Шефом лежало несколько больших цветных фотографий с изображением того самого

эгрета из Алмазного фонда, которым интересовался Алябьев. Шеф внимательно разглядывал уникальное ювелирное изделие, включавшее в себя множество бриллиантов и несколько крупных синих сапфиров. Общий вид, вид сбоку, укрупнение отдельных деталей... Эгрет впечатлял, ничего не скажешь!

Дело происходило в офисе Шефа, в его кабинете, обставленном с немалой роскошью. В обсуждении сделки, о которой речь пойдет ниже, кроме Шефа, принимали участие трое верных его помощников. На переговоры был допущен и Писатель, который обычно выполнял лишь диспетчерские функции. В обсуждении такой крупной сделки Писатель участвовал впервые. Он был взволнован от оказанного ему доверия и, возбужденный происходящим, нервно сосал леденцы.

Напротив Шефа в удобных креслах из кожи сидели (вы не поверите!) Барханов, Алябьев и Мата Хари. Серьезные, торжественно-деловые, словно присутствовали на вручении правительственных наград. Причиной появления наших героев в офисе Шефа явилось следующее. Узнав от Катрин о талантах Барханова, о его умении прокручивать прибыльные дела, Шеф изъявил желание познакомиться с толковым малым поближе, а тот сразу предложил ему сделку.

— Вещь интересная, — констатировал Шеф, закончив изучение фотографий.

— Еще бы! — согласился с ним Барханов. — Восемнадцатый век, из наследия царской семьи. А Романовы, скажу я вам, шлак держать не будут, Романовы — народ серьезный!

— Наши условия таковы, — включилась в разговор Мата Хари, постукивая пальцами в тонкой перчатке по

женской сумочке, лежавшей у нее на коленях, — мы отдаем вам эгрет, а вы нам — триста тысяч «зелеными». Оплата наличными. Вещь стоит больше миллиона! Это надежное помещение капитала. На Западе эту вещь у вас с руками оторвут.

Шеф молчал, разглядывая Мату Хари и ее спутников. Молчали и его люди.

— Вы ничем не рискуете, — добавил Барханов. — Рисуем только мы, когда будем извлекать эгрет из экспозиции Алмазного фонда...

— Значит, вы собираетесь подменить оригинал копией и думаете, что этого никто не заметит? — спросил Шеф, взвешивая про себя все «за» и «против».

— Ну, во-первых, копию делает один из лучших ювелиров, — пояснила Мата Хари, — во-вторых, экспонаты, находящиеся в витринах, эксперты проверяют не так часто, и пока обнаружится подделка, столько воды утечет...

— Черт, жмет меня что-то, жмет!.. — качнул головой Шеф. И фарисейски добавил: — Вокруг столько нечестных людей!

— Борис Сергеевич, а мы и вправду ничем не рискуем, — заговорил один из его помощников, худощавый, в позолоченных очках, смахивающий на ученого. — Если эти ребята завалятся, то мы здесь ни при чем!

— Тогда какая у них выгода? — продолжал мучиться в сомнениях Шеф. — Объясните мне.

Дать ответ попытался Писатель — ему не терпелось проявить себя, — но Шеф бросил на него колющий взгляд, и тот умолк, чуть не подавившись при этом леденцом.

— Наша выгода в том, — принялся объяснять Барханов, — что мы берем наличными, и — никакой головной боли! Остальное — ваша забота.

— Может быть, может быть... — Шеф прищурил глаза и вдруг спросил, обращаясь к своим: — Ребята, а нет ли здесь крючка?

Наступила долгая пауза, во время которой подручные Шефа прокручивали про себя различные варианты.

— Если здесь есть крючок, — не выдержал Писатель и сжал кулак, — мы им... мы им...

— Не гони пену! — оборвал его человек в позолоченных очках.

И Писатель умолк.

— Ну, знаете! — оскорбился Барханов. — Вы нас пригласили, мы пришли. Мы никому не навязываемся! Вам нужно вкладывать бабки в надежное дело — так давайте! Если не хотите, у нас есть другие партнеры, и такие, что имеют связи в правительственных кругах... — И кинул своим: — Пошли отсюда!

Мата Хари и скорбный Алябьев, молчавший все это время, встали и проследовали за Бархановым к выходу.

Шеф, насупившись, смотрел им в спины.

— Подождите! — не выдержал он. — Я подумаю...

Барханов с облегчением перевел дух. Повернулся к Шефу и, скрывая радость, сказал:

— Только смотрите, чтобы процесс этот не затянулся... Вспомните, что говорил великий Ломоносов: есть предложение, есть и спрос! Ариведерчи!

Все трое вышли за дверь.

— Надо подумать... — задумчиво произнес Шеф. — В конце концов, что нам мешает заполучить эту «иг-

рушку», а этому типу ничего не платить?.. — Он лукаво посмотрел на своих помощников. Выскользнул из кресла и возбужденно заходил по кабинету. — Надо обработать его подручных. Эту серьезную дамочку, например! По-моему, она очень хочет трахаться, как ты думаешь, Писатель?

Писатель, счастливый оттого, что на него обратили внимание, вытянулся по стойке «смирно», словно на плацу перед генералом.

— Шеф, ради вас я готов это сделать даже с акулой!

— Надо привлечь ее в наши ряды, — остановил его жестом Шеф, продолжая размышлять. — Мне кажется, она деловая бабенка!.. А может, проще обработать второго? Того, что молчал... Этакий Иисусик! Пять кусков «зеленых» ему в зубы, и он наш!

— Не думаю, шеф, — сказал человек в позолоченных очках. — Он очень смахивает на фанатика. Такого за бабки не купишь!

— Кстати, о бабках! — Шеф резко остановился и бросил взгляд на Писателя: — Вы нашли их?

— Ищем, — потупился Писатель.

Шеф взял его за подбородок и сказал с металлом в голосе:

— Даю еще неделю... Если не найдете, через неделю Дохлый и ты можете навсегда распрощаться со своими яйцами!..

И все же, что ни говорите, а Алябьева тянуло домой. Меньше всего ему хотелось видеть сварливую жену — он заранее знал все, что она скажет при встрече, — но сына, Андрюшку, повидать хотелось.

И однажды, когда Зина была на работе, а с ребенком сидела ее мать, Алябьев решил проведать сына.

Он подошел к дому и вошел в знакомый до боли подъезд. В руке он держал пластиковую сумку, где были гостинцы для сына и три бутылочки фанты.

Поднимаясь по лестнице к лифту, он услышал, как сзади хлопнула входная дверь и кто-то осторожно вошел следом. Поначалу Алябьев не придал этому значения — мало ли, кто там! Дом большой, жильцов много. Но услышав металлический щелчок, отчетливо прозвучавший в тишине, — так снимают с предохранителя оружие, — задержался у открытой двери лифта...

Глянув через плечо, он увидел человека с пистолетом в руке, поднимавшегося по лестнице, лицо которого показалось ему знакомым.

По счастью, кабина лифта была перед ним. Алябьев нырнул в кабину, нажал кнопку, и дверь за ним закрылась. И пока лифт уносил его вверх, на пятый этаж, мучительно соображал, что предпринять дальше. Ясно было одно: идти домой нельзя. Нельзя рисковать жизнью ребенка и бабушки.

Выйдя на своем этаже, Алябьев не пошел к себе, а спустился на этаж ниже и, затаившись у перил, стал ждать.

Кабина лифта ушла вниз и вскоре поднялась на пятый этаж. Из нее, беззвучно ступая по-кошачьи, с пистолетом в руке, с привинченным к дулу глушителем, вышел Болт. На голове его была неизменная тюбетейка.

Он подошел к дверям Алябьевской квартиры и прислушался. Затем спустился на площадку между этажами и стал ждать.

Алябьев, наблюдавший за ним его из своего укрытия, понял, что человеку с пистолетом нужен именно он. Выход был один — немедленно скрыться. Стараясь идти беззвучно, артист двинулся по ступеням вниз. Он почти отошел на безопасное расстояние, но неожиданно на повороте задел сумкой за металлические прутья, поддерживающие перила. От прикосновения громко звякнули бутылки с фантой, находившиеся в сумке.

Болт отреагировал мгновенно. Обернулся на звук и, не раздумывая, выстрелил три раза через прутья перил вниз.

Посыпалась сбитая со стены штукатурка.

Алябьев сорвался с места и помчался вниз. Сзади он слышал грохот ботинок преследователя...

Узнав о том, что Алябьев ходил домой и там напоролся на засаду, Барханов пришел в ярость.

— Ты что, рехнулся? Какого черта туда поперся?! — кричал он. — К Зинкиным сиськам потянуло?.. Кретин! Ромео сраный!

— Я хотел повидать Андрюшку, — оправдывался артист. — Имею я на это право или нет?

— Имеешь, имеешь! — выкрикнул Барханов. — И пулю в лоб тоже имеешь право получить!.. Ну, сказал бы мне, я бы доставил твоего Андрюшку на блюдечке — без проблем!.. А так — ты мог лишиться своей глупой головы...

— Но я же сбежал от него! — похвастался по-мальчишески Алябьев.

— До сих пор не могу поверить, как тебе это удалось...

— Обижает! Я же артист, у меня специальная подготовка! Если хочешь знать, я в одном фильме сам конные трюки делал!

— Представляю! — ухмыльнулся Барханов. — Интересно, где теперь та лошадь? Наверное, на кладбище...

— Очень остроумно!

— Ты кто?.. — вновь возбудился Барханов. — Ты телохранитель! Понял? Я доверил тебе свою талантливейшую жизнь! Так береги меня и себя заодно.

Разговор был прерван звонком в дверь. Барханов вышел в прихожую и вернулся с Катрин. Молодая женщина была ослепительно хороша, на лице — обворожительная улыбка, глаза сияют... Комната наполнилась запахом дорогих духов.

— Все готово, — сказала Катрин, целуя Барханова.

Потом они немного о чем-то пошептались, Катрин поморщилась, но затем покорно кивнула в знак согласия. И Барханов ушел в кухню.

Алябьев смотрел в окно, привлеченный видом детей, игравших на детской площадке.

Катрин закурила, медленно подошла к нему.

— Что нового в мире искусства?

— В каком смысле? — удивился артист столь странному вопросу. — Если ты про театральную жизнь, не знаю. Потому как три недели торчу здесь с вами...

Подойдя со спины, Катрин обняла его за плечи. Алябьев с удивлением воззрился на нее. И вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову.

— Скажи, тебя об этом попросил Олег? — спросил он.

Катрин кивнула.

— Что он сказал?

— Что у тебя сексуальный напряг и тебе нужна женщина... Что ты из-за этого даже к какой-то идиотской Зинке поперся... — нехотя призналась женщина. — Скажу честно, ты не в моем вкусе, но... если попросит Олег, если нужно для дела...

— Ты и твой Олег — психи! — возмутился Алябьев и выскочил из комнаты.

Барханова он нашел на кухне. Тот, заварив чай, делал бутерброды, собираясь перекусить, пока артист и Катрин будут ворковать в комнате.

— Ты что, приятель, совсем?! — набросился на него Алябьев.

— Совсем! — невозмутимо согласился Барханов.

— Я с этим сам как-нибудь разберусь!

— Давно пора.

И тут неожиданно позвонили от Шефа. Барханов давно ждал этого звонка. Он приложил палец к губам, предлагая Алябьеву помолчать.

Шеф сам взял трубку.

— Я обдумал ваше предложение, — проворковал он бархатным голосом, — и решил его принять...

Барханов чуть не подпрыгнул на месте. И сказал в трубку весело:

— Вы сделали правильный выбор, маэстро!

Тем временем Писатель и первый помощник Шефа, человек в позолоченных очках, смахивающий на интеллектуала, сидели в кафе гостиницы «Интурист» и вели светскую беседу с Матой Хари, пытаясь первербовать ее.

— Ах, оставьте! — сказала она Писателю, смотревшему на нее с улыбкой сердцееда. — Вы купить меня

хотите? Не выйдет! У вас денег не хватит... — И, взяв со стола сумочку, встала.

— Может, все-таки договоримся. — Писатель поднялся вслед за нею, томно заглянул женщине в глаза, рассчитывая на свое обаяние.

— Нет, — последовал решительный ответ.

Вечером, удрученный неудачей, Писатель рассказывал Шефу о разговоре в кафе.

— Шеф, эта баба ничего не хочет. Просто — ни в какую! Я и так, и эдак, только еще на голове не стоял! Либо кремень... либо дура!

Шеф слушал его с мрачной гримасой на лице. Он не любил, когда члены его команды не справлялись с заданием. Тут же в разговоре переходил на «вы», независимо оттого, кто перед ним сидел — образованный утонченный человек или отпетый уголовник. Это было плохим знаком. И когда он обратился к Писателю на «вы», тот втянул голову в плечи.

— Вы слишком прямолинейны, мой друг, слишком прямолинейны, чтобы покорять серьезных женщин! — Шеф выскользнул из кресла и приблизился к Писателю, смотревшему на него преданными собачьими глазами. — Тут одной извилины недостаточно... Вот плюнуть кому-нибудь в лицо или отбить почку — это вы умеете. А там, где тонкость нужна... Ну, ничего, опыт приходит с годами...

Мата Хари сидела в парикмахерской. Разбитная девица, трудившаяся над ее прической, заканчивала работу.

Девицу отозвали, и когда она вскоре вернулась, то сказала негромко своей клиентке:

— Пройдите в соседний зал, там вас ждут...

Мата Хари удивленно взглянула на нее и, не сказав ни слова, перешла в маленький зальчик по соседству, где обычно женщины, сидя в креслах, сушили после мытья головы волосы.

Там ее ожидал Шеф, решивший сам провести вербовку. Его телохранители стояли у выхода. Мата Хари под села к Шефу, как пришедшая на исповедь к священнику добропорядочная прихожанка.

— Мы — умные люди и должны договориться... — заговорил вполголоса Шеф, давая понять, что считает Мату Хари равной себе. — Сколько вам дает ваш компаньон? Пятьдесят? Восемьдесят тысяч баксов? Я вам дам сто пятьдесят тысяч, и вы поможете мне получить «игрушку» напрямую. Выигрываете вы, и выигрываю я.

Слушая Шефа, Мата Хари внимательно разглядывала его — как он одет, какие у него часы, рубашка, галстук, как он выбрит и причесан... И когда тот закончил свой монолог, сказала без всякого выражения:

— Вы думаете, что меня так просто купить? Ошибаетесь. Ваши люди уже пытались это сделать.

— Я знаю: не просто, — согласился Шеф. — И потом это не «покупка», а «вербовка». Купить можно путану, бутылку виски, батон колбасы, щенка, а вербуют или *перевербовывают* классного агента! Знаете, у меня твердое ощущение, что мы найдем общий язык. Сто пятьдесят тысяч баксов — серьезные деньги. Кроме того, мы сделаем вам заграничный паспорт с шенгенской визой, и вы сможете уехать в одну из европейских стран, и будете жить там припеваючи.

— Не знаю... — задумалась Мата Хари. — Признаться, мне с детства ненавистны всякого рода предатели...

— Ну, ну, ну! — замахал руками Шеф и рассмеялся. — Какое к черту предательство? Мы же не на фронте! Вы умная женщина... Это как в футболе. Просто игрок переходит из одной команды в другую. К примеру, Марадона из «Наполи» переходит в «Барселону», и у нас нечто в этом роде...

Мата Хари улыбнулась.

— А вы — занятный тип, Борис Сергеевич... Если бы не эгрет, как бы вы поступили со мной, не сумев договориться? Пришили бы, наверно, где-нибудь в темном переулке...

— Ну что вы! — оскорбился Шеф. — Мы же цивилизованные люди. Я не мясник какой-нибудь! Если хотите знать, у меня при виде крови — в голове мутится... а вы говорите: в темном переулке! А женщин, наоборот, я всю жизнь оберегал... Я уверен, мы должны работать вместе.

Шеф сидел у себя в спальне на широкой кровати, в наброшенном на плечи махровом халате, и, умиротворенный после любовного акта, потягивал белое вино из стакана.

В стороне одевалась Катрин, легкая, гибкая, прекрасная в своей наготе.

— Зачем ты связался с Олегом? — спросила она и капризно поджала губки. — Я же тебе говорила, что он аферист! Ты такой приличный человек... Президент компании... Не понимаю, что у вас может быть общего?

— Ты драматизируешь, дорогая! — блаженно потянулся Шеф и, когда Катрин, надев лифчик, проходила мимо, чмокнул ее в живот.

— Я жалею, что вас познакомила, — продолжала разыгрывать огорчение молодая женщина. — Он втянет тебя в какую-нибудь аферу...

— Обязательно втянет, — согласился Шеф.

— Обманет...

— Обманет.

— А я буду виновата!

— Будешь виновата... — кивнул Шеф. — Кто виноват? Ты виновата? Ну, что ты, моя маленькая... — просюсюкал он, разговаривая с Катрин, точно с ребенком, уверенный в своей хитрости. — Не волнуйся! Твоей вины ни в чем нет... Что же касается этого парня... Неужели ты думаешь, что какой-то сундук может меня облапошить?

Операция шла своим ходом. Действовали согласно разработанному плану. Нельзя было упустить ни одной детали.

Барханов, вооружившись армейским биноклем, сидел у окна на третьем этаже в доме, расположенном напротив резиденции Шефа, и наблюдал за тем, что происходило внутри. Алябьев находился рядом, смотрел на улицу, на передвижение людей у парадного входа в резиденцию.

Из дверей вместе с Шефом вышли несколько человек. Среди них выделялся лысый немолодой мужчина среднего роста, одетый в дорогой костюм, с манерами человека, знающего себе цену. Шеф лично сопровождал его до машины, завершая деловой разговор.

Увидев эту картину в бинокль, Барханов оживился.

— Посмотри... — он протянул бинокль Алябьеву. — Видишь этого мужика в дорогом костюме? Важный тип! Это Чулков — эксперт по ювелирным изделиям. Приятель Шефа, ему он доверяет как себе... Запомни его. Проследи за ним. Узнай, где его офис и все прочее... Машина в твоём распоряжении...

Алябьев несколько мгновений разглядывал Чулкова. Увидев, что тот попрощался с Шефом и сел в машину, отдал бинокль Барханову. Побежал на улицу — к машине Барханова.

Настало время еще одной помощнице Барханова выйти на сцену.

Приодевшись, Ольга Петровна отправилась на встречу. Надо сказать, волновалась она не меньше, чем в день премьеры в театре.

Единственным зрителем, перед которым ей предстояло сыграть роль, являлся Юрий Иванович Чулков, эксперт по драгоценным камням и ювелирным изделиям.

Теперь у нас есть возможность вместе с Ольгой Петровной рассмотреть Юрия Ивановича поближе. Это был худощавый лысый мужчина лет пятидесяти, деловой, аккуратный, с пальцами хирурга, с гладким лицом и пронзительным взглядом, в котором сквозило постоянное недоверие к собеседнику, словно он привык иметь дело с людьми, желающими его надуть.

Чулков встретил Ольгу Петровну на пороге своей лаборатории, облаченный в белый халат и тонкие резиновые перчатки. Он только что провел химический анализ одного из минералов.

— Вы ко мне? — спросил он.

— К вам, — волнуясь, ответила женщина, — если вы — Чулков Юрий Иванович?..

— Я похож на него? — с долей юмора поинтересовался Чулков.

— Наверное...

— Значит, ко мне... — Чулков предложил Ольге Петровне войти. Сам же вернулся к микроскопу, заглянул в него, что-то черкнул на бумажке. Поднял глаза на посетительницу: — Что же вы стоите? Присаживайтесь... — И когда та села, сказал: — Я вас слушаю.

Ольга Петровна нервничала, стискивала пальцы, не зная, с чего начать.

— Ну, смелее, — приободрил ее Чулков.

— Видите ли, — решила Ольга Петровна, — я актриса...

— Очень приятно, — кивнул Чулков.

— Работаю в театре...

— В театре... — опять кивнул хозяин лаборатории.

И вдруг неожиданно подпрыгнул и отбил чечетку, чем привел в замешательство гостью.

— На Бронной... — пролепетала та.

— Не в эстраде?

— Нет.

— Очень хорошо. Итак, слушаю вас... — Он шагнул к письменному столу, листнул какой-то справочник.

Ольга Петровна открыла свою сумочку, извлекла оттуда пачку бумажек.

— Вот мои документы... Паспорт, пропуск в театр...

Чулков с непонимающим видом взглянул на нее.

— Вот премьерные программки спектаклей, где моя фамилия...

— К сожалению, я далек от театра... Чем все же могу быть полезен?

Ольга Петровна хотела встать, но Чулков остановил ее жестом:

— Вы сидите!

— Юрий Иванович, мне рекомендовали вас как одного из лучших специалистов в своей области... А дело вот в чем... Мне предложили роль в кино женщины вашей профессии...

— Поздравляю вас! — изрек Чулков.

Ольга Петровна не поняла, то ли он ерничает, то ли действительно рад за нее.

— Мне просто необходима ваша помощь! — взмолилась она.

— В чем она должна заключаться?

— Мне нужно, чтобы вы посвятили меня в некоторые детали своего ремесла.

— Моего ремесла? — просьба удивила Чулкова, и глаза его недоверчиво блеснули под стеклами очков.

— Миленький Юрий Иванович, для меня эта роль — вопрос жизни!

— И смерти! — патетически добавил Чулков, явно насмехаясь над посетительницей.

И та с жаром продолжала:

— В наше тяжелое время, когда артисты нищают и не у всех есть спонсор, способный облегчить жизнь, найти работу не так-то просто. И вопрос о куске хлеба встает с необычайной остротой! И это не метафора...

— Не метафора, — согласился Чулков. И глубоко-мысленно добавил: — Это гипербола, к сожалению!

Подобные слова привели Ольгу Петровну в замешательство, и она уже стала подумывать о провале своей

миссии. Но тут Чулков неожиданно смягчился. Его холодные глаза подобрели, и он сказал:

— Не волнуйтесь, уважаемая! Мы не позволим умереть вам от голода... И если я что-то могу для вас сделать, я готов.

Ровно в назначенное время Алябьев явился на встречу, которую ему назначили люди Шефа.

Первый помощник и Писатель не утруждали себя разнообразием и пригласили Алябьева в то же кафе в гостинице «Интурист», где они пытались завербовать Мату Хари.

Поговорили о футболе, о политике, о том, что хорошо отдыхать в Турции... Когда выпили по рюмке хорошего коньяка, Писатель изложил суть дела.

— Старичок! — Он по-отечески взглянул на Алябьева. Ловко прикурил от своей фирменной зажигалки, играть с которой ему доставляло удовольствие, и продолжил: — Подумай над нашим предложением. Получишь хорошую «зелень», а баксы — они всегда в цене!.. У вас что? — самодеятельность! Два притопа, три прихлопа! А у нас слаженная боевая команда! Мы, если потребуется, любого министра можем убрать... Да что министра!.. — Писатель недоговорил. — А какие загранкомандировки! Лондон, Париж! — Его опять понесло. — Начинаются интересные дела, открылось столько возможностей! Вот за что я люблю демократию — она открывает большие возможности!

— Мужики! — прервал красноречие Писателя Алябьев. — Вы меня с кем-то перепутали... Я не продаю... Неужели я похож на такую мразь? — Он встал,

подошел к зеркальной стене и внимательно посмотрел на свое отражение. — Нет, не похож!

— А ты не спеши, — бросил ему первый помощник Шефа, — ты подумай...

Мата Хари позвонила в дверь. Ей открыл седой благообразный человек. Это был ювелир.

— Я вас жду, — сказал он. — Все готово...

Мата Хари прошла вслед за хозяином квартиры в его рабочую комнату.

Ювелир открыл дверцу стенового шкафа, достал оттуда аккуратный черный футляр и положил его перед гостьей на полированную поверхность стола.

Женщина открыла крышку футляра, и перед ее восхищенным взором предстало подлинное чудо — эгрет в виде фонтана из коллекции Алмазного фонда, точнее его копия, выполненная с необычайным мастерством. Бриллиантовые струи сверкали, искрились, горели, отражая свет, а внизу, замыкая композицию, темнели несколько синих сапфиров.

— Ну как? — спросил ювелир, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Вы гений! — воскликнула Мата Хари. — Честное слово!

— Вы не поверите, мне самому было интересно создать иллюзию — без применения дорогостоящих камней... — сказал мастер, гордо вскинув седую голову. — А теперь посмотрите вот это...

Он вытащил из-за спины и положил перед гостьей еще один точно такой же футляр. Открыл крышку. И опять в глазах женщины, обычно невозмутимой, открылось восхищение...

На явочной квартире был полный сбор. В большом зале, среди музейной мебели и дорогих картин старых мастеров, выстроившись в линейку, перед Шефом стояли навтыжку около десятка человек, в цивильном и камуфляжной форме.

Шеф был в хорошем настроении и, прохаживаясь перед строем, рассуждал вслух.

— Ребята! Одного из помощников этого шустрого прохиндея (имелся в виду Барханов) нам удалось завербовать. Кто это — серьезная дамочка или Иисусик — знаем только мы... — Шеф указал пальцем на своего первого помощника. — Так надежнее. Скажу одно: этот человек сообщил нам важную деталь. Они сделали две копии эгрета. Две! Одну подложат в Алмазный фонд, а вторую попытаются всучить нам как оригинал. Как вам это нравится?

Тишину зала взорвали возмущенные крики. Благородный гнев переполнял «джентльменов удачи».

— Правильно, — согласился Шеф и поднял руку, требуя тишины.

Все тут же замолчали.

— Но эти недоумки заблуждаются! — продолжал Шеф. — Они думают, что обуют нас, а на самом деле — мы обуем их!

И опять крики, на этот раз выражающие одобрение Шефу, наполнили зал.

Довольный собой, Шеф вскинул вверх руку в приветствии, наподобие фюрера. И прошел к ожидавшей его секретарше, молодой привлекательной женщине.

— Тихо, тихо! — воскликнул Писатель, призывая членов команды к тишине. И обратился к Шефу, пока тот не ушел: — Шеф! Новые стихи! Для вас!

Шеф, остановившийся на полпути, благосклонно кивнул. Писатель поднес к глазам блокнот и с чувством продекламировал:

Друзья! Я восхищаюсь вами!
И пусть не считают нас козлами!
А тот, кто надумает Шефа обуть,
Пулю получит в жоп... —

Писатель запнулся, бросив взгляд на секретаршу, и на ходу поменял текст:

... в горячую грудь!

Братва дружно заплодировала. А Шеф не поленился — таланты надо поощрять! — подошел к Писателю и ласково, как преданную собаку, потрепал его по щеке.

На презентации, устроенной одной из крупных компаний по поводу собственного пятилетия, в круговерти черных смокингов и вечерних туалетов дам, среди жующих лиц с тарелками в руках, встретились Шеф и Барханов. Звенели вилки, в зале стоял оживленный говор гостей, Шеф и Барханов поприветствовали друг друга, чокнулись бокалами с вином, которые были у них в руках, и обменялись им одним понятными фразами.

— Как себя чувствует наш «больной»? — поинтересовался Шеф.

— Операция назначена на следующую пятницу, — сообщил Барханов. — В этот день в «приемном покое»

будет дежурить наш человек. И надеемся, замена одного «органа» на другой пройдет безболезненно...

— Ну что ж, — кивнул Шеф удовлетворенно, — как говорится: ни пуха ни пера!

— К черту, маэстро, к черту! — отмахнулся Барханов и, кивнув на прощание, стал пробираться к выходу.

Налюбовавшись в очередной раз двумя эгретами, сделанными на заказ, Барханов, удовлетворенный, закрыл оба футляра и возбужденно взглянул на своих компаньонов. Мата Хари курила, Алябьев пребывал в своих мыслях.

— Итак, — Барханов потер руки, — детали мы обсудили. Каждый знает свою задачу... — Рассеянный вид Алябьева привел его в раздражение. — Тебе что-то не ясно?

Алябьев вздрогнул, вернувшись из своих мыслей, и как-то странно поежился, словно ему было неуютно под взглядом Барханова.

— Да нет, все ясно...

— Слушай, — поморщился Барханов, — хочу тебя попросить: можешь ты хотя бы три дня не думать ни о чем постороннем? Только о деле!

— Я об этом и думаю.

— О чем «об этом»?

— О том, чтобы не облажаться...

— То-то, — подобрел Барханов. — Это публика серьезная, и любой наш промах может закончиться пулей в живот...

— Не цепляйся к нему, — вступилась за Алябьева Мата Хари. — Мне кажется, он готов...

Барханов взял со стола чашку с холодным кофе, отлебнул из нее и спросил у Маты Хари:

— А вы, мадам, не боитесь?

Та пожала плечами.

— Не знаю...

— Я вот все время собираюсь тебя спросить, — продолжал Барханов, — зачем тебе это? У меня с этим типом свои счеты... А ты? Почему ты согласилась на это опасное дело?

— Уж, конечно, не из-за тебя... — усмехнулась Мата Хари и притушила сигарету.

— Я серьезно...

Женщина ответила не сразу, словно решала, стоит быть откровенной с Бархановым или нет. Почесала пальцем переносицу.

— Жизнь проиграна... — буднично пояснила она. — Ничего не получилась... Муж умер... Ребенка нет и заводить уже поздно... Идеалы разрушены... Я хочу доказать себе, что еще на что-то способна. По крайней мере противостоять злу — это единственное, что я еще могу... У меня такое чувство, словно я прыгаю с парашютом и не знаю, раскроется он или нет...

В день операции, точно в определенное время, Барханов, смешавшись с толпой, прошел через контроль в зал, где располагалась экспозиция коллекции Алмазного фонда.

Делая вид, что слушает экскурсовода, Барханов украдкой оглядывал помещение.

— А сейчас я приглашаю вас в соседний зал, где мы познакомимся с исторической коллекцией! — сказала женщина-экскурсовод и направилась в другой зал.

Это был тот зал, где в витрине, среди прочих экспонатов, сиял в электрическом свете знакомый нам эгрет. Барханов, побывавший здесь пару раз для знакомства с обстановкой, сразу увидел его. Сердце его учащенно забилося.

Завершив рассказ о драгоценных изделиях, принадлежавших разным поколениям царской семьи, женщина-экскурсовод предложила посетителям несколько минут свободно походить по залу и более внимательно осмотреть экспонаты на витринах.

Пришедшие на экскурсию смотрели, восхищались... Шутили по поводу «неплохой жизни», которая была у русских самодержцев и вельмож.

— Вот бы все это свистнуть! — озорно шепнул мальчишка лет десяти, ходивший в сопровождении матери. И тут же получил подзатыльник:

— Что ты болтаешь? Не позорь мать, идиот!..

Барханов с непроницаемым лицом задержался у витрины, где находился эгрет. Мысленно сравнил его с копиями, которые рассматривал накануне. И лишний раз убедился, что копии сделаны великолепно.

Он дождался, пока последние посетители (в том числе и мальчик с мамой) пошли на выход, и обратился к одному из трех охранников, дежуривших в помещении:

— Скажите, где находится ваше начальство?..

Из Алмазного фонда Барханов направился на встречу с Шефом, который ждал его в машине в условленном месте. Это был ответственный момент. Садясь с кейсом в машину, Барханов чувствовал себя на-

подобие Штирлица, оказавшегося в одной машине с Мартином Борманом. Теперь его жизнь была в руках Шефа.

В просторном салоне иномарки кроме шефа находились двое — первый помощник и один из телохранителей. Остальные телохранители ехали следом в «мерседесе».

— Игрушка с вами? — спросил Шеф.

— Со мной. — И Барханов выбил пальцами победную дробь на крышке кейса, который держал на коленях.

Шеф бросил взгляд на кейс.

— Ну, что ж, едем к эксперту, чтобы удостовериться, что это не фуфло, которое вы можете нам подсунуть, — сказал он.

— А он надежный? — в свою очередь поинтересовался Барханов.

— Надежней не бывает. Очень знающий человек.

Пока Шеф и Барханов, простаивая в автомобильных пробках, ехали к Чулкову, эксперт, сидя за своим рабочим столом, объяснялся с кем-то по телефону. Он нервничал — так некстати было то, о чем его просили.

— Неужели это так срочно?.. Нет, нет... Как вы не понимаете, ко мне должны приехать люди! Я их жду, я обещал! — Собеседник на другом конце провода был настойчив и, видимо, привел веские доводы. — Ну, хорошо, если только на полчаса! Но не более того! Хорошо, я приеду, — согласился Чулков и с недовольной grimасой на лице записал на бумажке адрес, по которому его ждали.

Быстро стал собираться — снял халат, надел пиджак, нашел в кармане ключи от машины.

Здесь же в лаборатории, за другим столом, находилась Ольга Петровна, пришедшая к Чулкову осваивать ювелирное дело «для роли». Перед ней на столе были разложены инструменты для обработки драгметаллов, образцы дорогих камней. На лбу женщины была лупа, крепившаяся на ремешке.

— Юрий Иванович! — воскликнула она, увидев, что Чулков стал собираться. — Я вам так благодарна за помощь! Теперь я, думаю, смогу достоверно сыграть предложенную мне роль...

— Да, да, сможете, — согласился с ней Чулков, но сейчас ему было не до нее. Он думал о том, как ему успеть обернуться и не опоздать к предстоящему визиту Шефа.

— Что-нибудь случилось? — спросила Ольга Петровна, заметив, что он нервничает.

— Да, случилось! Меня вызывает к себе следователь МУРа по фамилии Колесникова... Требуется, чтобы я срочно приехал... Иначе у них сорвется какая-то важная операция... Им, видите ли, нужен специалист моего профиля... Черт, как это все не вовремя!

— Ну ладно, тогда я пойду, — сказала Ольга Петровна. Она сняла лупу со лба, халат, но уходить не спешила. — Может, вам нужна помощь?

— Помощь? — Чулков задержал на женщине внимательный взгляд. — Да, да, помощь! Вы не могли бы меня выручить и побыть здесь некоторое время?

— Конечно, о чем речь!

— Если приедет мой клиент, а меня еще не будет, скажите, пусть меня подождет... Я уехал на час.

— Хорошо.

— Ну, вот и отлично! — обрадовался Чулков, глядя в простодушное лицо женщины. — Я вам доверяю!

И скрылся за дверью.

Машина Шефа, распугивая прохожих, лихо въехала на тротуар и остановилась у дома, где находился офис Чулкова. Телохранители из второй машины, припарковавшейся сзади, выскочили наружу и, убедившись, что все вокруг спокойно, открыли дверцу Шефу.

Шеф вылез из машины, и вся группа, включая Барханова и первого помощника, направилась к подъезду. Миновав охранника на входе, который почтительно согнулся перед Шефом, прошли по коридорам и всей командой вкатились в лабораторию Чулкова.

Барханов нервничал от возможной встречи с Чулковым, если того вдруг не удалось устранить. Увидев в помещении одну Ольгу Петровну, сразу успокоился. Зато Шеф, не обнаружив на месте Чулкова, недовольно вскинул брови.

— А где Чулков? — спросил он.

Ольга Петровна, что-то разглядывавшая в лупу, подняла на него глаза.

— Он уехал...

— Как уехал?

— По срочному делу... Его вызвали в МУР. — Ольга Петровна выдержала паузу, недовольная тем, что ее оторвали от важного занятия, и сухо спросила: — А вы, собственно, по какому вопросу?

Рассерженный Шеф пропустил вопрос женщины мимо ушей и спросил в свою очередь:

— Давно уехал?

— Не очень...

— Долго его не будет?

— Не знаю. Вероятно, долго.

— Как же так? Мы же с ним договорились! — Шеф недовольно крутанулся на месте. Потом резко опустился на стул. — Будем ждать! Садитесь! — предложил он Барханову.

— Если только недолго, — ответил тот, присаживаясь на соседний стул. — Долго я ждать не могу.

А Чулков тем временем сидел в кабинете, куда его пригласили, и в течение часа отбивался от Маты Хари, представшей перед ним в образе следователя Колесниковой. Он часто поглядывал на часы, неоднократно порывался встать, и только врожденная любознательность, не раз спасавшая эксперта от беды, не позволила ему бросить занозистую бабенку и уйти восвояси.

А время шло. В лаборатории Чулкова публика томила в ожидании. Шеф нервничал, много курил.

— Все! — поднялся со стула Барханов. — Прошу прощения, маэстро, но больше ждать я не могу. У меня через три часа самолет на Ригу.

— Бросьте! — Шеф жестом велел ему вернуться на свое место. — Брать вашу «игрушку» без оценки специалиста может только кретин. Да еще платить наличными!

— Хорошо, — согласился Барханов, — поехали к другому специалисту. У меня есть знакомый ювелир...

Шеф рассмеялся.

— Ребята, я похож на идиота? — обратился он к своим подручным.

— Нет, — отозвался первый помощник. — На идиота похож он... — И указал на Барханова.

Некоторое время сидели молча. Потом Шеф поднялся, прошелся по кабинету. Встал у Ольги Петровны за спиной. Заглянул через ее плечо, пытаясь понять, чем она занимается.

— А вы, уважаемая, кто будете?

Ольга Петровна повернулась к нему лицом.

— Я эксперт, помощник Юрия Ивановича...

Шеф размышлял несколько мгновений и спросил:

— Вам можно доверить серьезное дело?

— Смотря что... — замялась Ольга Петровна.

Женщина вызывала симпатию, и Шеф решил довериться ей.

— Вы можете посмотреть ювелирное изделие и определить — настоящее оно или фальшивка?

— Это я могу, — ответила строгая Ольга Петровна.

— Покажите, пожалуйста, — обратился Шеф к Барханову.

Барханов изобразил, что ему не по душе решение Шефа.

— А вы уверены, что мы можем доверять этой женщине? — спросил он.

— Уверен, раз она работает с Чулковым! — заявил Шеф.

Барханов с недовольным лицом открыл кейс и извлек оттуда черный футляр. Раскрыл его и положил перед Ольгой Петровной на стол.

Тем временем Алябьев явился на явочную квартиру, где люди Шефа должны были заплатить ему огово-

ренную сумму за эгрет. Медлительный охранник с пистолетом под мышкой, дежуривший на входе, проводил гостя к Писателю.

Увидев Алябьева, Писатель пришел в недоумение.

— Гоните бабки! — потребовал артист.

— А где эта... ваша дамочка? — спросил Писатель. — Мы же договорились, что за бабками придет она...

Алябьев невозмутимо взглянул на собеседника.

— Так получилось... Мой «хозяин» срочно отправил ее по другому делу. В конце концов, какая разница, кто заберет деньги.

Писатель ничего не сказал, лишь переглянулся со своими товарищами. Ушел в соседнюю комнату и принес оттуда черный кейс.

Алябьев открыл кейс. Пересчитал пачки долларов, проверяя каждую — нет ли там «куклы». Закончив проверку наличности, сказал:

— Здесь половина. А где остальные?

Писатель, которому не нравился Алябьев и его независимое поведение, замялся.

— Я передаю то, что меня просили передать...

И взяв конфету из вазочки, сунул ее в рот.

— Ничего не знаю, давайте остальные! — потребовал Алябьев, удивляясь собственной смелости.

Он открыл спортивную сумку, с которой явился за деньгами, достал портативную машинку для проверки подлинности долларов. Взял на выбор несколько купюр, проверил их. Фальшивых не было.

Писатель остолбенел от наглости артиста.

Закончив изучение эгрета, Ольга Петровна сдвинула лупу на лоб.

— Да, вещь подлинная, — сказала она. И добавила восхищенно: — Удивительное произведение! Если мне не изменяет память, эта вещь из коллекции Алмазного...

— Не продолжайте! — прервал ее Шеф. — Остальное вас не касается... — И потянулся к эгрету рукой.

Барханов перехватил футляр.

— Спокойно, Борис Сергеевич! Сначала тугрики...

И убрал футляр обратно в кейс.

Бросив на него взгляд, полный презрения, Шеф возбужденно прошелся по комнате. Протянул руку в сторону помощника. Тот мгновенно подскочил к нему и сунул в ладонь трубку телефона. Шеф набрал номер.

— Алло? Кто это? Это ты, Писатель?.. Она пришла?

— Нет, — ответил Писатель. — Пришел этот... Иисусик!

— Почему? — нахмурился Шеф. И устремил на Барханова подозрительный взгляд. — Почему за «зелеными» пришел другой? Мы так не договаривались... Где твоя дамочка?

— Она мне потребовалась для работы в Оружейной палате, — невозмутимо ответил Барханов.

Шеф сверлил его глазами, в которых сквозило недоверие.

— И потом, какая разница, кому деньги передать? — Барханов в свою очередь посмотрел на Шефа с подозрением — уж не кроется ли тут какая-то уловка?

Шеф почувствовал это и пошел на попятную.

— Это верно, — согласился он. — Разницы никакой... — И спросил в трубку: — «Зеленые» ему отдали? — Услышав ответ, повернулся к Барханову: — Отдали.

Барханов протянул руку к трубке.

— Пусть он мне сам об этом скажет...

После короткого раздумья Шеф отдал ему трубку.

На явочной квартире в это время картина была уже иной. Алябьев сидел, прижатый к спинке стула людьми Шефа, и в затылок его упиралось дуло пистолета.

— На, твой хочет поговорить с тобой... — сказал Писатель артисту и, прикрыв трубку ладонью, прошептал: — Не вздумай крутить, сука! Сразу мозги вышибем!

Алябьев взял трубку.

— Слушаю.

— Это ты? — спросил Барханов.

— Я.

— Как дела?

— Нормально...

Писатель удовлетворенно кивнул.

— Тугрики у тебя? — спросил Барханов.

— Да, бабки у меня... — спокойно ответил Алябьев после того, как ему ткнули пистолет в щеку. — Все в порядке. — И хлопнул себя по ляжке: — Вот они, денежки! — Это была кодовая фраза.

Барханова сразу понял, что дело неладно. Он вернул трубку Шефу.

— Я принимал вас за серьезного человека, Борис Сергеевич, — проговорил он скорбно, — а вы, оказывается... мелкий жулик!

Он подхватил свой кейс и направился к выходу.

— Ну, ты! — крикнул ему в спину Шеф. — Не забывайся!

Барханов остановился, повернулся к нему и сказал возмущенно:

— Ваши парни денег не отдали! Как это прикажете понимать?

— Откуда вам это известно?

— Знаю... Есть маленькая хитрость! — ответил Барханов и пояснил: — Мы с моим помощником условились о парольной фразе. А он, поди, стоит сейчас с пистолетом у затылка! — И Барханов для пушей убедительности постучал себя указательным пальцем по затылку.

Шеф сделал знак телохранителям, и те метнулись к Барханову. Но тот был готов к подобному развитию событий — тут же выхватил из-за пояса пистолет и сделал предупредительный выстрел в воздух. Люди Шефа отпрянули назад.

Держа пистолет в направлении Шефа, Барханов второй рукой вынул из кейса футляр с эгретом.

— Если попытаетесь захватить эгрет силой, я разнесу его вдребезги! — воскликнул он и направил дуло пистолета на ювелирное изделие. — И тогда ни мне, ни вам!

Шеф испуганно замахал руками.

— Э-э... ни... не... — замычал он, боясь, что Барханов осуществит свою угрозу. — Не надо, не надо! — И, обернувшись к телохранителям, приказал: — Стоп! Опустите ваши пушки!

Телохранители опустили свои пистолеты.

Убедившись, что острота ситуации погашена, Шеф приложил трубку телефона к уху и сказал:

— Писатель, отдай посылному деньги...

— Не держите меня за олуха! — заявил Барханов. — Вы получите эту роскошь, — он кивнул на эгрет, — после того, как мой друг позвонит сюда из безопасного места. Даю вам полчаса. Больше ждать не буду.

— Ладно, — хмуро согласился Шеф. И сказал в трубку: — Отдайте ему баксы, и пусть идет на все четыре стороны...

На явочной квартире подручные Шефа, державшие Алябьева под охраной, отпустили его. Тот, который буравил ему голову дулом пистолета, убрал оружие в кобуру под мышкой.

Писатель безрадостно бросил на стол кейс с деньгами. Сходил в другую комнату, принес оттуда полиэтиленовый пакет и высыпал на стол еще несколько пачек долларов.

— Это всё!

Алябьев аккуратно пересчитал пачки, переложил деньги в свою спортивную сумку и вышел за дверь.

— Иди за ним! — приказал Писатель «качку», державшему Алябьева под дулом пистолета. — Проследи, куда пойдет...

Оказавшись на улице, Алябьев не мудрствуя лукаво помчался через дворы. Добежал до такси, ожидавшего его в переулке.

— Поехали, командир! — сказал он, ныряя в машину.

И уже в движении посмотрел через заднее стекло и увидел «качка» из команды Шефа, бежавшего следом и отчаянно махавшего рукой...

Проехав два квартала и убедившись, что его никто не преследует, Алябьев вылез у телефонной будки. Отпустив машину, он вошел в будку и набрал номер.

— Позовите моего напарника... Все в порядке, — сказал он, когда Барханову дали трубку. — Валюта в кошелке! Теперь можешь сматывать удочки. Желаю удачи!

Барханов весело посмотрел на Шефа.

— На этот раз действительно все в порядке, — проговорил он, отдавая трубку телефона помощнику Шефа.

Он открыл кейс, вынул оттуда футляр с эгретом и протянул его Шефу.

Тот с умиротворенной улыбкой поглядел на футляр, отдал его помощнику. Игриво погрозил Барханову пальцем. Затем бесцеремонно выхватил у него кейс из рук:

— Позвольте...

Когда кейс оказался у Шефа в руках, он открыл его и вынул оттуда еще один футляр, точно такой, как первый. Оба футляра легли на стол, Шеф с торжествующей улыбкой открыл их. И взорам присутствующих предстали два совершенно одинаковых эгрета.

— Ого-о... — прозвучало в зале.

Ольга Петровна даже рот приоткрыла от удивления.

— Что же это вы? — недобро усмехнулся Шеф. — Для экспертизы предоставили один экземпляр, а мне, сделав подмену в кейсе, даете другой? Оказывается, не я, а вы жулик! — Выдержав паузу, Шеф взял оба футляра и, к неудовольствию Барханова, убрал их в свой небольшой аккуратный кейс. — Ладно, я вас прощаю... Сука! — заключил он.

На том и расстались.

На улице Барханов пошел в одну сторону, а Шеф, усевшись в свой шикарный автомобиль, поехал в другую. Правда, вторая машина по приказанию Шефа поехала следом за Бархановым, стараясь не привлекать его внимания.

Сделав еще один звонок по телефону, Алябьев повесил трубку и хотел выйти из будки, но не тут-то было. Путь ему преградил неожиданно появившийся Болт. Он, ухмыляясь, смотрел на артиста через стекло, придерживая дверь крепкой рукой.

— Ну вот мы и встретились! — проговорил Болт удовлетворенно и распахнул дверь. — Иди сюда, гнилая колбаса!

Увидев пистолет в его руке, Алябьев обреченно вздохнул и, прикрывая собою чемоданчик с деньгами, поднял вверх свободную руку:

— Сдаюсь!

Болт выволок артиста из будки и, подталкивая в спину пистолетом, указал на машину, стоявшую у тротуара.

— Иди к той машине... И без шуток, а то башку прострелю!

Алябьев покорно направился к машине, косясь по сторонам и думая, как бы удрать.

— Что в кейсе? — спросил Болт и, не дождавшись ответа, приказал: — Брось его!

— Не брошу! Там водка, четыре бутылки... — соврал Алябьев — не рассказывать же о долларах.

Ложь сработала.

— Действительно водяру жалко, — согласился Болт. — Тогда неси... Потом врежу на твоих поминках!

Добравшись до условленного места и убедившись, что за ним нет хвоста, Барханов сел в машину, где его ожидала Мата Хари. Устроившись на заднем сиденье, он снял вешалку с одеждой, висевшую у левого окна, и стал переодеваться в дорожный костюм.

— Ну как? — спросила Мата Хари, сидевшая за рулем.

— Отлично получилось! — воскликнул Барханов. — Все сработало — и то, что ты нас предала... «Съел» обе подделки, как и планировали. Одну принял за оригинал в полной уверенности, что мы ее выкрали из Алмазного фонда... Если бы он только знал, что я туда прогулялся для отвода глаз!.. И Ольга Петровна — молодец, была на высоте! Лишь бы Серега теперь не подкачал...

Мата Хари включила зажигание.

— Когда вскрыется обман, этот тип с ума сойдет, и тебе не поздоровится... — сказала она.

— Плевать! Мы уже будем далеко...

Барханов вышел из машины, сел рядом с Матой Хари. Машина нырнула под арку дома и выехала на широкий проспект. Следом за ними вырулил «мерседес» с подручными Шефа, которых Барханов не заметил.

— Поехали прямо в Шереметьево... — Барханов с наслаждением откинулся на спинку кресла, радуясь удачно завершённому делу. — Серега приедет туда, сразу к регистрации. Только забросит одному надежному человеку деньги, чтобы тот расплатился за нас с людьми... И да здравствует Париж! — И он выбросил вверх руку со сжатым кулаком.

Вдруг что-то привлекло внимание Маты Хари в зеркале заднего обзора. Лицо ее стало озабоченным.

— Кажется, за нами погоня... — сказала она спустя несколько мгновений.

Барханов обернулся и увидел едущий за ними «мерседес».

— Черт! — выругался он. — Мигают фарами, хотят, чтобы мы остановились... — Секунду он оценивал ситуацию. — Прибавь скоростёнки и дуй вперед!

Мата Хари прибавила газу. Понимая, что ей на «Жигулях» трудно соперничать с «мерседесом» на широком проспекте, свернула на первом повороте в переулки и стала там петлять, удачно используя узость и загроможденность улиц автотранспортом.

Тем не менее за рулем в «мерседесе» находился мастер, он тоже умело лавировал на узких дорогах, и «Жигулям» не удалось оторваться от иномарки на значительное расстояние.

У Маты Хари возник план.

— Нам надо разделиться, — сказала она Барханову. — Я знаю один сквозной двор... Заедем туда, и ты выскочишь... Найдешь какую-нибудь машину и доберешься до Шереметьева сам...

— А ты? — спросил Барханов.

— Я выкручусь... Если не успею к самолету, в Париж полетите без меня...

И, работая, как заправский гонщик, баранкой и ручкой переключения скоростей, свернула под арку дома и понеслась через дворы.

— Нет, так не пойдет! — заупрявился Барханов. — Я тебя не брошу!

— Перестань! — оборвала его женщина. — Если смогу, вылечу завтра, а если нет... Я же говорила, что прыгаю с парашютом... А он иногда может не раскрыться, и надо быть готовым к этому... Сейчас будет тот самый двор... Выпрыгнешь и беги под арку направо...

— Послушай, будем выбираться вместе!

Мата Хари бросила на него короткий решительный взгляд.

— Времени для болтовни нет... Прыгай!

Она притормозила, и Барханов вылетел в открытую дверцу наружу. Он не упал, хотя скорость была немалой, удержался на ногах и, устояв, метнулся под низкую арку дома и скрылся за строениями во дворе. Все произошло на повороте в считанные мгновения, и из машины, летевшей сзади, никто ничего не увидел.

«Жигули» Маты Хари выскочили в переулок, а через него — на набережную. Проскочив на красный свет светофора, машина понеслась на большой скорости вдоль решетчатого парапета, окаймлявшего реку. Свернуть налево к домам, через встречную полосу, и вновь уйти в переулки не было никакой возможности — слишком много машин двигалось по встречной полосе! — и Мата Хари летела вперед, выжав педаль газа почти до упора.

«Мерседес» догнал «жигуленка» и, уравнив скорости, стал притирать его к тротуару. Дальше — больше. Сидевший рядом с водителем «мерседеса» круглолицый малый сделал жест, приказывающий Мате Хари остановиться. И погрозил кулаком.

Мата Хари попыталась уйти от преследователей, но скорости явно не хватало. А «мерседес» все напирал и напирал, сталкивая ее к парапету.

Мата Хари резко затормозила и, пропустив «мерседес» вперед, резко направила свою машину влево, надеясь проскочить встречную полосу и уйти в переулок. Но сделать этого ей не удалось.

«Жигули» врезались в грузовую машину, от удара взлетели вверх и несколько метров летели в воздухе,

беспорядочно переворачиваясь, словно легкий спичечный коробок... Затем машина с грохотом ударилась о землю, брызнув в разные стороны кусками отлетающего железа...

Барханов выскочил на оживленную улицу, пытаясь сообразить, где он находится. У продовольственного магазина он увидел грузовую машину, стоявшую задом ко входу. Водитель в паре с грузчиком разгружали привезенный товар — вынимали из кузова большие картонные коробки и заносили их в помещение.

Барханов заглянул в приоткрытую дверь кабины, приметил ключи, торчащие из замка зажигания. Не раздумывая, он вскочил на подножку и уселся за руль. Включил зажигание и выжал газ.

Водитель и грузчик остолбенели, увидев удаляющийся от них кузов машины. Потом опомнились и завопили, бросаясь вдогонку:

— Стой! Куда!!

— Пардон, мужики, срочное дело! — крикнул в ответ Барханов и, вырулив на мостовую, умчался.

Болт приволок Алябьева на явочную квартиру, откуда тот недавно уехал. Увидев артиста к компании с Болтом, Писатель очень удивился.

— Вот, нашел засранца! — воскликнул Болт победно, толкая Алябьева в спину дулом пистолета.

— Подожди! — прервал его недовольный Писатель и спросил с тревогой, заглядывая в глаза артисту: — Ты позвонил Шефу?

Это был шанс для Алябьева спастись, и он решил воспользоваться им.

— Не успел, — соврал он. — Ко мне этот тип привязался, — он кивнул на Болта, — а я его первый раз вижу...

Писатель занервничал, и было отчего — любой сбой в операции, и Шеф с него голову снимет.

— Этого фраера придется отпустить, — сказал он Болту.

— Ты чего?! — оторопел тот. — Отпустить этого мандалая? Ведь это один из тех, кто нас с бабками кинули!

— Вот как! — в свою очередь озадачился Писатель.

— Это ошибка! — возмутился Алябьев. — Он меня с кем-то спутал! — и напустился на Болта, понимая, что лучший способ защиты — это нападение: — Ты меня принял за другого! Признайся!

— Ну ты! — налился краской Болт. — Я тебе моргалы в череп вгною! У меня ошибки быть не может!

— Ладно, тихо, тихо! — воскликнул Писатель, пытаясь успокоить противников. — Потом разберемся — кто и что... — И боясь головомойки от Шефа, решил все-таки отпустить Алябьева. — Его придется отпустить, — сказал он Болту. И приказал артисту: — Иди! Как окажешься в безопасном месте, звони немедленно Шефу.

Болт в недоумении смотрел на Писателя и на остальных, находившихся на явочной квартире, не понимая, что происходит и почему с таким трудом пойманного им мерзавца следует отпустить.

Алябьев решил, что не стоит искушать судьбу, и последовал приказу Писателя. Тут же выскочил за дверь и побежал вниз по лестнице.

— Как же так!.. — Болт чуть не плакал от обиды.

— Так надо, Болт! — успокоил его Писатель. — Потом мы до него доберемся...

— Ну нет! — взревел Болт и, оттолкнув Писателя, помчался вслед за артистом.

Он увидел спину Алябьева на улице и, расталкивая прохожих, рванулся за ним.

Артист, готовый к подобному развитию событий, сорвался с места и помчался во весь дух в ближайший двор. Хорошо изучив местные дворы и подъезды накануне операции, он решил скрыться в одном из подъездов и, поднявшись наверх, бежать через крыши.

Лифта в подъезде не было, и Алябьеву пришлось пешим ходом добираться до четвертого этажа, где был выход на крышу соседнего дома.

Менее тренированный в спортивном отношении, Болт с трудом преследовал Алябьева. Но до крыши все-таки добрался и теперь настигал артиста, ловко передвигаясь по кровле.

Алябьев добежал до края крыши и остановился — дальше пути не было. Он бросил взгляд вниз. Увидел улицу, деревья, растущие вдоль нее, увидел прохожих на узком тротуаре, машины, едущие по неширокой мостовой... Почти прямо под ним был кузов грузовой машины, полный коробок, накрытых брезентом...

Артист посмотрел назад — Болт был уже на расстоянии нескольких шагов, еще немного — и вцепится ему в спину. Алябьев перекрестился и прыгнул вниз.

Траектория полета была удачной, и артист упал в кузов грузовика на телогрейку и брезент, лежавшие поверх коробок. Коробки разъехали, и он сполз между ними на самое дно кузова. Болт с крыши погрозил ему кулаком, бессильный что-либо сделать.

Придя в себя после полета, Алябьев выбрался из коробок и уселся у борта кузова, прижимая к себе спор-

тивную сумку, где находились деньги, в ожидании подходящего момента, когда машина уедет подальше и можно будет покинуть ее.

А машина неслась и неслась вперед, изредка притормаживая на перекрестках у светофоров.

Лицо Алябьева озарила счастливая улыбка. Погони не было, деньги находились при нем и жизнь после такого нагромождения событий, из которых он вышел победителем, казалась ему прекрасной. И самое главное — он ощущал себя другим человеком, способным принимать серьезные решения и действовать в любых обстоятельствах.

На явочной квартире царило оживление. Вокруг Шефа собрались его соратники. Вместе с телохранителями было человек десять. Здесь же находился и Чулков, с помощью лупы и инструмента исследовавший оба эгрета, которые лежали перед ним на столе.

Дело происходило в главном зале, где в стороне был накрыт длинный стол, радующий глаз крахмальными салфетками, множеством бутылок с напитками и тарелками с дорогими закусками и фруктами. Шеф собирался в кругу приближенных отметить удачно проведенное дело.

Помощники Шефа, Писатель, Дохлый, Болт и все остальные стояли на некотором расстоянии от Шефа и Чулкова и, вытянув шеи, ждали, что скажет эксперт.

— Юрий Иванович, ну ты и заставил меня сегодня поволноваться... — сказал Шеф благодушно, как полководец, одержавший победу, обращаясь к Чулкову.

Чулков оторвался от эгрета, поднял на Шефа глаза:

— Я не мог уйти! Эта баба-следователь учинила мне целый допрос. Все интересовалась тобой и твоими делами...

Чулков надвинул на глаза лупу и опять склонился над ювелирными изделиями.

— Что же этой дамочке нужно? — спросил Шеф.

— Не знаю.

— Ну, ничего, мы ее урезоним...

Повозившись некоторое время со вторым эгретом, Чулков отодвинул его в сторону и сказал тоном, в котором не было сомнений:

— Это тоже подделка.

Шеф, усмехаясь, взглянул на Чулкова, как на неразумное дитя.

— Да, да, подделка, — подтвердил Чулков, — и первая вещь, и вторая.

— Этого не может быть... — Шеф все еще продолжал улыбаться, думая, что Чулков ошибся. — Одна вещь — действительно подделка, а вот вторая... Посмотри внимательнее.

— Я и смотрю внимательно, — оскорбился эксперт. — И со всей ответственностью заявляю, что оба ювелирных изделия — подделка! — в его голосе звучали визгливые нотки, ведь речь шла о его профессиональном реноме. И вновь повторил: — Это подделка!

Улыбка слетела с лица Шефа. В глазах загорелись злые огоньки.

— Одна вещь настоящая! — заявил он гневно, не желая признавать правоту Чулкова и то, что его обманули.

— Подделка!

— Настоящая!

— Подделка! — не сдавался эксперт.

— А я говорю: настоящая! Настоящая! — завопил Шеф.

И все присутствующие втянули головы в плечи.

— Подделка! — пролепетал Чулков, боясь гнева Шефа и тихонько сползая со стула на пол.

— А я говорю: настоящая!

— Подделка!

— Настоящая! — взвыл Шеф, понимая, что оказался обманут. В ярости он выхватил пистолет из-за пояса и начал без разбора палить вокруг: — Сволочи! Болваны! Куда смотрели?!

Подручные Шефа, не ожидавшие такого развития событий, тут же попадали на пол, как на поле боя во время стрельбы неприятеля. Кто-то пытался спрятаться за стулом, кто-то закрывался рукой. Писатель и Болт отползали под стол, на котором стояла выпивка и закуски, надеясь найти там защиту от пуль.

— Гады! Всех перестреляю! — визжал Шеф, продолжая палить по сторонам.

— Шеф, это настоящая! — высунул голову из-под стола Писатель.

— Это подделка! — взрыднул Шеф и произвел выстрел в сторону стола. Пуля попала в большой арбуз, и тот разлетелся на куски, обдав лицо Писателя розовой мякотью.

— Настоящая! — выкрикнул Писатель и нырнул под стол.

— Подделка! — вновь взрыднул Шеф, нажимая на курок. — Убью!!!

— Нет, Шеф, настоящая! — крикнул первый помощник, отрывая голову от пола и желая образумить

своего хозяина. И в его сторону полетела пуля. Помощник еле успел прикрыться стулом.

Но тут, к счастью, патроны в пистолете кончились, и несчастный Шеф рухнул на стул.

— Подделка! Подделка! — стонал он. — Убью! Всех убью! Всех, всех убью!..

Тем временем грузовик, в котором находился Алябьев, выехал за пределы Кольцевой дороги, и артист понял, что пора вылезать. Скорость у машины была приличная. Прыгать на ходу не было необходимости, и Алябьев, пробравшись к кабине, постучал по крыше ладонью, призывая водителя остановиться.

Поначалу не было никакой реакции, видимо, водитель пришел в замешательство: столько времени ехал и не знал, что в кузове кто-то есть... Потом машина затормозила. Когда она остановилась, из кабины вылез человек совсем не шоферского вида. На нем был элегантный светлый пиджак, белая рубашка и под горлом галстук-бабочка. Правда, в руке он держал монтировку на случай, если возникнет разборка с неожиданным пассажиром.

Приглядевшись, Алябьев узнал водителя и от неожиданности повалился на коробки. Надо же такому случиться: это был Барханов.

Хмурое лицо Барханова разгладилось. Он тоже узнал Алябьева. И расхохотался.

— Ты... — только и смог проговорить он.

— Я.

— Как? Откуда? Неужели опять из окошка сиганул?

— На этот раз с крыши...

— Ну, ты даешь!

— Я же твой телохранитель, значит, должен быть рядом! — воскликнул Алябьев и прыгнул на землю. — Держи! — он протянул Барханову сумку с деньгами.

Барханов подкинул сумку в руках. И оба заорали от счастья. Потом крепко обнялись, испытывая радость оттого, что сумели победить в этом нелегком деле.

Через минуту оба сидели в кабине машины и неслись в Шереметьево, навстречу новой жизни, которая ждала их за пределами российского пространства...

На этой благостной ноте завершается наша история. А может быть, у нее иной конец... Вероятнее всего, заканчивается она по-другому, что больше соответствует складу русского человека еще со времен Обломова и даже раньше. Быть может, все случившееся, все эти перипетии, весь этот сумбурный и удачливый поединок с людьми из уголовного мира — всего лишь плод воображения несчастного артиста, сидящего в домашнем кресле и размышляющего над своей невеселой судьбой.

Жена Зина за его спиной гладит белье и ворчит, как обычно. Ее ничто не изменит. Она изрекает пошлые глупости, цель которых — унижение мужа.

Алябьев поднимается с кресла и проходит к открытому настежь окну, за которым шумит и благоухает цветущий по весне город. Наш герой долго смотрит вниз. Совершит ли он прыжок в окно, не желая мириться с нынешней своей жизнью, или нет? Повернет ли корабль своего бытия в другую сторону или смирится с происходящим? Вот в чем вопрос... С этим его и оставим.

**ПИРЯТИНСКИЕ
УЗНИЦЫ**

Случилось это в городе Пирятине. Пирятин — городок небольшой. Население — сорок тысяч жителей. Промышленных предприятий негусто: одна суконная фабрика, мясокомбинат, есть еще мастерская по ремонту сельхозтехники, наподобие небольшого заводика. Вот и всё. Есть, конечно, магазины, школы, детские сады, заведения «общепита» и прочее — как положено. В общем, живут люди — не хуже и не лучше, чем в других далеких от центра местах. Пьют. Много пьют. Поругивают власть, всякого рода жуликов из числа начальства, от которых уже кость в горле, милицию — если вдруг обнаружится какой-либо серьезный уголовный факт. Что касается уголовщины, шалят в основном проезжие (через город идет трасса на Урал), свои, местные, — народ не громкий, хотя и среди местных есть заметные возмутители спокойствия из числа пьяниц.

Однажды в этом самом Пирятине в роддом с утра пришел мужик. Сухощавый, скуластый, с черными, как у цыгана, глазами, с простецким лицом, лет тридцати.

Роста он был среднего, в плечах неширок, но, судя по жилистым рукам, крепкий. Принес грудного ребенка, завернутого в линялое байковое одеяло. Обычно детей из роддома уносят, а этот принес.

— Чего тебе? — спрашивают у него.

— Вот ребенка вам принес... — отвечает мужик. — В сквере на скамейке лежал... Возьмите, а то ведь пропадет.

Позвали главврача — пухлую женщину в очках, с презрительно оттопыренной губой. Та заглянула в одеяло — не дурачат ли? — действительно дитя. Посмотрела с неудовольствием на мужика:

— У нас вчера две роженицы от младенцев отказались... А тут ты нам — еще третьего...

— Не нести же его обратно на улицу! — оскорбился нежданный гость. — Постыдились бы своих слов! — заявил он, вперив в главврача свои черные цыганистые глаза. — Сидите в таком месте, а детей не любите... Это как же понимать?

— Да, не люблю, — кивнула главврач, — но не детей... А сучек безмозглых, которые бросают их на произвол судьбы! Прежде чем лезть под мужика, подумали б сперва своей глупой башкой о последствиях... Ведь сколько средств защиты наука изобрела, а они сирот разводят... А те потом вырастают по чужим углам, приучатся нюхать клей, и давай нормальным людям головы сносить! — Все это главврач выплеснула мужику в лицо, словно это он был виновен в общих бедах.

— Вы бездушная! — вымолвил тот, не зная, то ли ему уходить, то ли настаивать, чтобы взяли ребенка.

— Ладно, оставь, — согласилась все же строгая начальница. И не слова мужика подействовали на нее,

а жалкий крик ребенка, зашевелившегося в одеяле. — Только надо все соответствующим образом оформить... Катерина! — обратилась она к старшей медсестре, бесцветной сорокалетней женщине с безрадостным лицом, находившейся тут же. — Вызови участкового.

Участковый — капитан Серегин — белобровый, веснушчатый, круглолицый, сознающий важность собственной персоны в масштабе доверенного ему района, допрашивал мужика в подсобке роддома, где хранились комплекты чистого постельного белья и разная бытовая мелочь. Оба сидели у стола, на котором на перевернутой вверх дном тарелке стоял выдавший виды электроутюг.

Дверь в подсобке была открыта настежь, и желающие, если бы таковые нашлись, могли заглянуть из коридора внутрь и все увидеть своими глазами. Но местному персоналу было не до зрелищ: только что привезли очередную роженицу, молодую девку, у которой уже отошли воды.

Серегин был человек добросовестный, но особым умом не отличался

— Так где, говоришь, ребенка обнаружил? — спросил он.

— На Садовой... — ответил мужик. — На скамейке лежал... Там, где детская площадка...

Серегин хотел закурить, но вовремя вспомнил, где находится, и сунул сигареты обратно в карман форменных брюк.

— Может, мать его на минутку оставила, а сама по нужде в кусты отошла?... А ты, не разобравшись, прихватил его, — высказал неожиданную версию участко-

вый. — А баба потом вернулась, глядь: ребенка нету! — Серегину самому очень понравилась эта версия.

— Не-е... Я четверть часа вокруг ходил. Интересовался: чье дитя? Никто не знает. По всему выходит: ребенок брошенный.

— Люблю я вас, настырных, вы вечно нос не в свое дело суετε, — вздохнул Серегин — появление бесхозного младенца на вверенном ему участке суило немалую головную боль.

— Что же, бросить его следовало? Пусть подышает? Ну ты, капитан, даешь!

— Бросать не следовало. Но и торопиться с этим делом — тоже было ни к чему... Записки поясняющей или еще чего при ребенке не было?

— Не было, — уверенно ответил мужик.

— А белье? Тряпки там, в которые завернут младенец... Может, инициалы на них какие-нибудь имеются или метка для прачечной?

— Нет, — сказал мужик. — Какая дура, желая избавиться от ребенка, станет метки оставлять. Да и прачечных у нас — всего две на весь город; бабы сами стирают...

В разговор вмешалась появившаяся в дверях старшая медсестра.

— Вот его тряпки... Мы ребенка подмыли, перепеленали, завернули в чистое — это мальчик...

Она положила на стол байковое одеяло, распашонку и пеленку — сильно подмоченную.

Серегин брезгливо повел носом. Аккуратно касаясь кончиками пальцев тряпок, повертел их перед глазами, оглядывая каждую вещь и ища какую-либо мелочь, которая могла бы прояснить суть дела.

— Ничего, — констатировал он.

И вдруг неожиданная мысль возбудила его ум, и он строго взглянул на мужика:

— А сам-то ты как — женатый?.. Может, свой приплод решил государству на прокорм подбросить...

— Я не женатый.

— Чего ж так? Вроде не безусый юнец...

— Я с мамашей живу, — объяснил мужик. — А она — хворая. А жить с хворой в качестве довеска — желающей не нашлось. Вот и кукую.

— Сочувствую, — сказал участковый. — Давай оформлять протокол... Имя, фамилия, год рождения?

— Чье?

— Твое, не ребенка же!

— Бутов, Павел Кузьмич...

Вечером Пашка Бутов сидел с приятелем в кафе на Пролетарской улице. Пили портвейн. Две бутылки усидели, но оставалась еще третья.

Портвейн оказался на редкость приличным (чудом в город по чьему-то недомыслию попала качественная партия этого напитка, часть которой осела на складе, принадлежащем кафе), и приятелям было весело, и ничуть не скверно, как это бывает, когда пьешь паленую гадость.

Беседовали на разные темы. Говорили и о найденном ребенке. Бутов работал как раз в мастерской, где чинили сельхозтехнику. Приятель его, Федька Лобов — и не приятель даже, а так, знакомец, учились когда-то в одной школе — налаживал машины на местном мясокомбинате. Одним словом, оба механики.

— Значит, ребенка взяли, — с чувством удовлетворения отметил Лобов.

— Взяли, — кивнул Бутов.

И налил в стаканы. Выпили. Закусили шпротами, цепляя их с общей тарелки алюминиевыми гнутыми вилками.

— Ну и слава Богу! — сказал Лобов. — Ребенок-то — пацан, девка?

— Парень.

— Повезло ему, что ты на него наткнулся... В детдоме, конечно, не сахар, но не пропадет. У меня вон сосед по лестнице — детдомовский. На пианине играет. И поет — уж будьте любезны — куда там Баскову! Басков — щенок супротив него! Вот, значит, не пропал... Не все же там клей нюхают.

— Верно, — согласился Бутов.

И опять налил в стаканы.

— Ты герой! — сказал Лобов, глядя в лицо приятелю увлажнившимися от чувств глазами. — Я б так не смог... Мимо бы прошел. Ну нет, позвал бы, конечно, какую-нибудь бабу — присмотреть... Но сам бы в руки не взял. Ни-ни! Я с грудничками боюсь дело иметь — вдруг уроню ненароком на пол или еще чего...

— А ты пей поменьше! — посоветовал Бутов.

После кафе пошли в сторону магазина.

— Мне гречку надо купить, хлеба и еще консервы, — сказал Бутов.

Лобов остался за порогом магазина на улице. Дышал сладковатым весенним воздухом, глядел на звезды, которые вдруг обнаружили в несметном количестве над головой, а он их увидел.

Бутов, хоть и не был легок в движениях после выпитого портвейна, но производил покупки в магазине обстоятельно, взвешенно, помня, что необходимо купить, а что нет.

Прикупив нужное и уложив все это в небольшой рюкзак, который таскал на плече, как часть одежды, он попросил у продавщицы еще и плитку шоколада «Слава» — мать, что ли, хотел побаловать? — и на этом поставил точку. Рюкзак вновь забросил на плечо. Плитку же шоколада оставил в руке, дабы не поломать ее внутри рюкзака и сохранить в целости.

— Это что же, — спросил Лобов, когда Бутов вышел на улицу, — на сладкое потянуло? Или для матери презент?

— Для матери, — подтвердил Бутов.

Расстались на перекрестке, пожав друг другу руки: один пошел в одну сторону, второй — в другую.

Жил Бутов в собственном деревянном доме, который в свое время построил еще его покойный дед. За домом, выходящим фасадом на улицу, был участок десять соток, на нем огород, в конце которого темнел добротный сарай на кирпичном фундаменте.

Мать Бутова уже спала. Ей с утра серьезно немогло, еле до кухни доползла, чтобы сделать сыну яичницу на завтрак. А тот и есть не стал: ковырнул ложкой желток, отодвинул сковородку, ушел. Старуха же долго сидела на стуле у стола, потом перебралась на кровать. Весь день смотрела в потолок, вспоминая с немой грустью пережитое. Под вечер все-таки сон сморил ее.

«Мать!» — шепотом позвал Бутов, заглядывая за занавеску в материнский угол. Увидев, что та спит, не стал будить. Лишь прошел к кровати и выключил ночник, маленькой звездочкой светивший на тумбочке.

Вернулся в горницу. Взял рюкзак с продуктами и, блаженно зевнув, вышел из дома, тихо прикрыв за собою дверь.

Над огородом стелилась зябкая темнота, которую не тревожил ни один фонарь (их поблизости попросту не было), темнели и соседские окошки: соседи-старички ложились спать рано и в целях экономии выключали всё, кроме старенького холодильника «Саратов», каждые десять минут дребезжавшего на кухне с приплясыванием; а зимой, случалось, отключали и его, сохраняя продукты в холодных снях.

Беззвучной тенью Бутов прошел в конец огорода — к сараю. Открыл висячий замок на крепкой добротной двери. Вошел внутрь. Закрыв изнутри дверь на металлическую задвижку.

Включил лампочку, весело загоревшуюся под толчком и осветившую внутренности сарая. В сарае был образцовый порядок, что делало честь хозяину. Часть помещения представляла собой мастерскую наподобие слесарной, где на полках и длинном рабочем столе лежали в ящичках или висели на гвоздях многочисленные инструменты, свидетельствуя о любви хозяина к поделкам из дерева и металла. Другая часть — являла собой бытовку, там высился газовый агрегат для отопления сарая и в живописном порядке, как на складе, стояли какие-то ящики, бутылки и канистры. Здесь же нашли себе место две большие деревянные бочки с соленьями: в одной была капуста, в другой — огурцы. Соленья осенью делала сестра Бутова, жившая после замужества в райцентре в сорока километрах от Пирятина и приезжавшая изредка проведать мать и брата. Она же приезжала на неделю по весне, чтобы посеять на огороде картошку, огурцы и лук.

Бутов сунул ладонь за одну из бочек, нажал какой-то одному ему известный рычаг, скрытый за досками

стены, и часть стены размером метр на полтора беззвучно отъехала в сторону, открывая потайной ход.

Согнувшись, Бутов пролез в отверстие, сдвинул находившийся в полу прямоугольник из половых досок, под ним открылся квадратный металлический люк, ведущий в подвал.

Бутов открыл люк и, удерживая рюкзак перед собою, спустился по деревянной лестнице на несколько ступенек вниз. Спустившись достаточно, закрыл за собою крышку люка и запер ее изнутри на ключ. А ключ спрятал в щель между кирпичной кладкой.

Проделав все это, Бутов продолжил движение по лестнице вниз и оказался в узком коридоре, с двумя легкими фанерными дверьми. Одна дверь была приоткрыта, из нее в темноту коридора пробивалась тонкая полоска света.

— Эй вы, выдры! — громко позвал Бутов. — Встречайте хозяина... Ваша мамка пришла, молока принесла! Тут жратва и презент... — Он аккуратно извлек из бокового кармана плитку шоколада.

Ему никто не ответил. Правда, за дверью звучала негромкая веселая музыка — это работал радиоприемник — свидетельствуя о том, что есть и тот, кто эту музыку включил и слушает.

Будучи в хорошем расположении духа после удачно сложившегося дня, Бутов открыл дверь и с улыбкой шагнул в освещенное нагретое помещение... И тут же получил сильный удар шахматной деревянной доской по голове, отчего свалился без чувств на покрытый половиком дощатый пол.

В помещении, оборудованном под жилье, с двумя простыми металлическими кроватями и небольшим

столом между ними, находились две девушки лет двадцати, бледные, болезненного вида, какой бывает у людей, давно не бывавших на воздухе: одна повыше, Ольга, с неприбранными светлыми волосами, вздернутым носиком и решительным взглядом серо-зеленых глаз, другая — Татьяна, большеглазая, с темными волосами, забранными в пучок, с выражением покорности судьбе на бледно-сером лице.

— Ну вот, — сжалась Татьяна, глядя на лежащего неподвижно Бутова, — ты его убила...

— Плевать! — возбужденно воскликнула Ольга. — Бежим отсюда!

И бросив шахматную доску на кровать, устремилась к лестнице.

Татьяна последовала за ней, прихватив предварительно со стола кое-какие дорогие ей мелочи — небольшую косметичку и блокнот с записями, который не хотела оставлять.

Пробираясь в узком пространстве по лестнице вверх, обе добрались до крышки люка. Ольга попыталась открыть ее, но безуспешно.

— Запер, сволочь! — сказала она. И коротко поразмыслив, обратилась к Татьяне: — Спустись, детка, вниз — ты ближе — поищи у него в карманах: должен быть ключ...

— Я боюсь, — покачала головой Татьяна. — А вдруг он на меня набросится?

— Он не скоро оклемается, — успокоила ее Ольга. — Я ему врезала от души!

Татьяна спустилась вниз. Присела на корточки возле Бутова, все еще лежавшего без сознания, и, опасливо косясь на его лицо, стала рыться у него

в карманах. Ключа не было. Она обыскала рюкзак, нервно перекладывая в нем продукты, и там ключа не оказалось.

— Быстрее! — подстегнула ее Ольга.

Завершив поиски, девушка вновь взглянула на лицо Бутова. Оно было бескровным, как у покойника. Гримаза ужаса исказила лицо Татьяны.

— Ты его убила, — простонала она и заревела.

Ольга поморщилась.

— Не реви!

— Без него мы тут сгнием заживо, — продолжала обливаться слезами Татьяна. — Нас никто не найдет...

— Найдут, — сказала Ольга не очень уверенно.

— Два года не смогли найти, а теперь и подавно...

— Мы бы и с ним сгнили заживо! — заявила Ольга.

И еще раз попыталась открыть крышку люка, упираясь в нее ладонями обеих рук.

— Тварь! — ругнулась она. — Ни себе ни людям!.. — Словно Бутов, предполагая получить удар шахматной доской по голове, как человек благородный, должен был оставить люк открытым.

— Зачем ты так?! — Татьяна неожиданно успокоилась. — Это же отец твоего ребенка... — Она утерла ладонью мокрые щеки.

— Не нужны мне его дети! — воскликнула Ольга. — Он, наверное, утопил его где-нибудь в канаве, как котенка...

— Я бы своего не отдала...

— Ага, чтобы он здесь подох — в этом подвале?.. Ну вот родишь, тогда и послушаем твои песни.

Татьяна вздохнула.

— Пошли поглядим, может, он еще жив.

Небо на улице чуть посветлело и уже не было таким иссиня-черным, как прежде, но звезды, все еще в бесчисленном количестве, празднично сияли в небесном пространстве, освещая все вокруг — не только там, далеко во вселенной, но и на земле, радуя тех, кому была охота, несмотря на поздний час, любоваться ими.

Девушки положили Бутова на одну из двух кроватей, сунули под голову подушку. И теперь сидели рядом.

Татьяна гладила его ладонью по руке и приговаривала: «Ну, очнись, очнись, Паша... Давай же! Открывай глаза...»

Ольга хмуро косилась на нее, не одобряя подобных причитаний. Затем прошла к полке, где с одной стороны теснились книги, а с другой — какие-то пузырьки. Покопалась там, нашла пузырек с нашатырем.

Сунула нашатырь Бутову под нос. Тот поморщился, дернул головой, словно хотел увернуться от назойливого слепня.

— Оклемается, — сказала безрадостно Ольга. И взглянула на Татьяну. — Готовься теперь, девонька, к мордобою.

Прошло еще некоторое время, прежде чем сраженный шахматной доской Бутов открыл глаза.

Туманно взглянул на девушек, вспомнил, где он и кто они. Сел на кровати, потрогал рукой затылок: там было липко. Бутов посмотрел на пальцы и обнаружил на них кровь.

— Ах вы, гниды! — ругнулся он.

И, не упреждая, ударил Татьяну, сидевшую к нему ближе, кулаком в лицо.

Татьяна, точно кукла, слетела с кровати на пол.

— Зачем ее бьешь? — закричала Ольга. — Это я тебя, сволочь, доской огрела!

— Сука! — прохрипел Бутов. — За что?

— Обозналась, — слукавила Ольга, закрывая рукой лицо от возможного удара. — Думала к нам посторонние пришли...

— Не свисти, гадина! Ты только и ждешь посторонних!

Бутов поднялся, тяжело ступая, двинулся к Ольге и, когда та, пытаясь в ограниченном пространстве комнаты, уперлась спиной в стену, ударил ее кулаком в живот. Ольга вскрикнула и осела на пол.

— Я о них, понимаешь, забочусь... Я им, сучкам, продукты принес... Шоколад... А они — по башке! — пожаловался он себе.

— Ты еще предложи благодарность тебе в газету написать! Мы здесь точно в тюрьме... Третий год пошел... — Ольга поморщилась, трогая место на животе, куда был нанесен удар. — А я на волю хочу! Дура я, дура! — что согласилась в тот день пойти с тобой вина попить. Заманил, сволоочь, клофелином опоил! Если бы я тогда с Колькой не поругалась, вовек не видела бы твоей мерзкой рожи и этого гнусного подвала!.. Мамочка! — истерически вскричала она, обратив взор к потолку. — Неужели ты смирилась с тем, что пропала твоя дочь?! Умоляю тебя, ищи меня!

Бутов взял лежащую на кровати шахматную доску.

— Теперь я понимаю, зачем вам шахматы понадобились...

И швырнул доску за дверь.

— Отсюда не убежите. Только через мой труп, — сказал он. — Я обещал отпустить вас, если не будете колбасить... А теперь договоренность отменяется.

— Что же, убьешь нас?

— Может, и убью.

Бутов вынул наручники из кармана рюкзака. Приблизился к Ольге.

— Дай руку...

И когда та послушно протянула ему руку, надел одно кольцо наручников на ее запястье, а второе пристегнул к железной спинке кровати.

— Как же мне в туалет и подмыться? — спросила Ольга.

— Под себя будешь ходить, — заявил Бутов. — Или Таньку попросишь, чтоб таз тебе носила. Посидишь так недельки две, тогда поймешь, нужно ли было мужа по голове шахматной доской бить!

— Ты мне не муж! — огрызнулась Ольга.

— А ребенка от кого понесла, с которым я нынче намучился?

— От тебя... — вынуждена была признать Ольга.

— Ну вот! Значит, муж я тебе, и Таньке — муж!

— Нет, — не сдавалась Ольга.

— А ночью, когда лезла под меня, кто мне жаркие слова шептал? Ты или Машка Распутина? Ась?!

— Не я! Это мое женское нутро, против моей воли... Я же не бабка старая! Посадил в тюрьму и хочешь, чтоб я и плоть свою сургучом запечатала?

Бутов потрогал липкий затылок, опять посмотрел на пальцы в крови, облизал их, пробуя свою кровь на вкус.

— Иди за мной, — велел он Татьяне.

Открыл дверь, прошел во второе помещение. Оно было меньше первого. Слева серел фаянсовый унитаз. Чуть в стороне — кран и раковина. Справа у стены примостился столик с электроплиткой и кухонной утварью. Здесь, в этом закутке, пленницы готовили

еду и здесь же справляли свои естественные потребности.

Бутов вывалил содержимое рюкзака на стол.

— Здесь жратва на неделю, — сказал он. — Пользуйтесь! Хотя за вероломство следовало бы вас на голодный паек посадить... Но я человек отходчивый... А вот компании своей я вас лишаю на некоторое время.

— Паша! — воскликнула Таня. — Не бросай нас надолго! Я с ума сойду!

И ткнулась в его плечо головой.

Бутов строго взглянул на нее.

— Товарку свою благодари...

Когда Бутов вернулся в дом, мать проснулась.

— Паша, это ты? — спросила она негромко.

— Я, мать, я, кто же еще?

— Чего так поздно?

— Работы много...

— Жениться тебе надо, сынок, тогда и дома станешь больше бывать, — вздохнула старуха. — Да и мне радость, ежели внучок али внучка образуется... Нюрка, сестра твоя, к несчастью, все никак не родит...

— Зачем тебе внуки, мать? — бесстрастно спросил Бутов, направляясь в закуток, приспособленный под ванную комнату. — Сил совсем не осталось, а ты еще хочешь малое дитя себе на шею посадить...

— Мне бы хоть одним глазочком на него посмотреть, увидеть, что наш корень не ушел в чертополох...

Бутов промолчал. Взял с полочки одеколон, нашел кусок марли, намочил ее одеколоном, приложил к затылку. Почувствовав, как защипало рану, скрипнул зубами.

Старуха повернулась на бок и теперь, заглядывая в щель между стеной и незашторенной занавеской, искала глазами сына. Увидела, что он прошел через горницу, прикладывая к голове марлю.

— Ты что, ударился?

— Знаешь, мать, я сегодня младенца нашел — подкидыша, — вместо ответа проговорил Бутов, укладываясь в одежде на кровать.

— О, господи! — перекрестилась старуха.

— Отнес его в роддом... Участковый сказал: молодец Бутов!

— Вот девки пошли, — опять вздохнула старуха, — нагуляют брюхо, а потом детей бросают... Господь их накажет!

Мать Ольги, Вера Кирилловна Морозова, женщина сорока пяти лет, работавшая завхозом в школе, низенькая, круглолицая, с седой прядью в волосах, чуть припадающая на правую ногу (когда-то в молодости упала с велосипеда и серьезно повредила лодыжку), все никак не могла примириться с потерей дочери. По счастью, Вера Кирилловна имела еще одну дочь, Зинку, учившуюся в восьмом классе. Но от этого потеря старшей дочери не была менее острой.

Уже не надеясь дождаться добрых вестей из милиции, где в числе висяков, то есть безнадежных дел, было и дело об исчезновении ее дочери, Вера Кирилловна отправилась к карточной гадалке, Софье Львовне, оказавшейся в Пирятине проездом у сестры и адрес которой дала ей директриса школы, где Морозова работала.

Софья Львовна, крупная, с непомерно большой грудью, непонятной национальности особа, с глазами навывкате, с темными усиками над верхней губой, с важ-

ным выражением лица, раскинула на столе карты. И прочищая указательным пальцем правое ухо, словно пытаясь извлечь оттуда проникшее туда незаконным способом насекомое, принялась сообщать гостье, что говорят карты. Голос у нее был низкий, приятный, заволаживающий, от которого натур менее сильных, чем Вера Кирилловна, сразу тянуло в сон.

Вера же Кирилловна была настроена самым решительным образом и внимательно слушала гадалку, как-то сразу поверив ей. Может потому, что Софья Львовна была серьезна в своих рассуждениях и не старалась понравиться клиентке.

— Можешь верить или не верить, дорогуша... но твоя дочь жива! — И она ткнула извлеченным из уха пальцем в одну из карт. — Вот! Жива и здорова!

— Ах ты! — взволнованно дернулась на стуле Вера Кирилловна.

— Поставь свечку Господу — оберег он ее!

— И где ж она? — потянулась всем телом Вера Кирилловна к гадалке.

— Ну вот, ты еще адрес спроси! — строго отозвалась та. Взяла со стола пачку «Мальборо», закурила. И когда ее окутало табачное облако, добавила, щурясь сквозь дым на клиентку: — Я адресов не даю — я не справочное бюро... Я судьбу освещаю: что и как... главные вещи! А это, дорогуша, поважнее адресов.

— И все же, — никак не могла успокоиться возбужденная новостью несчастная мать, — посмотрите, Софья Львовна, может, еще что-нибудь обозначится...

Гадалка окинула глазами карты.

— Обозначится... — кивнула она. — Могу тебе ответственно сказать, что она здесь — в городе, дочка твоя...

— Здесь? — У Веры Кирилловны задрожали губы. — Я-то думала: если жива, то где-нибудь в иных краях ма-ется...

— Нет, нет, здесь, в городе, — убежденно сказала Софья Львовна. — Вот смотри... — И, указывая в карты, она стала объяснять, что и как.

Вера Кирилловна вцепилась в карту с червовой дам-ой, на которую гадала Софья Львовна, словно это была одна из последних фотографий ее дорогой дочери.

Ольга тем временем, прикованная к спинке кровати, сидела на одеяле, свесив ноги на пол и наклонив вперед голову. Перед нею на табурете стоял эмалиро-ванный таз с теплой водой.

Татьяна суетилась возле Ольги, помогая ей — «од-норукой» — вымыть голову. Втирала подруге шампунь в волосы, а потом смывала его водой.

Покончив с мытьем головы, Татьяна принесла мах-ровое полотенце. Долго и тщательно вытирала шелко-вистые волосы Ольги.

— Хорошо, — сказала та. — Прямо легче стало, ве-ришь?.. Расчешусь сама — только зеркальце поддержи...

Татьяна подала ей гребень и села перед ней на табу-рет, держа на высоте лица небольшое прямоугольное зеркальце.

Ольга нашла в зеркальце свое отражение и, накло-нив голову набок, стала расчесывать волосы.

Татьяна с радостным чувством наблюдала за ней.

После мытья головы Ольга заметно повеселела.

— Знаешь, — сказала она, — здесь, в подвале, начи-наешь ценить самые простые вещи... Вот от чистой го-ловы — несказанная радость! Почти счастье! Еще бы

небо увидеть — хоть на минутку, — и какую-нибудь птаху на ветке — пусть воробья или даже ворону... Хотя прежде я ворон не любила. Они плохие, они голубей губят, рвут им, несчастным, груди и кишки выклевают...

— Увидим, увидим мы с тобою и небо, и птиц, — утешила ее Татьяна. — Не станет же он нас здесь вечно держать...

Вдохновленная словами гадалки, Вера Кирилловна в тот же день побежала к следователю, который занимался (или точнее — уже не занимался) поиском ее пропавшей дочери. Это был майор Иван Рукавицын, решительный малый лет двадцати восьми, с водянистыми глазами и чуть вытянутым вперед подбородком. Он и рад был бы активизировать поиск, но зацепок не было. Известно было лишь одно — в день исчезновения Ольгу видели в кафе, куда она заходила к подружке-буфетчице, а куда потом ушла — неизвестно. Говорили, что возле нее колготился кто-то из местных парней, но кто конкретно, спустя неделю, когда начались поиски, свидетели вспомнить не могли. И тем не менее в течение года Рукавицын с присущим ему упорством опросил чуть ли не одну шестую городского населения, пытаясь найти хоть какую-либо зацепку.

Увидев Веру Кирилловну, которая за время следствия стала ему почти родной, Рукавицын вытиснулся из-за стола, радушно придвинул гостье стул.

— Новостей нет... — сказал он, когда та уселась.

— Ваня! — воскликнула Вера Кирилловна. — Жива Оля, жива!

— Да ну! — оживился Рукавицын. — Появилась? Где была?

— Нет, не появилась...

— А что же тогда?

— Одна очень хорошая гадалка — почти экстрасенс, она у нас в Пирятине проездом — сказала, что Оля жива. И находится здесь — в городе!

Загоревшийся было Рукавицын сник.

— Ах, тетя Вера! Может, она, гадалка эта, к нам в милицию работать пойдет? — иронически заметил он. — Тут еще одна, как вам известно, пропавшая имеется... — И протянул руку: — Где бумажка?

— Какая?

— С адресом вашей дочери.

Вера Кирилловна смутилась.

— Вот адрес она не дала... Сказала, это не по ее профилю!

Рукавицын вернулся на свое место за столом.

— Подобные заявления я тоже могу делать — ведь проверить их невозможно! — сказал он. — Может, и мне в гадалки пойти? Сколько она за сеанс берет?

Вера Кирилловна ушла от ответа.

— Напрасно ты так...

— Тетя Вера, мне факты нужны, а не вымысел!

Бутов и его пленницы сидели за столом — отмечали день рождения Татьяны. Ольга была без наручников и радовалась тому, что может наконец свободно передвигаться и обслуживать себя. У беременной Татьяны уже хорошо обозначился живот.

Бутов в честь праздника принес три бутылки портвейна — того самого, качественного. Кроме того, рас-

кошелился на кило хорошей колбасы, на кусок мало-солевой семги и коробку конфет.

Одна бутылка была уже пуста, пили вторую.

— Принес бы чего-нибудь покрупче... — заметила Ольга.

— А чем тебе портвейн плох?

— Да нет, поило приличное... Но я бы выпила пару рюмок водки или коньяку.

— Буянить будешь! И ей водку нельзя! — Бутов кивнул на Татьяну, державшую руку на животе.

— Ей-то нельзя, а мне можно... — Ольга была настроена миролюбиво. — Чего грустишь, девушка? — спросила она у Татьяны. — День рождения — все же праздник!

— Да-да, конечно, — улыбнулась та.

— Поешь рыбки — тебе в самый раз. А то когда еще наш кормилец подобным побалуется...

Бутов оставил это замечание без внимания.

— Вот Колька, помню, устроил мне день рождения, — вздохнула мечтательно Ольга, закинув ногу на ногу. — Шампанского и водки было столько — пей — не хочу! В «Бригантине» стол накрыл — на десять персон... Чего только не было! Икра красная, копченый лосось и даже поросенок с гречневой кашей... Ты ела поросенка с гречкой?

— Нет.

— Супер, я скажу тебе! А потом приехали цыгане — Колька заказал, — весь вечер под гитару пели и плечами трясли! Блеск!

— Это ты про тех цыган, что на Кастанаевской живут и наркотой торгуют? — язвительно поинтересовался Бутов, желая принизить прошлый Ольгин праздник.

— Это ты с такими якшаешься, — беззлобно огрызнулась Ольга. — Колька их из Калачева выписал, они там в главном ресторане поют. Колька щедрый парень! Это я, дура, чего-то выкобенивалась... Давай, Танюш, выпьем, чтоб нам щедрые мужики попадались!

Бутов налил в стаканы.

— Ты меня, выдра, не унизишь... — сказал он. — Во-первых, день рождения не твой, а Танькин... Во-вторых, ты меня доской огрела и хочешь, чтобы после этого я тебя деликатесами кормил? Коньяки покупал? Выкуси! — И он сунул ей кукиш под нос.

— Фи! Грубый ты мужик, Пашка! — поморщилась Ольга.

— Мне однажды на день рождения мама платье подарила, — вдруг вспомнила Татьяна. — Голубое, с вырезом и здесь — кружева... Висит, наверное, в шкафу... Вещи часто людей переживают. Случись со мной что, а платье так и будет висеть. Если мать его не продаст.

— Слушай, Павел! — Ольга положила руку на колено Бутову. — Отпусти нас, Христа ради! Мы ж никакого преступления не совершали, чтоб в тюрьме сидеть... А мы тебя не выдадим, верно, Танюш? Скажем всем, что на заработки в Москву ездили. Вот тебе крест!

Бутов потянулся на табурете, снял Ольгину руку со своего колена.

— Не время еще... — сказал он. — И про тюрьму не надо. Во всяком положении есть две стороны. Считай, ты — в монастыре, в послушницах пребываешь. Грехи свои замаливаешь. И то, что ты здесь оказалась, — это Божий промысел... Что ты на воле полезного сделала? Ничего. Только гуляла. Пила и трахалась! А здесь у тебя есть возможность поразмышлять: как жить

дальше. Ладно, уже поздно. Пора укладываться... Раздевайся, — велел он Ольге.

Татьяна обидчиво взглянула на него.

— С ней ляжешь?

— Ну. — И пояснил: — У тебя ж — пузо!

— И будете при мне простыни мять?

— Уйди за стенку, коли не нравится, — сказал Бутов. — Посиди пока там.

Ольга сочувственно посмотрела на подругу по несчастью.

— Веришь, Танюш, нет никакой охоты с ним в постель забираться! — Она медленно сняла лифчик и трусы. — Бить же станет... Или опять наручниками окольцует.

— Молодец, — пьяно усмехнулся Бутов. — Соображаешь...

В Пирятин приехал московский цирк. И раскинув на центральной площади шапито, обосновался в городе на неделю.

Рукавицын, любитель всяких зрелищ, в первый же вечер отправился с молодой женой на представление.

Пока выступали дрессированные лошади, летали с трапеции на трапецию воздушные гимнасты и резвились клоуны, Рукавицын умиротворенно сидел на стуле, устремив веселый взор на арену и радуясь тому, что доставил удовольствие жене Нине.

Но вот ведущий объявил выступление иллюзиониста Соломона Фуганка. И когда этот самый Соломон, лысоватый человек, с набеленным лицом, с брюшком и в смокинге, ловко распилил на части свою ассистентку, лежащую в ящике, а затем с помощью той

же ассистентки, но уже соединенной к тому моменту в единое целое, стал угадывать, что у зрителей находится в карманах, потрясенный следователь воспылал любовью к ясновидцу. И решил посетить артиста в антракте и переговорить с ним. А вдруг тот поможет продвинуть следствие, касающееся двух пропавших девчонок? В этом, следователю казалось, было больше смысла, чем доверять словам какой-то сомнительной гадалки.

В антракте, поручив жену заботам знакомых, Рукавицын отправился на стоянку цирковых вагончиков, где и нашел Фуганка в одном из них.

Тот уже успел переодеться в будничную одежду, отмыл лицо от белил, он сидел за столом и ел с грустным видом из эмалированной миски дымящуюся похлебку, приготовленную ему ассистенткой, являвшейся к тому же его женой. В центре стола стояла бутылка водки и рядом — две стопки, точно малые дети при мамаше. Фуганок поглядывал на бутылку, решая для себя сокровенный вопрос: пить сейчас или дождаться вечера.

Здесь, в вагончике, при обычном освещении в иллюзионисте не было ничего загадочного, не было того блеска и праздничности, что ощущались на арене, сейчас он походил скорее на бухгалтера или завхоза, и, разочарованный этой переменой, Рукавицын хотел вернуться назад, но был остановлен хозяином вагончика.

— Вы ко мне? Заходите. — Фуганку, видимо, было скучно в будничной обстановке, а тут — новое лицо.

Рукавицын вошел, представился:

— Рукавицын, Иван, следователь Жуковского района...

— Фуганок, Соломон Михайлович... Артист оригинального жанра. Моя жена, Жанна, — указал он на ассистентку, выглянувшую из-за занавески.

— Я к вам по делу... — начал неуверенно Рукавицын. — Дело, можно сказать, необычное... Точнее, просьба.

— Может, по рюмке? — предложил Фуганок, радуясь, что появился человек, который мог бы составить ему компанию.

— Нет... — отказался от лестного предложения Рукавицын. — Меня ждет жена. В другой раз.

— Как пожелаете, — вздохнул Фуганок, огорченный, что компания сорвалась.

Рукавицын вспотел, не зная, с чего начать, и чувствуя неловкость, оттого что помешал артисту обедать.

— Видите ли, — приступил он наконец к изложению сути, — я расследую дело о пропаже двух девушек... Они исчезли два года назад... Исчезли и — всё, никаких концов! Точно корова языком слизала! Два года следствие топчется на месте... Вот я и подумал, увидев вас сегодня на арене: может, товарищ артист нам поможет? Вы так ловко угадываете, что у кого в карманах!

Фуганок был польщен столь высокой оценкой своего мастерства.

— Видите ли, товарищ следователь... — заговорил он. — Это — цирк! Фокусы! А жизнь, как известно, — другое...

— Но, может, все-таки попробуете? Покумекаете, что к чему? Вот и мать одной из пропавших девушек давеча опять приходила... Второй год, несчастная, слезы льет. У гадалки была, а та говорит: девчонка жива.

Фуганок протяжно вздохнул, и опять ему захотелось выпить водки. Не рассказывать же провинциалу о трюках, которые он применяет, называя содержимое зрительских карманов: ведь туда предварительно заглядывает его ассистентка, она же жена, и условными словами дает понять, где и что находится. Открывать профессиональные хитрости в начале недельных гастролей может только идиот. Фуганок соображал, как ему избавиться от нежданного гостя, который еще и выпить с ним не пожелал.

Рукавицын тем временем выложил на стол две фотографии.

— Взгляните, может, что-нибудь придет вам в голову, — сказал он. — Войдите в контакт!

Рассмотреть фотографии Фуганок не успел. Из-за занавески вышла его жена и ловким движением подхватила фотографии со стола.

— Смазливые, — сказала она, взглянув на лица Ольги и Татьяны. И добавила язвительно: — Вот если б они не пропали, тогда он смог бы войти с ними в контакт...

— Жанна, перестань, — урезонил ее Соломон Михайлович. — Не срами меня перед местным товарищем... — И заговорщически подмигнул гостю: — Ревнует меня ко всем подряд! Но такова уж наша участь — участь артистов!

— Не тратьте попусту время, товарищ следователь, — сказала Жанна, возвращая Рукавицыну фотографии. — Больше, на что способен мой муж: опередить, какая погода за окном. Или — почем водка в местном магазине? На это он мастак! Остальное, поверьте, фокусы, и не более того.

— Не слушайте ее! — оскорбился Фуганок. Ему не хотелось в глазах следователя, поверившего в его возможности, выглядеть заурядным махинатором. — Я, между прочим, — крикнул он Жанне, — несколько лет занимался парапсихологией! И имел успехи! Давайте ваши фотографии — я поработаю с ними на досуге.

Тем временем пришла пора Татьяне рожать. Услышав ее стоны, Ольга тут же сообразила, в чем дело — сама недавно прошла через это.

Быстро нагрела воды. Поставила кипятить в кастрюле ножницы, чтобы отрезать пуповину.

Постелила на кровать чистую простынь и уложила на нее Татьяну. Присела рядом.

К счастью, Татьяна недолго мучилась. Меньше чем через час отошли воды, и Ольга приняла ребенка, появившегося без особых сложностей. «Слава Богу! — подумала она. — Хоть в чем-то повезло!» На этот раз была девочка.

Ольга омыла ребенка, запеленала его не очень умело и положила к обессиленной матери под бочок.

Явившийся вечером в подвал Бутов, обнаружив новорожденного ребенка, которого Татьяна кормила грудью, помрачнел лицом: приспела новая забота!

— Родила, значит...

— Как видишь.

— Вижу, — вымолвил Бутов и опустился на табурет.

Ольга молчала, предпочитая не вмешиваться в разговор: их ребенок — пусть сами и разбираются.

— Что же теперь делать? — озадаченно засопел Бутов. — Не нести же опять в роддом. Скажут: ты, Бутов,

слишком часто стал детей находить... — И попенял Татьяна: — Блин, надо было аборт сделать!

— Это кто ж его здесь стал бы делать? — не выдержала Ольга.

— Ты.

— Вот еще! Я на портниху училась, а не детей спицами ковырять. И убивать человека своими руками не стану.

Татьяна закончила кормление.

— Давайте оставим его, — сказала она, укачивая ребенка.

— Ну нет! — возмутилась Ольга. — Здесь и так негде повернуться! И потом, моего, значит, на хер, а твоего — оставим?

У Татьяна удивленно вытянулось лицо.

— Ты же сама не хотела здесь держать ребенка. Говорила: на кой хрен мне Пашкин ублюдок!

— Мало ли что говорила! А теперь жалею, что отдала свое дитя в неизвестные руки, — всхлинула Ольга.

— Хватит вам распинаться! — набросился на них Бутов. — Нам здесь грудные дети ни к чему! Завтра же отнесу его куда-нибудь... Подброшу кому-нибудь из знакомых под дверь... Тому же Федьке Лобову. Жена у него шибко жалостливая — не даст ребенку пропасть!

Старшая медсестра Катерина возвращалась после ночного дежурства. Сойдя с автобуса, она шла в сторону дома.

Вороны с гортанными криками чертили воздух. Порывы ветра закручивали пыль, и она летела в лицо. Потом ветер утих и закрапал мелкий дождик.

Неожиданная картина привлекла внимание медсестры. На другой стороне улицы она увидела мужчину с грудным младенцем на руках. Тот был неловок, нервничал от собственного неумения. Если бы мужчина этот катил коляску и вынул бы оттуда младенца на короткое время, чтобы его переложить и дать соску, — это было бы в порядке вещей. Но у мужчины не было коляски, что выглядело весьма странно для молодого папаши, отважившегося гулять с ребенком на руках.

Что-то в облике мужчины показалось Катерине знакомым. «Где-то я его уже видела, — подумала она. — Но где? Может, у нас в роддоме? Встречал роженицу? Разве всех упомнишь!»

Тут Бутов — а это был он — завернул за угол, и мысли Катерины потекли в другом направлении.

Но пройдя метров двадцать, Катерина все же вспомнила, где видела этого человека. Ну, конечно, это был тот мужик, который принес в роддом брошенного младенца. Теперь он снова был с младенцем. «Что-то здесь не так», — подумала Катерина.

— Что-нибудь удалось? — спросил Рукавицын, подловив на другой день Фуганка возле цирка.

Артист без удивления взглянул на следователя, словно знал, что тот будет его караулить на площади возле шапито.

— Давайте присядем, — сказал Фуганок, указав на скамейку.

Когда оба уселись, Фуганок вынул из нагрудного кармана куртки фотографии девушек.

— Все думают: Фуганок только по водке мастер, а я всерьез размышлял о вашем деле, — сказал он. — Пло-

хо спал. Включил всю свою энергию. А жене моей не верьте! — он махнул рукой. — Сами знаете, нет пророков в своем отечестве...

Самое интересное, Фуганок говорил правду. Он действительно добрую часть вечера и ночи провел в думах, поглядывая на фотографии девушек и пытаясь, время от времени закрывая глаза, определить их настоящее. В детстве кумиром Соломона Михайловича был знаменитый Вольф Мессинг, который делал подобные вещи с блеском, и однажды Фуганок был ему представлен. «Мальчик, у тебя есть данные!» — сказал Мессинг юному Соломону и дал несколько советов. Увы, последующая жизнь увела Фуганка на другую стезю, но, как говорится, талант не пропьешь!

— Спасибо, спасибо, Соломон Михайлович! — Руквицын, не сдержавшись, стал пожимать руки иллюзиониста. — Я верил, что вы артист сознательный и поможете нам!

— Минутку! — Фуганок вскинул вверх ладонь. — Я поделюсь своими ощущениями, но... Гарантий нет!

— А нам терять нечего, дело и так висяк.

— Извините, чего? — не понял Фуганок.

— Дело, говорю, уже два года в подвешенном состоянии, — объяснил следователь. — Придется закрывать, если подвижек не будет.

Фуганок устремил взгляд на фотографии, которые держал в руках.

— Гадалка, как вы сказали, утверждает, что одна из девушек жива... Да, не ошиблась бабка — или кто она там? — заявил Фуганок. — Живы, обе живы — я тоже это ощущаю... Вот эта, — он ткнул пальцем в фотографию Татьяны, — кажется беременна... или даже уже родила.

Рукавицын присвистнул.

— Ох ты!..

— Вторая — та характером крепче будет, чем первая... — Фуганок наморщил лоб. — Тоже вроде с ребенком — мне видится...

— Ни хрена себе! — воскликнул Рукавицын. — Это что же, инопланетяне над ними эксперименты проводят?

— Нет, — покачал головой иллюзионист. — Инопланетяне здесь ни при чем.

— Так что же тогда? Может, куда-нибудь в Турцию угодили? В бордель? Нынче девок часто обманом в рабство заманивают.

— И это не так... Права была бабка — или как ее там? — здесь они, в вашем городе...

— Интересный факт! — произнес Рукавицын. — Где же живого человека два года можно прятать? Не на чердаке же? Или в подвале? У нас здесь не Чечня, чтоб пленников в подвалах держать... У нас нравы проще: ежели кто не по нраву — нож тому под ребро и в канаву!

Бутов с ребенком вошел в подъезд пятиэтажки. Не задерживаясь на первом этаже, сразу поднялся на второй. Так было надежнее. Если появится нежелательный свидетель, со второго можно быстро убежать.

Девочка проснулась, заворчалась в одеяле, готовая закричать в полный голос, словно почувствовала, что ее хотят бросить. Бутов это нутром почувствовал. «Мозговитая девка! Моя плоть! — подумал он с чувством гордости. — Сразу просекает неприятности...»

Он покачал девочку, чтобы успокоить ее, при этом воровато огляделся вокруг. Облупившиеся стены,

похабные надписи на них, сделанные фломастером. Оконная рама без стекол, прислоненная к одной из стен. Запах стирки и кислых щей... Пол у двери, обитый свежим черным дерматином, показался ему наиболее привлекательным местом, где можно оставить дитя. Там он и положил ребенка на пол. Нажал кнопку звонка и сбежал по лестнице вниз...

Разговор на бульваре продолжался. Рукавицын от волнения искурил несколько сигарет.

— А улицу вам по силам определить... или хотя бы район, где девушки могут находиться? — наседал следователь на Фуганка.

— Трудно. Но попробовать можно... Надо по городу на машине поездить — может, внутреннее чутье что-то и подскажет... Но гарантий нет!

— Отлично, товарищ артист! — воскликнул Рукавицын. — Я договорюсь с начальством, и завтра у нас будет «газик». — Странное дело, но следователь безоговорочно верил иллюзионисту, даже сам не знал почему — как-то сразу поверил и всё.

Фуганок усмехнулся.

— В трудное положение вы меня ставите, уважаемый, — сказал он. — Во время сеансов ясновидения выпивать нельзя. И я уже второй день веду трезвый образ жизни... А мне врач рекомендовал периодически расширять сосуды.

— Врач?

— А что вы удивляетесь? И боги пользуются услугами врачей! И у них болит сердце и бывает подагра.

— Соломон Михайлович, если мы найдем девушек, я вам ящик водки поставлю!

— Ящик — это уже лишнее! — скромно потупился Фуганок. — Это, мой друг, — запой! Что против моих правил! Артист должен быть в форме!

Тем временем Бутов, удачно избавившийся от ребенка, вернулся домой. Спустился с рюкзаком в подвал.

Ольга сидела у стола и рисовала какой-то пейзаж цветными карандашами — чувствовалось, что у нее есть к этому навыки. Здесь в подвале она часто бралась за карандаши и рисованием скрашивала досуг.

Татьяна сидела с ногами на кровати, прислонившись спиной к стене, и плакала. «Бедная девочка!» — бормотала она время от времени, вытирая ладонью мокрые щеки.

— Не реви, — сказал Бутов. — Пристроил я твою зассыху в надежные руки. Не пропадет!

— Где она?

— Тебе знать не обязательно.

— Врешь, поди, жучило! — сказала Ольга. — Скинул дите где-нибудь в канаву или в мусорный бак! — Она отложила карандаш, закурила.

— Что я, душегуб какой? — нахмурился Бутов.

— А кто ж ты? Душегуб! Ежели двух девок в подвале держишь!

— Давно ты у меня в зубы не получала! — Бутов поднял кулак.

Ольга замолчала.

— Скажи, Павел, где девочка? Адрес? Я ее потом найду, — сказала Татьяна, обняв Бутова сзади за плечи.

— Когда — потом? — строго поинтересовался Бутов. — Нечего тебе об этом думать!

— Вот именно! — опять заговорила Ольга. — Он нас в этой выгребной яме всю жизнь собирается держать... Но не получится! — Ольга погрозила пальцем. — Я тебе не княжна Тараканова, гад! Когда-нибудь ночью я тебя придушу!

— Ты у меня дождешься! Я тебе башку отверну!

— Вот! — обрадовалась Ольга. — А говоришь: не душегуб!

— Оля! — сказала Татьяна. — Не зли его...

— А скоро и злить будет некого... Бутов открыл рюкзак, вывалил на стол продукты. — Вот, это вам на неделю... А я в Калачев уезжаю — родню проведать.

— Может, и нас на каникулы домойпустишь? — съязвила Ольга.

Бутов показал ей кукиш.

— Свободу надо заработать!..

Милицейский «газик» вполз на улицу, где стояли частные дома. Покатился по грунтовой дороге, прыгая на ухабах.

— Поезжайте не спеша, — попросил Фуганок.

Рукавицын взглянул на водителя.

— Степа, убавь...

«Газик» сбавил скорость и поехал медленно, поднимая с дороги клубы пыли.

Миновали один дом, второй... Проехали мимо дома Бутова. Фуганок лишь чихнул и больше никак неотреагировал.

Доехали до конца улицы.

— Куда дальше? — спросил водитель. — Налево или направо?

Рукавицын по-собачьи преданно смотрел на артиста.

— Подождите... — сказал тот. — Развернемся и поедем по этой улице еще раз...

«Газик» развернулся и поехал в обратном направлении. В лучах солнца еще стояла дорожная пыль от первого проезда.

На этот раз Фуганок почувствовал некоторое беспокойство. Его даже бросило в озноб. Не доезжая дома Бутова, он попросил ехать еще медленнее. А уж когда поравнялись с домом, потребовал остановиться.

— Может быть, здесь...

Рукавицын вылез вслед за Фунганком из «газика». Прошли к дому. Поднялись на крыльцо. Следовательно, обнаружив кнопку звонка, позвонил несколько раз.

Хозяина дома не оказалось, и Рукавицыну пришлось довольствоваться разговором с его матерью, открывшей им дверь, сегодня она чувствовала себя лучше, чем обычно.

— Значит, вы живете вдвоем с сыном? — спросил следовательно, представившись и поинтересовавшись, кому принадлежит дом.

— С сыном, — подтвердила мать, безрадостно глядя на непрошенных гостей.

— А чем занимается ваш сын?

— Механик. В сельхозтехнике.

— Сколько лет ему?

— Тридцать.

— И по сию пору не женатый? А может, был, да развелся?

— Холост. Говорит, куда ж я тебя, хворую, брошу... А желающих с хворой матерью жить не нашлось. Так и не женился. А мне б внучка увидеть, — старуха смахнула набежавшую слезу.

Сообщение о том, что хозяин дома не женат, настроило следователя на подозрительный лад. Он прошелся по горнице, заглянул за занавеску, где стояла материнская кровать. Выглянул в окно, обозрел огород. Взгляд его привлек сарай, темневший в конце огорода.

Фуганок задержался у фотографии мужчины на стене. Некоторое время с вниманием разглядывал ее.

Рукавицын перехватил его выразительный взгляд. Подошел к нему.

— Это и есть сын? — спросил он у старухи.

— Да, — подтвердила та. И спросила испуганно, понимая, что милиция просто так по домам не ходит: — Случилось что?

— Да нет, бабушка, все нормально, — ушел от ответа Рукавицын. — Нам бы с твоим сыном переговорить... — И вдруг спросил: — А погреб в доме имеется?

— Есть погреб. — Старуха медленно доковыляла до кухни. Указала рукой на крышку погреба в деревянном полу.

— Можно заглянуть? — поинтересовался Рукавицын.

— Можно. Только вы уж сами управляйтесь — у меня сил нет...

Рукавицын поднял крышку погреба, спустился вниз.

— Там на стене выключатель! — сказала старуха.

Рукавицын включил свет, огляделся. Кроме банок с крупами и домашним консервированием, стоявших на полках, в погребе ничего не было. Никаких признаков того, что здесь могут обитать люди.

— Есть что-нибудь? — заглянул сверху Фуганок.

— Погреб как погреб, — отозвался Рукавицын. — Банки, соленья...

И полез наверх.

— А что в сарае? — спросил он у старухи.

— Пашкина мастерская — инструменты там, всякие поделки... Это уж вы с ним, когда вернется.

Уже на улице Фуганок сказал:

— Глупо, конечно... но этот парень на фотографии мне не по душе. Темная личность! Уж поверьте!

— Мне тоже этот малый не нравится, — раздумчиво заметил Рукавицын.

— Искать надо, — уверенно заявил Фуганок. — Сарай посмотреть... Я чувствую, человек этот как-то связан с пропавшей девушкой...

— Девушек-то двое...

— И вторая где-то рядом... Но то, что обе живы, уж будьте уверены!

— Если это окажется правдой, памятник вам надо поставить, — заявил Рукавицын. — На центральной площади! Вместо Ленина! Ей-богу! Родные девчонок два года слезами умываются...

Фуганок смущенно повел головой.

— Не надо памятников. Как говорит один знакомый клоун: лучше разопьем пол-литра!

В коридорах городского УВД Рукавицын столкнулся с Серегиним.

— Ты чего здесь? — спросил следователь.

— Да вот, пришел по делу... Надо по компьютеру личность одного человечка проверить.

— Из уголовных?

— Да нет, обычный мужик... Принес как-то младенца в роддом, сказал, что нашел на улице. Просил принять, как говорится, на баланс.

— Ну и что? — сказал Рукавицын. — Добрый поступок!

— Поступок-то, конечно, добрый... — согласился с ним Серегин. — Но недавно его опять видели с младенцем.

— Еще одного в роддом принес?

— Нет. Но в этот день нашли подкидыша в доме на Комсомольской.

— Интересный факт! Ты думаешь, это его работа?

— Думаю.

— Он что же, как блины их печет, младенцев?

— Не знаю... Но, видимо, кто-то рождает, а он избавляется...

Оба остановились на площадке у туалета, закурили.

— Он из пьющих? — спросил Рукавицын.

— Да нет, в алкашах не числится, — сказал Серегин. — Механик в «Сельхозтехнике». На работе характеризуется положительно... Не женатый. С матерью хворой живет.

— С матерью хворой? — Рукавицын оживился. — Как его фамилия?

— Бутов.

— Бутов?!

— Он самый. Павел Кузьмич.

— Бог ты мой! — воскликнул Рукавицын. — Так я же этим Бутовым тоже интересуюсь! Помнишь, у нас два года назад две девчонки пропали? Есть подозрение, что он к этому делу причастен!

Бутов, вернувшись из Калачева, первым делом спустился к своим пленницам в подвал.

Ольга пила чай. Татьяна листала старый журнал, который смотрела уже по десятому разу.

— Ну, как вы тут? — поинтересовался Бутов, усаживаясь на Татьянину кровать, положив рядом неизменный рюкзак.

— Я на волю хочу, — заявила Ольга.

— Зачем тебе воля? Курить? Пить? Жаться по углам с кем попало? Рисуй! — Бутов окинул взглядом стену, где висели приклеенные скотчем рисунки Ольги. — Вон как у тебя лихо получается. Я тут в Калачеве два твоих рисунка продал...

— Надо же! — удивилась Ольга. И порадовалась этому обстоятельству — пусть даже таким опосредованным образом она выглянула в свободный мир.

Бутов достал из рюкзака коробку с небольшим тортом.

— Вот, принес тебе гостинец за твои труды... — И философски заметил: — А была б ты на воле, хрен бы кто тебя заставил рисовать! Только б жопой и крутила! Вот и Танька здесь стишки сочинять стала... Я хоть и не очень в этом понимаю, но, по-моему, толково написано... С чувством!

— Спасибо, — кивнула головой Ольга. — Благодаритель ты наш!

— Жизнь в ограниченном пространстве мобилизует человека, — продолжал рассуждать Бутов. — Сколько прекрасных вещей написано в тюрьмах! Взять хотя бы «Дон Кихота»... Книгу я не читал, но кино смотрел. Известен вам такой?

— Известен, — ответила Ольга. — Только вот разница: писатель этот через решетку небо видел. На прогулку его выводили... А мы? — И вдруг бросилась перед Бутовым на колени. — Давай хоть ночью выйдем наверх, воздухом подышим! Ночью все спят, никто нас не увидит... А на меня наручники можешь надеть — для надежности.

Бутов, отпрянувший от нее поначалу и сжавший кулаки, покачал головой:

— На тебя положиться нельзя. Ты орать станешь...
В Таньке я уверен, а в тебе нет.

— Не буду я орать, честное слово!

— Я тебе не верю.

— Ну, рот пластырем заклей, — предложила Ольга.

— Брось! — махнул рукой Бутов.

Ольга вернулась на свою кровать, легла. Отвернулась к стене.

Бутов взял со стола стакан с недопитым ею чаем, отхлебнул из него.

— Если б не мать моя хвора, уехал бы я отсюда... — сказал он задумчиво. — Вот умрет она, не стану я здесь сидеть. Одна пьянь вокруг, никакого просвета! Поеду туда, где меня никто не знает... Посмотреть Россию хочу... Может, и вас возьму, выдр! Можно, к примеру, бродячую труппу организовать, петь под гармонь или сценки из сельской жизни представлять...

— Сначала хотел меня в акушерки определить, теперь в артистки, — отозвалась Ольга, не поворачивая головы. — Неспособная я для этого дела...

— Не бойся, найдем тебе занятие. Телом своим будешь торговать, — ухмыльнулся Бутов.

— Накося выкуси! — показала ему кукиш Ольга, вскинув над головой руку.

— Будешь, будешь... А нет, оставлю тебя в этом подвале. С Танькой уеду.

Татьяна, услышав это, придвинулась к Бутову, ластясь, точно ласковая собачонка.

Ольга все еще лежала лицом к стене.

— Не знаю, насколько хворающая твоя мать... Но хворые подолгу живут, нас, нехворых, переживают... — сказала она. — Мать твоя, может, еще сто лет проживет.

— И дай Бог! — ответил Бутов. — Ты моей матери смерти не желай.

— Господи! — вскочила Ольга. — Не могу я в этих стенах сидеть! Не могу!

Она сбегала в хозблок, принесла оттуда алюминиевую сковородку.

— На, прибей меня — долбани сковородкой по голове! Всё лучше, чем гнить здесь заживо! А потом закопашь на своем огороде... На другой год в этом месте картошку посадишь. Или огурцы! — Ольга сдвинула в сторону коробку с тортом, ткнула пальцем в банку с солеными огурцами, оставшуюся на столе после ужина. — Будете их с Танькой на пару консервировать. И любоваться ими. А я на тебя из каждой банки, из каждого огурца смотреть буду.

— Тьфу на тебя! — отмахнулся Бутов. — Отдай сковородку!

Отобрал у Ольги сковородку, сунул ее в рюкзак.

— Заберу ее — от греха подальше...

— А как же картошку, мясо жарить? — спросила Татьяна.

— Варить будете в кастрюле, раз не хотите по-хорошему... Или я вам пожарю.

Бутов поднялся и вышел. Пока он поднимался вверх по лестнице, девушки молчали.

— Побереги себя, Оля, — сказала Татьяна, когда Бутов ушел. — И его не заводи понапрасну... Все одно будет так, как есть — по другому не будет. Спой лучше. Я люблю, когда ты поешь... «В горнице моей светло».

— Не до песен мне... — Ольга потрянула головой. — Удивляюсь я на тебя, как ты все это терпишь? Молчишь... У тебя рабская психология! Куда поведут, туда и идешь. Нельзя так!

— Я люблю его, — призналась Татьяна.

— Кого? Эту сволочь?

— Он не сволочь...

— Боже, какая же ты дура! — всплеснула руками Ольга.

Татьяна не ответила. Долгую паузу, наступившую в разговоре, нарушил звук, похожий на мяуканье кошки.

Ольга подняла голову:

— Чего мяукаешь? Кобель ушел, а она мяукать стала!

— Это не я, — обиделась Татьяна.

— А кто же?

Мяуканье повторилось. Девушки переглянулись и, убедившись, что обе не имеют отношения к этим звукам, стали оглядывать помещение.

В дверную щель просунулась кошка — серая, с длинной свалывшейся шерстью, с грустной мордочкой.

— Здравστε! — сказала Ольга. — А ты откуда взялась? Неужто за Пашкой в подвал пролезла? Как этот дурак тебя не заметил? А еще хвастался, что разведчиком в армии был!

Татьяна взяла кошку на руки.

— Ох, какая лапочка! — Прижала кошку к груди, заглянула ей в глаза. — Голодная, наверно... Сейчас я тебя покормлю...

— Только не здесь, — поморщилась Ольга. — Держи ее от меня подальше...

— Не любишь животных?

— Кошек не люблю. Они воняют!

— Вот уж неправда! — И в знак несогласия с Ольгой поцеловала кошку в морду. — У, моя хорошая!

Завершив гастроль в Пирятине, цирковая труппа переезжала на новое место.

Рукавицын пришел на вокзал проводить Фуганка. До отхода поезда оставалось еще полчаса, но большинство артистов уже были на месте, готовились к ужину в дороге — нарезали помидоры, огурцы, колбасу, выставляли на стол бутылки. Все это Рукавицын видел, проходя по вагону в поисках купе Фуганка.

Соломон Михайлович был печален. Жанна, его супруга, наговорила ему перед выездом на вокзал немало резких слов, и Фуганок решал для себя извечную мужскую задачу: простить злую на язык жену или порвать с ней навсегда. Фуганок знал, что без женского внимания он не останется (недавно в труппе было пополнение, и одна из молодых гимнасток, Галя Юрина, строила ему глазки), но Жанна, кроме прочего, участвовала в его номере, и найти ей замену было непросто.

Увидев Рукавицына, Фуганок повеселел. А бутылка шведской водки «Абсолют» в руках следователя привела его в возбужденное состояние.

Рукавицын поставил бутылку на столик. Жанна, сидевшая напротив мужа, промолчала. И желая сгладить неприятную сцену накануне отъезда, засуетилась, достала из сумки еду и стала раскладывать ее на столике.

— Вот, решил вас проводить, — сказал Рукавицын, почувствовав напряжение, которое было между супругами.

— Как это мило с вашей стороны, Иван Федорович! — Фуганок потер руки и вынул из своего дорож-

ного чемоданчика два зеленоватых стаканчика из чешского стекла. — Как видите, у меня на этот счет все предусмотрено... Вот стаканчики. И цвет — обратите внимание — соответствует зеленому змию!

Он распечатал бутылку, наполнил стаканчики.

— Счастливого пути! — пожелал Рукавицын и чокнулся с Фуганком.

Мужчины выпили. Закусили солеными огурцами.

— Удалось что-либо выяснить по поводу пропавших девиц? — спросил Фуганок.

— Работаем, — сказал Рукавицын. — Ваша наводка дает плоды!

— Ты слышишь, Жанна! — воскликнул артист, подняв указательный палец вверх. — А ты не верила!

— Этот Бутов, в доме которого мы с вами были, оказался причастен к необычному делу. Некоторое время назад принес грудного младенца в роддом и заявил, что нашел его в сквере... Потом медсестра из этого роддома видела Бутова на улице с другим младенцем. И в тот день в подъезде одного из домов был найден подкидыш!

— Очень интересно! — проговорил возбужденно артист. — И что же он, этот Бутов? Вы говорили с ним?

— Пока нет. Не было, так сказать, оснований. Но с ним говорил сотрудник милиции, который оформлял прием первого младенца. Бутов отрицает, что ходил по улицам со вторым ребенком, говорит: медсестре помешалось и это был не он. Думаю, врет!

— И какая связь? — наморщил лоб Фуганок.

— Девушки — по вашему предположению — находятся у Бутова, и этот же Бутов засветился с двумя младенцами... Возможно это они ему рожают?

— Значит, он держит их взаперти? Но где?
— Может, в сарае...
— Из сарая нетрудно сбежать. Но им что-то мешает...
Одно могу сказать, если они там, то не по доброй воле...
Ах, как бы мне хотелось, чтобы вы, Иван Федорович,
размотали эту историю... Ну, давайте еще по одной?

В середине недели Рукавицын вызвал по повестке Бутова.

Увидев его, сидящего у дверей кабинета, Рукавицын сразу понял, кто это.

— Вот, я по повестке... — поднялся со скамейки Бутов.

Рукавицын открыл ключом дверь. Пропустил Бутова вперед. Предложил ему сесть.

Рукавицын почувствовал, что гость напряжен, но держится спокойно.

— Бутов? Павел Кузьмич?

— Он самый...

— Я — Рукавицын, Иван Федорович. Следователь...
Расследую дело об исчезновении двух девушек, пропавших два года назад. Слышали об этом?

Бутов пожал плечами.

— Так, кое-что...

— Ну, как же! В свое время весь город говорил об этом.

Бутов хмуро взглянул на следователя.

— Пропадают и другие, не только девушки... Это не вы приезжали ко мне в дом, погреб осматривали? Мать сказывала: двое были.

— Я, — признался Рукавицын.

— С какой целью?

— Я же сказал, что расследую дело об исчезновении девушек... — Рукавицыну не нравился напор Бутова.

— А я, выходит, подозреваемый? На каком основании?

— Послушай, Бутов, — заиграл желваками Рукавицын, переходя на «ты». — Здесь вопросы задаю я. Значит, есть основания... — и, овладев собою, снова перешел на «вы», — раз вас вызвали...

Бутов промолчал, но было видно, что он готов к сопротивлению. «Разговор будет непростым», — подумал Рукавицын.

— Двадцать седьмого апреля сего года вы принесли в роддом ребенка, — продолжал следователь.

— Ну. Принес.

— Чей это ребенок? И как к вам попал?

— Я уже рассказывал участковому Серегину, что и как.

— Придется повторить.

— На улице нашел. Иду на работу, а он лежит на скамейке и пищит. Жалко стало, вот и взял его. Ну и отнес в роддом, а куда еще нести?

— Старшая медсестра роддома, Андреева, принимавшая ребенка, видела вас десятого августа на улице: вы несли другого младенца... А этот откуда?

Бутов мрачно усмехнулся.

— Я уже объяснял тому же Серегину, что медсестра перепутала. Это был не я. Обман зрения! Я в этот день в Калачеве был. — Он вздохнул. — Вот сделаешь доброе дело, и тебя начнут мотать!

— Ну, пока вас еще никто не мотал... — сухо заметил Рукавицын, пристально взглядываясь в Бутова.

И вдруг резко, без подготовки спросил: — Где вы их держите?

— Кого? — растерялся Бутов. — Детей?

— Девушек.

— Ну вот! — зло зыркнул на него Бутов. — И еще слона из зоопарка! В одном питомнике.

— А чего ты нервничаешь, Бутов? Разберемся. Если за тобой никакой вины нет, отпустим.

— Разбирайтесь...

Рукавицын вынул из ящика стола фотографии Ольги и Татьяны, показал их Бутову.

— Знаешь их?

Бутов взглянул на снимки.

— Не знаю. Я предпочитаю баб постарше...

— Значит, ты этих девушек не знаешь и не видел... Или знаешь? Привел сначала одну, потом другую, подсыпал клофелина в выпивку, и все дела!

— Все так и было, гражданин следователь. А потом убил, расчленил и в огороде закопал! Ищите! — Бутов нагло усмехнулся. — Сказки не пробовали писать? У вас бы хорошо получилось. «Серый Волк и Красная Шапочка...»

Рукавицын вздохнул.

— Ладно, иди, Бутов. Получу ордер на обыск, приеду.

— Милости просим, — кивнул Бутов и направился к выходу.

И уже открывая дверь в коридор, услышал сзади:

— Спасибо, что младенцев не погубил — в живых оставил!..

Бутов побледнел и, не оборачиваясь, закрыл за собой дверь.

Добравшись до дому, Бутов поел с матерью. Старуха задавала ему какие-то вопросы, он что-то отвечал ей, не вникая в суть ее слов, а сам все поглядывал в окна — то в одно, то в другое: нет ли слежки?

Сполоснув после еды руки, он вышел из дома и направился к сараю. Шел неспешно по огороду, делая вид, что оглядывает по пути, как радивый хозяин, все, что выросло на грядках, а сам нет-нет, да и посматривал по сторонам: не следят ли за ним с соседских огородов?

Не обнаружив ничего подозрительно, зашел в сарай и закрылся изнутри на засов. Выглянул в узкое оконце: и на этот раз не заметил ничего подозрительного. Взял в руки топор, обуреваемый черными мыслями, повертел его в руках. И отложил в сторону.

После этого спустился в подвал.

Ольга, как обычно, рисовала и, надо сказать, была очень увлечена этим. Татьяна сидела напротив, позировала ей и — что больше всего завело Бутова — кормила с руки кошку, взявшуюся неизвестно откуда.

— А эта дрянь что здесь делает?! — вскричал он, указывая на кошку, его, наконец, прорвало после встречи со следователем. — Кто пустил?!

— Ты сам недоглядел, — невозмутимо ответила Ольга. — Пролезла, вероятно, за тобой.

— Отдай! — потребовал Бутов.

Татьяна прижала кошку к себе.

— Не отдам.

— Отдай, тебе говорят!

— Нет... — Татьяна проявила не свойственную ей строптивость.

— Ах ты, поганка, мне еще только зверинца здесь не хватало! — пришел в бешенство Бутов.

Он бросился к Татьяне, но та увернулась и упала на кровать, прикрывая кошку телом. Бутов стал избивать девушку кулаками. Ольга попыталась вступить за подругу, но, получив сильный удар ногой в живот, отлетела в сторону.

Бутов, наконец, добрался до кошки, вырвал ее из рук Татьяны, швырнул бедное животное о стену. Брызнула кровь, и бездыханная кошка упала на пол.

Татьяна задохнулась от ужаса и осела на кровать. Смотрела на Бутова с ненавистью. По щекам ее текли слезы.

А Бутов все никак не мог овладеть собой.

— Я с вашими младенцами под подозрение попал! Был у следователя на допросе! Ежели что, сожгу вас в этом подвале, так и знайте! Так что сидите тихо, когда придут сарай доглядывать... — Он повернулся к Татьяне, рыдавшей в своем углу. — Замолчи! Ты мне на нервы действуешь!

Но та продолжала скулить, глядя в пол.

Бутов махнул рукой.

— Мы так хорошо жили... — вздохнул он. — И на тебе: следователь!

Осень набирала силу. Листья на деревьях покраснели, пожелтели, кое-где покрылись бурым и оранжевым цветом, но еще держались на ветках, не истратив свой жизненный запас. В огородах и садах все выросло и вызрело, что должно было вырасти и вызреть, и народ потихоньку убирал дары щедрой земли, готовясь к зиме: рыл картошку, выкапывал морковь, снимал с грядок последние огурцы и кабачки.

Люди, трудившиеся на огородах, корзины с овощами, костерки, где горела сухая картофельная ботва, —

все это мелькало перед взором Рукавицына, ехавшего в «газике» в компании подчиненных и двух понятых к дому Бутова на обыск.

Бутов ждал со дня на день визита следователя, и появление во дворе милиционеров не застало его врасплох.

— Вот ордер, — сказал Рукавицын, протягивая к его лицу бумагу.

Бутов не стал в нее смотреть, понимая, что там все как надо.

— Веди в сарай, — велел Рукавицын. — Дом мы потом осмотрим.

Пока милиционеры осматривали сарай, Бутов чего-то мастерил у себя на рабочем столе, слушая портативный радиоприемник. Он почти не волновался, будучи уверенным, что милиционеры не найдут проход в подвал, который был надежно скрыт.

Так оно и получилось. Рукавицын залез в один угол, в другой, пролез за бочки, все там оглядел и, не найдя никаких потайных проходов, спросил у хозяина:

— Подпол в сарае имеется?

— Зачем? — поинтересовался Бутов. — Мне и в доме подпола хватает... Здесь, видишь, только бочки с солениями.

Рукавицын закурил. Он не верил Бутову, но, увы, никаких признаков присутствия в сарае девушек не было. Не оказалось и потайного отверстия в полу, свидетельствующего о наличии подвала.

Вся милицейская бригада и понятые вышли наружу. Бутов, довольный результатами поиска, последовал за ними.

Рукавицын оглядел сарай со стороны, оценил кирпичный фундамент.

— Надо бы сюда экскаватор пригнать, — сказал он, — и прокопать землю возле сарая... Посмотрим, что там за фундамент.

— Ну, вот еще! — возмутился Бутов. — Уродовать свое хозяйство не позволю! Изуродуете пол-огорода, а кто его в порядок будет приводить? Пушкин? Не дам!

— Дашь! — с мрачной усмешкой заметил следователь. — А пока веди в дом...

Когда милицейская бригада уехала, Бутов, выждав некоторое время, спустился в подвал.

Ольга все рисовала и рисовала, точно заведенная. Вокруг ворохом лежали листы с ее рисунками. Они были на столе, на постели, на полу.

Татьяна сидела в прострации, безучастная ко всему. Обычно при появлении Бутова она, в отличие от Ольги, оживлялась, тянулась к нему — и это, надо сказать, льстило его самолюбию: Бутову верилось, что, несмотря на свое положение узницы, Татьяна привязалась к нему и взаправду считает его своим мужем. Теперь же она никак не отреагировала на его приход.

— Ну, как вы тут? — спросил Бутов, коснувшись плеча девушки и желая тем самым привлечь ее внимание.

— Мурка умерла... — прошептала Татьяна, глядя в пространство.

— Эка беда, — пробурчал Бутов, — это всего лишь приبلудная кошка... Не надо нам Мурок нынче. Сама подумай: будут вас искать, как сегодня, а она замычит в полный голос!

Татьяна смотрела в пространство и не слышала его. Бутов щелкнул пальцами перед ее лицом — никакой реакции.

— А ты, — обратился он к Ольге, — всё при деле? Работай. Тебе на пользу! Потом еще спасибо скажешь, что открыл в тебе талант...

Ольга взглянула на него, отложила рисунок.

— Есть хочу, — сказала она.

— Поешь, кто мешает...

Ольга встала, ушла в хозблок.

Бутов вновь посмотрел на Татьяну. Та сидела в прежней позе.

— Так и будешь дурку валять? — спросил он.

— Мурка умерла... — прошептала Татьяна.

Бутов потемнел лицом и отвесил ей оплеуху. Татьяна отлетела к спинке кровати, в уголке ее губ появилась струйка крови.

— Не прикидывайся идиоткой! — сказал Бутов. — Все равно не поверю! О ребенке так не жалела, как о кошке...

— Мурка умерла... — прошептала Татьяна.

Бутов замахнулся на нее, хотел вновь ударить, но передумал.

Ушел в хозблок к Ольге.

Ольга стояла у стола и ела. Отрезала по кружку от батона колбасы и клала в рот. Колбасу заедала вареной картофелиной, которую достала из кастрюли.

Бутов подошел к ней сзади.

— Танька и вправду, что ли, умом тронулась? — спросил он.

Ольга, не оборачиваясь, пожала плечами.

— Кто ее знает... Молчит вторые сутки. Только про Мурку свою бормочет.

— Черт! Как это все не вовремя! — озадачился Бутов.

— Ты ее так же, как и меня, обманом сюда заманил? А потом — клофелину подсыпал? — спросила Ольга.

— Какая разница! Она сама хотела поближе познакомиться... Ты же видишь, она не из тех, из-за кого парни дерутся... Будто вы с ней не говорили на эту тему.

Бутов разглядывал Ольгин затылок, волосы, собранные в пучок, перевел взгляд на тонкую шею. Почувствовал возбуждение. Одной рукой взял девушку за грудь, другую положил на ягодицу, потянул вверх юбку.

Ольга, дожевывая колбасу, с удивлением повернулась к нему.

— Ты чего это?

Бутов не ответил.

— Ты, Пашка, теперь о следователе должен думать, а не о любви... Загребут теперь тебя и посадят. И будешь ты чирикать в зоне!

— Не загребут, — озлился Бутов. — Оснований нет...

И вновь принялся за прерванное занятие, положив руки на Ольгины бедра.

— Загребут... Как фамилия следователя?

— Рукавицын, — ответил Бутов.

Ольге не был знаком следователь, но она сделала вид, что хорошо знает его.

— Этот непременно загребет! — сказала она. — До тошный — жуть! Может и почки отбить за твои дела!

— Давно я тебя не учил! — заметил Бутов, сжимая кулак.

— Ты же вроде трахаться хотел?

— Расхотел...

— Теперь уж недолго тебе осталось нас мучить!

— А с чего ты решила, что, если я в зону пойду, вы на волю выйдете? — спросил Бутов. И многозначи-

тельно добавил: — У меня по поводу вас особый план есть!..

Так препираясь между собой, Бутов и Ольга не сразу почувствовала запах дыма. Потом, наконец, сообразили, что где-то что-то горит.

Тут же оба бросились в помещение, где находилась Татьяна. Горело там. Татьяна собрала старые газеты, журналы, все бумажное, что имелось в комнате (не тронула только рисунки Ольги), и подожгла все это, воспользовавшись зажигалкой подружки, желая, видимо, себя сжечь. На столе полыхало вовсю. Огонь лизал одеяло на кровати.

— Тащи воду! — крикнул Бутов Ольге.

И первый рванулся в хозблок. Схватил одно из двух ведер с водой, плеснул на огонь. Затем быстро вскарабкался по лестнице и открыл настежь крышку люка, чтобы вытянуло дым и чтобы девушки, и он вместе с ними, не задохнулись от продуктов горения.

Потом он спустился обратно и, схватив старую телогрейку, стал сбивать огонь с горевших предметов, помогая в этом занятии Ольге. Пока они боролись с огнем, Татьяна, оказавшаяся без надзора, вышла в коридор, выбралась по лестнице из подвала. Выскочила на огород.

Свет заходящего солнца брызнул ей в лицо, ослепив ее. Но она, став на несколько секунд незрячей, все же двинулась по огороду, спотыкаясь, как ей казалось, к выходу, наступая на грядки и втоптывая в землю не убранную картофельную ботву.

Когда ее глаза привыкли к свету и пьянящий осенний воздух добавил ей сил, она выбралась за калитку на улицу и побежала, что было духу, вперед, стараясь быстрее покинуть это опасное место.

Она пробежала одну улицу, другую и, задыхаясь от бега, уже перешла на шаг, но тут обернулась и увидела у себя за спиной, в конце улицы, бегущего за нею Бутова.

Татьяна сорвалась с места, взбежала на пригорок и понеслась вдоль железнодорожного полотна. Бутов помчался за нею. Сил у него было больше, и расстояние между ними сокращалось.

Где-то сзади послышался шум поезда, и приближающийся к переезду товарняк дал о себе знать длинным пронзительным гудком. Гулко стучали колеса, вдавливая хлипкие шпалы и сотрясая землю.

Татьяна неслась к переезду, намереваясь проскочить его до поезда и таким образом успеть скрыться от преследователя.

— Танька, стой! Не глупи! — крикнул ей Бутов.

Какой-то случайный мужик, ехавший в стороне на велосипеде, с удивлением наблюдал эту картину.

Татьяна не слышала крика Бутова, — он потонул в грохоте приближающегося поезда — но знала: он там, сзади, и, если она не успеет проскочить переезд, ей конец.

Мимо нее пулей пролетели колодец, три чахлах березки, за которыми темнела будка обходчика, потом пронеслась сама будка, шлагбаум с опущенной перекладиной... Обогнув шлагбаум, Татьяна выскочила на пути, и, когда была уже близка к цели и перескакивала вторую полосу рельс, была настигнута тепловозом. Получив удар невиданной силы, тело девушки взлетело вверх, словно тряпичная кукла, и, перевернувшись в воздухе несколько раз, упало на землю откоса недвижимым окровавленным куском...

Прошло два года.

— Хватить пить! — сказала Вера Кирилловна дочери, когда Ольга, шатаясь, проводила гостей, закрыла за ними дверь и вернулась в комнату.

Ольга присела к столу, походившему на поле битвы после нелегкого сражения, где ни та, ни другая сторона не добились успеха, хотя потрудились для этого немало.

Вера Кирилловна стала убирать со стола грязную посуду.

— Возьмись за ум, Оля, — сказала она устало. — Нельзя же так... Работу бросила, учиться не хочешь. Хоть бы рисовала, как раньше, и то нет... Бери пример с младшей сестры — в столице девочка учится, а ты чем хуже?

Ольга закурила. Пепел от сигареты сбила в тарелку с остатками колбасы.

— Отстань, мать! И без тебя тошно.

Вера Кирилловна забрала у нее тарелку, поставила перед ней пепельницу.

Ольга за то время, что прошло со дня смерти Татьяны, подурнела. Весь вид ее свидетельствовал о том, что если она и не опустилась окончательно, то шла по этой дорожке довольно уверенно.

— Чего тебе тошно? — Вера Кирилловна ставила на поднос стаканы с остатками пива. — Молодая, ладная, ребенок растет. Жива, слава Богу! Сколько я в безвестности промучилась, где ты, что ты? К счастью, обошлось!.. Взяла б книжку, почитала вместо пьяных посиделок.

Ольга, не слушая ее, набросила на себя куртку, проверила в кармане наличие денег. Направилась к выходу.

- Ты куда? — обеспокоилась Вера Кирилловна.
— Отстань!
— Не отстану... Уйдешь в таком виде, и опять в какую-нибудь историю влипнешь. На два года!
— Не влипну, — отмахнулась Ольга.
— Где тебя искать в случае чего? — сдалась Вера Кирилловна.
— В «Бригантине» — туда сейчас ребята подгребут...

Мартовский воздух бодрил, а не мучил, как зимние холода. Работа на лесной делянке, где трудились заключенные под присмотром охраны, шла споро.

Кроме того, если все же холод доставал, у костра можно было погреться и перекурить, цепляясь глазом за ярко горящие поленья и согреваясь у огня не только телом, но и душой, которая всегда находила что-то нужное для себя в языках пламени, пляшущих по собственной воле, а не чьему-то разумению.

Бутов в задумчивости погрел ладони у костра, надел варежки. Пошел по рыхлому снегу в сторону от наезженной дороги, по которой вывозили спиленные стволы и по которой заключенные возвращались в зону.

Конвойный из новеньких, широкоскулый, веснушчатый, с щербатым ртом, недавно прибывший в зону, озабоченно встрепенулся, взялся за оружие.

- Куда это он?
— Не бойся, не сбежит... — ответил ему бывалый напарник. — К своей сосне пошел.
— Куда?
— К сосне...
— Помочиться, что ли? — не понял новенький.

— Сосна эта вроде поминального столба. Девку свою покойную он там вспоминает.

— Больной, что ли?

— Да как тебе объяснить... В общем, надо ему. Побить наедине. А там как хочешь, так и понимай.

Новенького такое объяснение не удовлетворило. Конвоир взял оружие и не спеша пошел по следам Бутова. Бывалый напарник с усмешкой посмотрел ему вслед.

Бутов в позе молящегося стоял на коленях перед молодой сосной. На дереве на уровне человеческого роста была прибита светлая дощечка, а на ней черной краской было написано одно слово — «Танька».

Мартовское солнце уже двигалось к земле. Синеватые тени стелились по снегу. Где-то кричала какая-то птица. На самом верху ветер раскачивал кроны деревьев.

Окинув взглядом окружающий лес, розоватые стволы, Бутов вновь устремил глаза к имени на сосне. Угрюмо вздохнул. Заплакал. Горько, по-детски. Страдая.

Конвоир увидел его трясущиеся плечи и не пошел дальше, остановился.

Такое же мартовское солнце светило в Пирятине. Заглядывало в окна кафе на одной из площадей.

Ольга в компании с девицами и парнями сидела за столиком, на котором громоздились винные и пивные бутылки. Все были изрядно навеселе. Курили, громко разговаривали, не стесняясь других посетителей, обсуждали свои дела.

Один из парней в камуфляжной куртке, наклонившись к Ольге, в чем-то пьяно убеждал ее, но та не слушала его. Ей все было не в радость. Она допила свое

вино в стакане, отодвинув предварительно парня рукой на расстояние, чтобы не мешал ей. Тот послушно ждал, когда она допьет, и, когда Ольга отставила стакан, вновь потянулся к ее уху с какими-то завлекательными речами. «Отстань!» — отмахнулась Ольга. «Ну ты, королева, твою мать!» — оскорбился парень, грубо цепляя ее рукой. Ольга вперила в него мутный взгляд: «Пошел вон!» И освободившись от его руки, встала. Нетвердой походкой вышла из-за стола, свалив по дороге со звоном часть посуды на пол. «Олька, ты куда? — кликнули ее подружки. — Не ломай компанию!..»

Ольга добралась до выхода и вышла на улицу.

Глотнув после духоты кафе свежего воздуха, почувствовала себя лучше, но не стала трезвее. Некоторое время тупо стояла на автобусной остановке, глядя по сторонам. Потом, осененная какой-то идеей, пошла по улице. Шла и шла вперед, покачиваясь из стороны в сторону, не видя осуждающих взглядов прохожих.

После получасовой ходьбы оказалась на улице, где находился дом Бутова. Дошла до него. Выглядел дом уныло — пустой, с заколоченными ставнями, похожий на покойника. (Бутовская мать здесь теперь не жила, коротала свой век в райцентре у дочери.)

Ольга открыла калитку, просунув руку в щель и отодвинув щеколду. Вошла. Огляделась.

Ветер шевелил полутораметровый бурьян на огороде, оставшийся с прошлой осени и свидетельствовавший о запустении. В конце огорода темнел злополучный сарай.

Ольга пошла к нему, проваливаясь по колено в снег.

Дверь в сарай была приоткрыта. Внутри были беспорядок и запустение. Инструменты украли, бочки

с соленьями опустошили... Потайная стенка, за которой был люк, ведущий в подвал, была выломана, крышка люка сорвана.

Ольга некоторое время стояла у люка, смотрела вниз. Потом спустилась по лестнице в подвал. Нашла на стене выключатель, щелкнула кнопкой. Свет загорелся — видимо, те, кто грабили сарай, не сообразили вывернуть лампочку из патрона.

В комнате, где Ольга с Татьяной провели долгое время, тоже поработали грабители. Всё унесли. Остались только железные кровати с панцирными сетками и стол.

Ольга присела к столу. Закурила сигарету. Обнаружила на полу свой помятый рисунок, подняла его. Разгладила бумагу, положила на стол. Некоторое время, кривясь пьяной улыбкой, разглядывала рисунок.

Потом легла на свою бывшую кровать, положив под голову меховую шапку. Долго лежала неподвижно, глядя в потолок.

Потом завывала в полную силу — то ли пробовала голос, то ли старалась таким образом унять накатившую боль. Выла и выла, не сдерживая себя.

На огороде ветер трепал бурьян. Садилось холодное мартовское солнце. И редким прохожим, оказавшимся в этот час поблизости, казалось, что это воет обиженная своим хозяином собака.

**АРТИСТ
И МАСТЕР
ИЗОБРАЖЕНИЯ**

Было лето, вечер. Пивной бар, расположенный на бойком месте, заканчивал работу. За окнами шумел город, катили машины, шли озабоченные и праздные прохожие, двигаясь по намеченным маршрутам в поисках деловой удачи, развлечений, маленьких радостей, что составляет простое человеческое счастье.

В разных углах бара сидели люди, но их уже было немного. Да и те, утолив жажду пивом, не рассиживались долго, а торопились домой, к семье, к детям, в привычную домашнюю обстановку.

Уже в зал вышла уборщица и протирала полы щеткой с мокрой тряпкой, задевая ноги последних посетителей, давая понять им таким образом, что пора закругляться. Официантка в пестрой блузке ходила между столов, убирая со столешниц рыбный мусор и пустые пакеты из-под чипсов.

И вот в баре остались только двое, сидевшие в разных углах зала спиной друг к другу.

Владелец бара, тучный мужик, с одутловатым лицом и шрамом на подбородке, подошел сначала к одному, затем к другому, с одной и той же фразой:

— Мы закрываемся, тебе пора домой...

Оба посетителя, не споря, допили то, что оставалось в кружках, и направились к выходу.

И, можно сказать, столкнулись у дверей, потому что каждый был погружен в свои невеселые мысли и не видел другого. Первый взглянул на второго, узнал его. Узнал и второй первого.

— Здорово!

— Привет!

Вышли на улицу.

— Пил пиво? — спросил «первый».

— Пил... — кивнул «второй».

— Я тоже... Давно ты здесь?

— Часов с пяти...

— Эх, жаль, не увидел тебя раньше... Посидели бы вместе.

Они стояли на улице, оглядывая друг друга, и не спешили расходиться. Чувствовалось, что обоим одиноко.

— Что с работой? — спросил «первый», коренастый, среднего роста, с приятными чертами лица и умными глазами.

— Работы нет... — ответил «второй». — Болтаюсь, как сучок в проруби!

— Вот-вот, я тоже... Что дома? Как жена?

— Нина? Ушла... Точнее — нашла другого. Он теперь у нас живет. Филимонов его фамилия.

— Это тот, который...

— Нет, ты его не знаешь... Расскажи, как сам?

— Тоже с благоверной нелады... — признался «первый». — Достала — во как! — Он провел пальцем по

горлу. — Все денег требует... А где их взять? Работы нет, и перспективы туманные... Обещали кое-что к зиме... В общем, перебиваюсь по мелочам. А профессию менять поздно. И потом, с какой стати я должен ее менять? Я — кинооператор, и мне мое дело нравится. А она мне: какой ты, к черту, кинооператор? Кинооператор без дела — все равно что банщик без мыла!

«Второй», он был постарше, повыше ростом, худощав, имел простодушный вид склонного к опрометчивым поступкам легкомысленного человека.

— Да, — подтвердил он. — Тухло без работы... Театр наш закрыт до осени. Все в отпуске. Раньше летом халтура в кино спасала, а теперь и этого нет...

— Ты же хороший артист, на таких всегда спрос! — сказал «первый», желая подбодрить товарища.

— Да, я артист хороший, — безоговорочно согласился «второй», — а спросу нет... Хоть бы в рекламе помелькать! Не зовут. Стар уже, наверное... Им, в рекламу, молодых, лощеных подавай.

— Слушай, а чего мы здесь стоим? — спросил «первый». — Пошли, посидим где-нибудь... Рванем чего-нибудь покрепче пива.

«Второй» ответил печальной улыбкой.

— Чтобы где-либо посидеть — бабки нужны, а у меня их нет...

И он вывернул оба брючных кармана. Из одного выпали на землю талоны на троллейбус, из другого — ключи от дома.

— Ладно, — решил «первый», — у меня имеется кое-какая заначка. Купим бутылку и пойдем ко мне... Авось не выгонят!

«Второй» не возражал, выпить, конечно, хотелось, чего уж тут лицемерить.

Некоторое время спустя приятели стояли на лестничной площадке и звонили в дверь квартиры, где жил «первый».

Дверь открыла жена «первого», Тася. Увидела мужа с жалким букетиком цветов («оборвал где-то клумбу!» — подумала она) и его спутника с бутылкой водки в руках, изменилась в лице.

— Тася! — начал было «первый» и протянул жене букетик.

Но Тася оттолкнула цветы.

— Мало мне одного алкаша в доме, так он еще второго привел!

— Тася! — воскликнул «первый», желая приобщить жену к радости встречи. — Это Вася... известный артист!.. Пока мы пили только пиво... И потом, это несправедливо с твоей стороны! Я уже забыл, когда выпивал...

— Зато я помню! — сказала Тася и захлопнула дверь.

«Первый» был огорчен таким исходом дела и что обещанный приятелю ужин в семейной обстановке не состоится.

— Поджечь ее, что ли? — сказал он тоскливо. И махнул рукой. — Ладно, бог с ней! — И предложил: — Давай выпьем здесь... Бутылка с нами, закуска тоже... — Он вынул из кармана шоколадный батончик «Сникерс».

«Второй» огляделся по сторонам, потянул носом, поморщился.

— У вас здесь кошками воняет... — И добавил: — Не солидно! Мы с тобой кто? Вот именно! Художники! Народное достояние! И пить нам на вонючей лестнице не пристало!

— Что же делать? Пойдем во двор?

— Поедем к моей знакомой. Тут недалеко. Она, правда, не любит, когда приезжают без предупреждения. Но тут, можно сказать, исключительный случай. Встреча боевых друзей!..

Знакомая «второго» жила в большом многоэтажном доме послевоенной постройки.

Приятель вошел в подъезд. Поднялись в лифте на нужный этаж. Позвонили в дверь.

Им открыли не сразу. А когда дверь отворилась, «первый» увидел молодую женщину лет тридцати, привлекательную, стройную, одетую в джинсы. Поверх ее голого торса была наброшена мужская рубашка, которая была ей велика и под которой угадывалась красивой формы грудь.

— Башлыков?! — воскликнула она. — Здравсьте-приехали! Это что такое?

— Мы к тебе, — как ни в чем не бывало, сообщил «второй».

— Зачем?!

— Посидеть... Давно не виделись. А это мой приятель — Савельев. Кинооператор. Мастер своего дела!

— Увы, безработный... — признался Савельев. И сделал это намеренно, рассчитывая на жалость, — безработного как-то неловко за дверь выставлять.

— Очень приятно! — с милой улыбкой кивнула ему женщина и набросилась на Башлыкова: — Сколько раз я тебе говорила, дурень несчастный, прежде чем прийти — звони! Мне твои импровизации надоели!

— Тань, брось, какие импровизации? Это исключительный случай! Встреча товарищей по борьбе!

— Я тебя скоро вычеркну из своих друзей!

— Ты что, нас непустишь? — изобразил обиду Башлыков. — А что обо мне подумает мой друг? Что он о нас подумает?!

— Я не знаю, что он подумает о нас... — Таня неожиданно перешла на шепот, — но пустить вас я не могу... У меня — человек в гостях. И, в отличие от тебя, не нищий! Он уже лежит в постели...

— Ясно... — Лицо Башлыкова омрачилось. — А если мы на кухне посидим? — неожиданно предложил он. — Мы — тихо, он даже не заметит... Дай нам только стаканчики.

— Васька, ты что, сдурел? — возмутилась Таня. — Мы — в спальне, а вы, значит, на кухне... Что обо мне подумает мой мужчина? И потом, вы тихо не умеете. Выпьете пару рюмок и начнете ругать всех подряд: главного режиссера, артистов, тех, что удачливее вас, новых русских, которые икру ложками жрут... Кричать станете! Нет, не пуцу. Кроме того, я стесняюсь. — Она кротко взглянула на Савельева. — Можете вы это понять?

— Танюша, мы тихо, — почувствовав слабинку хозяйки, добавил Савельев и взглянул на нее с улыбкой обольстителя.

Таня посмотрела в свою очередь на Савельева. Савельев, надо сказать, был мужчина ничего — видный. Но ответить не успела.

В это мгновение, сбжав вниз по лестнице, мимо них промчался какой-то всклокоченный тип. Савельев успел только заметить, что у того в руке пистолет. Сверху — вдогонку бегущему — прозвучало несколько выстрелов. Две пули со свистом ударились в штукатурку

ку, одна царапнула стену в непосредственной близости от Савельева.

С перекошенными от испуга лицами, спасаясь от пуль, приятели втолкнули Таню в квартиру и ринулись за ней. И только когда захлопнулась дверь, перевели дух.

Минуту, другую все трое стояли не шевелясь, учащенно дыша, прислушивались к звукам на лестнице, где продолжалась стрельба. Затем все неожиданно стихло.

Из глубины квартиры донесся приятный мужской баритон.

— Что происходит, дорогая?

И в прихожую вышел высокий, холеный, голый по пояс человек, в модных цветных трусах, с бокалом в руке. Увидев незнакомых людей, он поморщился.

— Детка моя, ты же знаешь, я не люблю визитеров!

— На лестнице стреляют, — объяснила ситуацию Таня, — пришлось приютить людей... Они сейчас уйдут. Верно?

— Конечно, конечно, мы сейчас уйдем, — подтвердил Башлыков, — переждем артобстрел и — мигом!

— Может, пока стаканчики, хозяйюшка, дашь? — вдруг нахально попросил Савельев. — Напиток у нас имеется... — И объяснил мужчине: — Чтоб страх унять... Чудом пуля в башку не попала!

Таня взглянула на «холеного», ожидая его решения.

— Дай им стаканы... — милостиво разрешил тот. И спросил, обращаясь к приятелям: — Пятнадцати минут вам хватит?

— Вполне! — кивнули оба.

Таня привела гостей в кухню. Посадила за стол, поставила стаканы.

Савельев извлек из кармана бутылку водки, поставил на стол. Башлыков положил рядом «Сникерс» — на закуску.

— Присядьте с нами, хоть на минутку... — попросил Савельев.

Таня присела. Но была беспокойна, все ее мысли находились в спальне, где ее ждал строгий мужчина в трусах.

И тот, словно почувствовав ее нервное состояние, пришел на кухню, запахивая халат на ходу и завязывая пояс на животе.

— Кто такие? — спросил он с важным видом у непрошенных гостей.

— Я? Артист! — привстал со стула Башлыков. — А вот Коля — оператор... Мастер изображения! Талант! На «Мосфильме» числится...

— Так вы, стало быть... художественная интеллигенция? — холеный друг Тани с интересом оглядел приятелей. И даже как-то подобрел. — Дай им чего-нибудь закусить... — сказал он хозяйке. — А то водку со «Сникерсом» только вьетнамцы пьют!

Таня послушно достала из холодильника ветчину, нарезала ее, положила на тарелку. Сюда же добавила несколько кусков красной соленой рыбы. Придвинула тарелку гостям.

— Ну, что нового в нашем кино? — спросил «холеный», когда приятели выпили по первой. И сделал знак рукой, требуя у Тани рюмку для себя. — Полный мрак?

— Да, в общем-то, темно, конечно... — согласился Башлыков. — Картин снимается мало... Работы нет... И в театре не намного лучше.

— А на что живете?

Прятели пожали плечами.

«Холеный» достал из холодильника бутылку водки «Абсолют», налил себе.

Савельев завистливо покосился на бутылку «Абсолюта». Взял свою бутылку, налил себе и Башлыкову по второй.

На лестнице снова загремели выстрелы. Причем на этот раз стреляли много и энергично. Словно группа захвата пыталась освободить заложников. Потом все снова стихло.

— Вот, ё... прямо Чикаго! — вздохнул Савельев, опасливо глядя в сторону выхода.

Лицо «холеного» осталось невозмутимым.

— Дожили! — воскликнул Башлыков, соглашаясь с приятелем. — Человеческая жизнь ни черта не стоит!

— «Человеков» как таковых — мало, — спокойно заявил «холеный», — вокруг в основном — «жители»! Вот их и отстреливают.

— Ну как же... А вот генерала на прошлой неделе убили? Или, как там его, директора банка? — сказал Савельев.

Таня молчала, предпочитая не вмешиваться в разговор мужчин.

— Это тоже «жители»! — гнул свое «холеный». — Очистка леса! Кого надо — бог бережет!

— Не скажите, — вмешался Башлыков. — У меня вот сосед по лестнице... Умнейший человек, ученый, известный в своей среде химик! Всю жизнь ему везло: и женился удачно, и книг много написал, и тачку шикарную имеет... И то — в прошлом месяце под пулю попал... На улице, случайно, за хлебом в магазин спустился... а может, за водкой? — Башлыков задумался,

потом махнул рукой. — В общем, не имеет значения, за чем шел... Главное — под пулю угодил!

«Холеный» взял сигарету, закурил.

— Значит, исчерпал свой жизненный ресурс! — констатировал он, выпуская струю дыма. — Ни книг больше бы не написал, ни формул, ни женился б по второму разу, если б вдруг захотел свой род еще одним наследником продолжить... На кой ляд он в таком случае нужен небесной канцелярии? Вот и угодил под пулю.

— А вы, стало быть, фаталист? — взгляделся в него Савельев.

Друг Тани усмехнулся.

— У меня просто деньги имеются. И жизнь я принимаю такой, какая она есть...

— Ну-ну... — нахмурился Савельев.

От выпитой водки он захмелел, стал смелее и готов был поспорить с другом Тани насчет его теории. Наличие больших бабок — не индульгенция, дающая право на жизнь, хотелось сказать ему. Он, Савельев тоже имеет право нюхать цветы и смотреть на бабочек, хотя и без гроша в кармане.

— А вот у вас, любезный, денег нет, — продолжал друг Тани. — И работы нет... А без денег вы — ноль!

— А может, нам деньги не нужны? — в голосе Савельева прозвучало раздражение.

— Ну, понятно, — усмехнулся друг Тани и съязвил: — Польские офицеры отдаются бесплатно!

— Не знаю, как ему, — засуетился Башлыков, указав на приятеля, — а мне деньги нужны... И очень! Я должен себя подпитывать, как растение, чтобы дотянуть до лучших времен, когда мой талант будет востребован в полной мере!

Друг Тани поднялся.

— Вам пора, господа артисты... — И прислушался. — По-моему, стрельба закончилась.

Прятели встали.

— Может быть, я смогу вам чем-нибудь помочь, — неожиданно завершил разговор «холеный». — Позвоните завтра Тане.

И важно удалился в спальню.

— Бла-ародно! — оживился Башлыков. — Он хочет нам помочь!

— Пусть себе помогает, его высокоблагородие! — нахмурился Савельев. — А мне без надобности.

— Ладно, перестаньте ломаться! — сказала Таня с улыбкой. — Он действительно может помочь. Деньги на этот предмет у него имеются.

Башлыков и Савельев двинулись к выходу.

— Я бы вас приютила, но... сами понимаете... — сказала она уже в дверях.

Они вышли на плохо освещенную улицу. Двинулись по тротуару нетвердой походкой. Затянули песню:

— «Дельфин русалку полюбил, полюбил!.. Она ему — не пара, не пара!..»

И тут прямо на них, сшибая всё на своем пути, выскочили трое парней в спортивных куртках. Башлыков и Савельев едва отскочили в сторону, иначе бегущие снесли бы их, как сносит всё на пути стадо бизонов. Из темноты по бегущим кто-то стрелял. Вспышки выстрелов разрывали темноту.

— Вот ё!.. — взвизгнул Башлыков.

Прятели нырнули в подворотню и затаились там.

— И вправду Чикаго! — прошептал Савельев.

Мимо них промчались еще трое, одетые в камуфляжные куртки. У каждого в руке был пистолет. Они стреляли на бегу. Куда уж там они палили в темноте — одному богу известно!

Когда выстрелы и топот ног смолкли, Савельев и Башлыков вылезли из своего укрытия. Но не успели они сделать и несколько шагов, как вновь темноту разорвали вспышки выстрелов.

Картина на этот раз резко поменялась: теперь трое в спортивных куртках преследовали парней, одетых в камуфляж, и так же, без разбору палили им в спину.

Приятель с резвостью олимпийских бегунов на стометровку помчался через дворы — от греха подальше.

Проснулись горемыки ранним утром, одновременно, и Савельев обнаружил, что он лежит на балконе, устроившись на одной раскладушке с Башлыковым, в окружении множества банок с домашним консервированием.

Впоследствии выяснилось, что дверь с балкона ведет в однокомнатную квартиру Башлыкова.

Было свежо, светило солнце, светило прямо в лицо, отчего, видимо, оба и проснулись.

Этажом ниже лаяла собака и работало радио, выплескивая в пространство веселую музыку.

Приятель встал и, стараясь не шуметь, гуськом, словно совершая переход по альпинистской тропе, прошли через комнату, где на большой раздвижной кровати спали жена Башлыкова, Нина, и ее новый муж, Филимонов. Нина проснулась, проводила бывшего мужа и его гостя недовольным взглядом.

Те же поспешили в ванную комнату. Включили воду и стали умываться: один — над раковиной, другой тут же — над ванной.

Потом оба сидели на кухне, умытые, причесанные, хмурые — хотелось похмелиться, но похмелиться было нечем. Да и денег не было, чтобы сбежать в магазин.

Башлыков заварил чай. Чай пили молча, мрачно поглядывая друг на друга.

В дверях появилась Нина, одетая в легкий халат. Поправила волосы на голове, присела к столу. Налила себе чаю.

— Жениться тебе надо! — сказала она. Искося взглянула на Савельева и добавила: — А то так недолго и голубым стать... Да и порядку будет больше!

— Вот только не надо насчет голубых! — поморщился Савельев. — Я зеленый! Гринпис!

— Ты что обижаешь моего друга? И меня заодно! — возмутился Башлыков. — Он — оператор. И очень хороший человек... Между прочим, это он снимал меня в фильме «Грозное небо»...

— Я знаю, — ответила жена. — Мы знакомы, если тебе не изменяет твоя алкогольная память...

— И женюсь, женюсь назло тебе! — набирал обороты Башлыков.

И в подтверждение своих слов взял трубку телефона и набрал номер Тани.

— Танюша! — промурлыкал он, играя на бывшую жену. — Это я... Как ты там, маленькая моя?

— Васька, ты что, сдурел?! — ответила Таня. — Если я и «маленькая», то не твоя! Запиши лучше телефон, который мой друг вам оставил... Сказал: пусть позвонят и сходят на встречу — есть работа и заплатят хорошо!

Башлыков аж подпрыгнул на стуле, услышав о работе.

— Записываю, рыбчик мой! — Взял ручку и, оторвав край газеты, записал номер телефона, который продиктовала Таня.

На место встречи ехали на трамвае. С благостными лицами фантазировали по поводу будущей работы.

— Интересно, что нам предложат? — размышлял Башлыков. — Может, пригласят сняться в рекламе?

— Памперсы я рекламировать не буду, — покачал головой Савельев. — И стиральные порошки тоже... Будут крутить твою рожу с утра до вечера — чего хорошего?

— Размечтался! Кремлевский мечтатель! — сказал Башлыков. — На главные роли в рекламе нас с тобой не пригласят, несмотря на привлекательную внешность. Там все блатные. Но и в групповке на втором плане попрыгать тоже неплохо. За пятьдесят баксов!

— Кремлевский мечтатель — это ты! — сказал Савельев. — В рекламу он намылился! Ящики нам с тобой предложат таскать! Из грузовика — в магазин и обратно!

— Этот тип не может нас так лажануть, — вспомнив о друге Тани, сказал Башлыков. — Вспомни, что он сказал? Что мы — художественная интеллигенция... Значит, и работу нам предложат художественного профиля. Ты будешь, к примеру, свадьбу на видео снимать, а я на той свадьбе буду массовиком-затейником...

— Может, и аванс сразу дадут, — воскликнул Савельев. — Тогда живем!

Вскоре они пришли туда, где их ждали. Это было небольшое, но уютное кафе.

Перед ними за столиком сидел человек лет сорока пяти, гладкий, сытый, ухоженный, в дорогом костюме, с перстнями на пальцах, и ел омлет. Глаза его закрывали темные очки.

За спиной его расположились два крепких телохранителя. Те были без темных очков — лица свои не скрывали. По левую руку от Босса сидел сухощавый малый, совсем неспортивного вида, с колючим взглядом, по кличке Затейник.

— Значит, вы артисты? — спросил Босс.

Савельев замаялся — он все же был оператором, — но Башлыков решил взять инициативу в свои руки.

— Артисты, артисты! — подтвердил он.

— А стрелять умеете?

Вопрос удивил приятелей.

— Умеем, умеем, — кивнул Башлыков.

— А как насчет мокрых штанов?

Савельев не понял, о чем речь. Бросил взгляд на свои джинсы: может, ненароком намочил их где?

— Штаны сухие, — констатировал он.

Босс поморщился.

— Это аллегория!.. Нам нужны парни неробкого десятка!

— Это — мы, — подтвердил с застенчивой улыбкой Башлыков.

— Тогда будет для вас работа, — сказал Босс. Он доел омлет, отодвинул тарелку, взялся за чашку с чаем. — Нужно будет убрать одного «клиента»...

— Как убрать? — не понял Савельев.

— Убить.

— Нам?

— Вам.

Савельев буквально окосел от этого предложения, да и Башлыков чувствовал себя не лучше.

Босс дал знак, и малый с колючим взглядом извлек из-под ног черный кейс и аккуратно, с некоторой долей артистизма положил его на столик перед Савельевым и Башлыковым.

— В кейсе оружие, — пояснил Босс, — два пистолета и патроны... Адрес вам дадут. И расписание «клиента» тоже... Убрать его надо будет до субботы. Сегодня — вторник... У вас в активе три дня. День на пристрелку оружия. Оно новое. Поедете в лес, за окружную, пристреляете его. За работу получите десять тысяч баксов. Аванс — тысяча — в кейсе... Вопросы есть?

Савельев, потрясенный, хотел тут же отказаться, но Башлыков наступил ему на ногу.

— Мы подумаем, — сказал артист.

— Думайте, — сказал Босс. — У вас есть одна минута!

Прятели испуганно переглянулись.

Босс допил чай.

— Мы согласны! — заявил Башлыков и вновь наступил приятелю на ногу, чтобы тот молчал.

— Ну, вот и хорошо.

— А почему вы решили пригласить именно нас? — полюбопытствовал Башлыков, продолжая давить на ступню Савельева. — Неужели у вас перевелись профессионалы?

— Тут особый случай, — не сразу ответил Босс. — У вас дурацкий вид... И на вас никто не подумает.

Разговор был окончен. Башлыков взял кейс, который вложил ему в руки Затейник, и приятели вышли за дверь.

— Идиоты! — выругался Босс, глядя им в спины. И сказал Затейнику: — Может быть, получится, ежели в штаны не наделают...

Когда приятели оказались на улице и присели на скамейку на бульваре, Савельев дал волю своим чувствам.

— Ты что, сдурел? — набросился он на Башлыкова. — Убить человека! Как можно! Мы же люди искусства! Зовем зрителей к добру! А как же слезинка ребенка у Достоевского?! А как же, как же... — у него не хватало слов от негодования.

— Ты хочешь есть? — неожиданно спросил Башлыков, глядя на него с вселенской печалью.

— Хочу, — признался Савельев.

— И я хочу.

Савельев вздохнул: ну что с недоразвитого возьмешь!

— Кто тебе сказал, что мы будем стрелять в человека? — заговорил Башлыков. — Зато теперь у нас есть деньги... Обменяем доллары на рубли. Пойдем в закусокную что-нибудь съедим, выпьем по рюмке... А потом что-нибудь придумаем.

— Дурак! — не мог успокоиться Савельев. — Это серьезная публика! Они «зеленые» на ветер не бросают! Раз мы дали согласие, нас заставят стрелять!

— А мы промахнемся... — простодушно заявил Башлыков. — Скажем: «клиент» уклонился... или подстроим так, чтобы приехала милиция... Вариантов много!

— Ты как маленький!

— В конце концов, мы можем зарядить пистолеты холостыми патронами...

— А если «клиент» станет обороняться? И начнет стрелять в нас? Он же не будет знать, что у нас холостые патроны...

— Ладно, дыши глубже! У нас еще есть время. Как-нибудь выкрутимся... — Башлыков поставил кейс на колени. — Давай посмотрим, что внутри. Может, там ничего нет. Тогда и взятки гладки.

Он открыл замок, осторожно приподнял крышку. В кейсе действительно лежали два пистолета, глушители к ним, две коробки патронов и конверт с долларами.

Наличие в кейсе пистолетов и денег свидетельствовало о том, что человек в темных очках не шутил, и это повергло Савельева в уныние. Башлыков, наоборот, заметно воодушевился. Он уже видел перед собой порцию горячих баварских сосисок с зеленым горошком или жареную куриную ножку, а рядом большой бокал с пивом, из которого густая пена сползает на столешницу.

И вот мечта, терзавшая мысли приятелей все утро, осуществилась. Они сидели в кафе, ели баварские сосиски с зеленым горошком и пили водку. И не какую-нибудь дешевку, а «барский» напиток: перед ними стояла запотевшая бутылка «Абсолюта».

Башлыков после двух рюмок буквально расцвел. У Савельева тоже настроение улучшилось.

— Хорошо! — радостно выдохнул Башлыков.

— Неплохо... — согласился с ним Савельев.

Башлыков потер ладонями грудь, откинулся на спинку стула.

— Ма-ма-ма-ма!.. — проговорил он нараспев, словно настраивал голос для упражнений по технике речи.

Две девушки, пившие кофе за соседним столиком, взглянув на него, приснули.

Это вдохновило Башлыкова.

— «На мели мы лениво налима ловили, для меня вы ловили линя!..» — сочно проговорил он начало упражнения для тренировки дикции, из тех, что дают в театральных училищах. И, помолчав, добавил, оценив себя: — Какой артист пропадает!.. — И, перехватив хмурый взгляд Савельева, воскликнул: — Что, не веришь?.. Я, между прочим, Чацкого мог бы сыграть... Да что там Чацкого! Я и Гамлета могу!

— Ну уж... — повел головой Савельев. — Фальстафа — еще куда ни шло, а вот насчет принца датского — это ты, братец, погорячился! Внешность у тебя не та.

Башлыков хотел возразить, но Савельев остановил его жестом.

— У тебя сейчас другая роль. Роль убийцы! Вот и готовься к ней... Как там Станиславский говорил? Ищи зерно! — И выругался: — Петух с большой дороги!

— Ты, между прочим, — завелся Башлыков, — если б хотел, мог бы отказаться! А ты промолчал, гуманист с «Мосфильма»! Тоже денежки любишь!

— Ну, знаешь! — возмутился Савельев. — Ты же мне всю ногу отдал, чтобы я молчал! Еще немного, и пришлось бы гипс накладывать на стопу!

— Но рот тебе никто не зажимал! Так что мог бы сказать: так, мол, и так, господа крутые, я — гуманист и от вашего сладкого предложения отказываюсь! А ты промолчал!

— Я тебя сейчас стукну, — поморщился Савельев.

— А вот это ни к чему! — Башлыков уклонился на всякий случай. — Ты знаешь, что такое артист? Народное достояние! И его надо беречь!.. Давай лучше выпьем.

— Давай, — согласился Савельев.

Прятели выпили. Закусили.

Башлыков подозвал официанта.

— А принеси-ка, дружок, нам красной рыбки! Семги! Пару порций! И маслины! — И сказал, взглянув на Савельева: — Гулять так гулять!

— Эт-точно! — хмуро согласился Савельев. — Все равно в глубокой жопе сидим... И дернул меня черт пойти на эту встречу!

— А знаешь что... — оживился Башлыков, осененный идеей. — Надо встретиться с «клиентом» и все ему рассказать! Дать ему номер телефона, по которому мы звонили. И пусть разбираются напрямую... Перестреляют друг друга — только воздух будет чище!

— Васька, ты типичный артист без мозгов! А вдруг «клиент» — приличный малый?.. Но главное не в этом. А как же Таня?

— В каком смысле?

— В прямом. Ее этот мужик по стенке размажет за наши фокусы...

— Да, ты прав, — согласился Башлыков. И вдруг с подозрением взглянул на приятеля. — Ишь, о Татьяне он вспомнил! Признайся: понравилась она тебе?

— Понравилась.

— Я ревную, — заявил Башлыков. И добавил с печалью: — Хотя мне не светит... Мы с нею только друзья.

Официант принес семгу и маслины.

— Что-нибудь еще? — спросил он.

Савельев взглянул на Башлыкова.

— Мне что-то сыру захотелось... с дырочками!

— Принесите художнику сыру! Лучшего! — пьяно воскликнул Башлыков. И когда официант удалился, почему-то вспомнил о бывшей жене: — И Нинон меня бросила!.. Тоже мне, нашла гиганта мысли! Ты его видел?

— Кого? — не понял Савельев.

— Ее нового мужа.

— Так, краем глаза, когда с балкона выходили, а он спал...

— Ну и как он тебе?

— Да я же говорю, что не рассмотрел его... Он кто?

— Тренер. По спортивной стрельбе!

— Хо! — развеселился Савельев, тоже уже нетрезвый. — Может, предложим ему вместо нас в стрельбе поучаствовать? — предложил он. — За половину бабок. А половину возьмем себе!

— Нет, — махнул рукой Башлыков. — У него кишка тонка... Он, хоть и крепкий на вид, непременно в штаны наделает.

— Я, между прочим, тоже в штаны наделаю... Шутка сказать: стрелять в человека!

— Не будем о грустном! — остановил его Башлыков. Взял бутылку, наполнил рюмки. — Сегодня — забудем обо всем! Есть пенензы, есть настрой... Завтра будем соображать, что и как!

Кутеж закончился поздно вечером в одной из московских квартир, где жил знакомый Савельева, высокий светловолосый бородач, какой-то эстражник.

В квартире было накурено, играла музыка. В большой комнате на полу в разных позах сидели гости со стаканами в руках. Среди них устроились и Савельев с Башлыковым.

В центре комнаты, на свободном пятачке, топталась под музыку девица с длинными ногами, обнаженная по пояс, в черных трусиках, и изображала что-то вроде танца живота. Гости по-разному реагировали на этот танец. Кто-то пьяно восторгался, хлопал в ладоши. Другие не обращали на танцующую внимания. Двое играли в шахматы и были очень увлечены партией. Какая-то пара в углу целовалась.

Те же, кто наблюдали за девицей, поощряли ее пьяными возгласами и в знак одобрения клали ей в трусики под резинку деньги.

— Какая морковка! Так бы и сгрыз! — цокая языком, восторгался изрядно пьяный Башлыков. — Дай пару червонцев! — схватил он за рукав Савельева. — Надо поддержать красоту!

— Она же двигаться не умеет...

— Все равно — хороша!

— Хватит шиковать! — отмахнулся Савельев. — Ты уже пятьдесят баксов в ее трусы загнал!.. — Он хоть и был пьян, как и артист, но пытался быть рассудительным. — Гуляешь, как «новый русский»? А мы с тобой — нищие. Нищие! Ты понял?

— Дай еще двадцатку, не будь жмотом! — не отставал артист. — Может, девчонке к стипендии прибавка нужна...

— Нашел студентку!

— Дай!

— На! — И Савельев сунул ему в руки пачку американских сигарет.

Не глядя, Башлыков взял пачку и попытался сунуть ее девице в трусики. Та, почувствовав неладное, шлепнула артиста по руке и выбросила пачку.

Савельев зевнул.

— Пошли отсюда!

Они шли в обнимку по улице, стараясь ступать твердо. Неожиданно оба одновременно запели:

— Дельфин и русалка — не пара, не пара!..

И так же неожиданно замолчали — ни тот ни другой не помнили слов.

— Между прочим, — нарушил молчание Савельев, — нам завтра в лес ехать.

— Зачем?

— Оружие пристреливать.

Башлыков замедлил шаг и обратился к приятелю свое пьяное лицо.

— Ты что, серьезно?

— Серьезно.

Артист был потрясен.

— Решил стать убийцей?! — проговорил он заплетаясь языком, возмущенный. — Ты! Мастер изображения! А как же... как же слезинка ребенка, про которую писал Федор Михалыч... он же Достоевский?! Как же...

— Дурак! — сказал Савельев и перешел на шепот: — Заказчики будут следить за нами или уже следят... Так что придется использовать отвлекающий маневр... И потом, это даже интересно — в лесу из пистолета пострелять...

У подземного перехода им попался нищий на костылях. «Помогите жертве Чернобыля!» — было написано на картонке, висевшей у него на груди. Савельев достал из кармана деньги, сунул нищему.

— Спасибо, господа хорошие! — кивнул нищий и, разглядев полученную купюру, одурел от счастья.

Приятели спустились в подземный переход.

Нищий, с неожиданной прытью, сунув костыли под мышку, побежал через проезжую часть, чтобы встретить щедрых дарителей у другого выхода из перехода.

Перебежав улицу, он застыл у лестницы, изменив предварительно внешность — вынул из кармана кепку и натянул ее до ушей. Картонку на груди повернул обратной стороной, там была другая надпись.

Приятели вышли из подземного перехода, поднялись по лестнице. И увидели, как им показалось, еще одного нищего.

«Помогите жертве космических испытаний!» — прочитал Савельев надпись на картонке. Впечатленный, он сунул руку в карман, достал десятидолларовую бумажку и дал нищему. Протягивая деньги, заглянул нищему в лицо, оно показалось ему знакомым, но, как пьяный человек, не придал этому значения.

Когда пройдоха нищий встретился им на пути в третий раз, Савельев озадаченно округлил глаза.

— Ты чего? — спросил Башлыков.

Ответить Савельев не успел. Где-то рядом, в темноте, послышались выстрелы, и приятелям ничего не оставалось, как нырнуть в ближайший подъезд.

Проснулись они опять на балконе Башлыковской квартиры, благо было лето и ночи стояли теплые.

Как и прошлым утром, оба, из-за отсутствия места, лежали на одной раскладушке, тесно прижавшись друг к другу.

Савельев хмуро обозрел соседние крыши и небо, видневшееся через металлические прутья балконной решетки. Окинул взглядом многочисленные стеклянные банки с домашним консервированием, стоявшие в ногах, протяжно вздохнул: вот она, грустная реальность, в которую приходилось возвращаться после вчерашнего гулянья!

Такая же тоска была и в глазах Башлыкова.

Как и прошлым утром, оба на цыпочках прошли через комнату, где спала Нина со своим новым мужем. Правда, на этот раз Савельев задержался, желая рассмотреть лицо тренера по спортивной стрельбе. Но увидев, что Нина заворчалась и может проснуться, тут же юркнул вслед за артистом в коридор, а затем в ванную.

Через полчаса, умытые и одетые, они сидели на кухне и ждали, когда закипит на плите чайник.

Услышав свисток чайника, Башлыков поднялся, выключил газ. Достал из буфета сахарницу, две чашки, коробку с чайными пакетами.

— Сколько у нас осталось денег? — спросил Савельев.

Башлыков порылся в карманах, извлек несколько мелких купюр.

— И это все, что осталось от тысячи баксов?! — пришел в ужас Савельев.

— Посмотри у себя в карманах, должны быть еще пенензы...

Савельев обшарил карманы куртки, извлек пятидесятидолларовую бумажку.

— Да-а, негусто... — вздохнул он. — И отдавать нечем, если потребуют...

Некоторое время оба подавленно молчали, пили чай.

Вошла Нина, позевывая после сна и запахивая на животе легкий ситцевый халатик. Некоторое время стояла у дверного косяка и с любопытством поглядывала на приятелей.

— Эх, вы, «зеленые»! — сказала она. — Чего одну воду гоняете? Поди, голодные оба. Возьмите в холодильнике колбасу, сыр, сделайте бутерброды...

— Мне от тебя, Нинон, ничего не нужно. Даже колбасы! — гордо отказался Башлыков и отхлебнул из чашки.

— Как знаешь...

— А я поем! — заявил Савельев и потянулся к холодильнику.

— Предатель! — осудил его Башлыков.

— Ешьте, ешьте! — Нина открыла холодильник, достала колбасу, сыр, положила перед Савельевым. — Я же чувствую, что вы с этим непутевым два дня не ели...

— Угу, — согласился Савельев.

Башлыков подскочил на стуле.

— Не верь этому типу, Нинон! Он не голодный! Он за вчерашний день тысячу баксов проел и пропил! Теперь, как верблюд, неделю на подкожных жирах может жить!

Савельев невозмутимо нарезал колбасу, сделал себе бутерброд. Также невозмутимо начал есть.

— Не верьте ему, Нина! — сказал он. — Ваш бывший муж — фантазер! Ну, скажите, разве можно в один присест проесть тысячу баксов? Да и откуда у меня такие деньги?

Нина, конечно, всю эту историю с пропитыми деньгами восприняла как треп.

В дверях появился новый муж Нины, Филимонов. Вошел, застегивая на груди молнию спортивного костюма. Это был среднего роста коренастый мужчина со скуластым лицом и рано лысеющей головой.

— Мужики! Надо что-то решать, — заявил он, обращаясь к Башлыкову и его гостю. — У нас — семья, а не проходной двор!.. Ну, ладно, одного я терпел, теперь второй поселился... Приходите поздно ночью, мешаєте спать, гремите, пробираясь на балкон... Еще неизвестно, чем вы там на своей раскладушке занимаетесь!

— Как неизвестно? Известно! Любим друг друга! — с вызовом заявил Башлыков. Ему был неприятен этот разговор, но, будучи человеком деликатным, он не мог поставить нового мужа Нины на место. — Между прочим, — он кивнул на Савельева, — это мой друг! У него проблемы. Я не могу бросить его в беде. И отказать в половине своей раскладушки тоже не могу.

— Нина Сергеевна! — обратился к жене Филимонов. — А ты что молчишь? Скажи что-нибудь этим педикам!..

— А что говорить? — Нина пожала плечами. — Он здесь прописан... Ищи, Дима, обмен!

— Он-то прописан, а второй?

— Извините, товарищ,.. я здесь временно, — вежливо пояснил Савельев. — Сожалею, что нарушил ваш интеллектуальный покой. Берегите нервы, они вам еще пригодятся!

— С нервами у меня все в порядке, — взорвался Филимонов. — А вот в квартире — бивак!

— Извините, как?

— Бивак! Кавалерийский привал!

Неизвестно, чем бы закончился этот любезный диалог, но его прервал звонок телефона.

Нина взяла трубку.

— Алло? — И взглянула на Башлыкова. — Это тебя. Башлыков взял трубку.

— Артист Башлыков слушает, — произнес он важно. Но в следующую минуту заметно побледнел. — Хорошо, сейчас идем...

Положив трубку, он вышел в прихожую. Вынул из стенного шкафа припрятанный там кейс. Вернулся на кухню.

— Собирайся, — сказал он Савельеву. — Нас ждут. Нина с удивлением воззрилась на кейс.

— Откуда эта вещь? — спросила она. — У тебя же денег нет!

Вопрос остался без ответа.

Савельев быстро допил чай. Вытер краем газеты со стола жирные после колбасы губы.

— Кто звонил? — спросил он, когда они вышли из квартиры.

— Люди заказчика.

Савельев потемнел лицом.

— Чего они хотят?

— Ждут внизу. Отвезут нас в лес на пристрелку оружия...

Действительно, внизу у подъезда их ждала машина. Это была иномарка темно-серого цвета. Возле машины стояли два крепких «качка» и Затейник.

Когда Башлыков и Савельев подошли к машине, Зате́йник молча открыл перед ними дверь и, когда те усе-лись, сел на переднее сиденье возле водителя.

Заработал двигатель, и иномарка выехала со двора. Некоторое время все молчали.

Башлыков с тревогой посматривал то на затылки сидящих впереди бандитов, то на мелькающие за окном улицы.

Савельев, в отличие от него, был спокоен. Или казался таковым. Правда, лицо его было бледным.

— Слушайте инструкции, — заговорил Зате́йник. — Мы едем за окружную дорогу, на тридцать второй километр... Там есть подходящее место. Высадим вас у леса и уедем. Вернемся через два часа. Вы удаляетесь от дороги метров на восемьсот, находите подходящее дерево... И с расстояния двадцати метров каждый стреляет в него по пять раз... Запомнили? По пять раз. Оружие должно быть пристреляно, чтобы в нужный момент не подвело... Вопросы есть?

— Есть, — встрепенулся Башлыков. — А если там будут люди? Какие-нибудь прохожие? — И добавил простодушно: — Мы не сможем стрелять...

— Там прохожих не бывает, — брезгливо заметил Зате́йник.

Здесь самое время сказать несколько слов о Зате́йнике. Кличку свою он получил за жестокость и изощренность фантазии во время пыток строптивых клиентов. Человек он был безжалостный и бесстрашный.

Но Башлыков, естественно, об этом ничего не знал.

— А если все-таки обнаружатся в лесу люди? — настаивал он.

Затейник выругался.

— Увидите людей, уйдете туда, где их нет. — Он злился оттого, что приходится иметь дело с такой тупой публикой. — Понятно?

— Понятно, — отозвался Савельев.

— Можно еще вопрос? — не мог успокоиться Башлыков.

— Можно. Но не нужно! — отрезал Затейник.

— Как вам будет угодно, — с подчеркнутой вежливостью проговорил актер, словно играл на сцене аристократа.

— А закурить... закурить можно? — спросил Савельев, и Башлыков понял, что тот все-таки нервничает, как и он.

Затейник хмуро взглянул на него через плечо и разрешил:

— Кури!

На тридцать втором километре у большого лесного массива приятели вылезли из машины. И иномарка, развернувшись, умчалась в город.

Приятели потоптались некоторое время у обочины и направились по тропинке вглубь леса.

Шли, оглядываясь по сторонам, слушая пение птиц. Башлыков искоса посматривал на Савельева, ожидая, что тот будет ругаться, но Савельев молчал.

— Вот влипли! — вздохнул Башлыков. — Какой же я сундук! — обругал он себя.

Савельев по-прежнему молчал.

Башлыков стукнул себя кулаком в грудь.

— Хочу обратно в застой! В пионерское детство, где никто не стреляет!..

И на этот раз Савельев никак не прокомментировал сказанное.

Башлыков неожиданно остановился, вид у него был испуганный:

— Слушай, нас же могут упрятать в тюрьму, если поймут с этим добром... — И кивнул на кейс, который держал в руках.

— Ладно, не голоси! — прервал его Савельев, ему надоели стенания артиста. — Сейчас у нас одна задача — пристрелять оружие... А уж потом будем соображать, как из этого дела слинять.

— Ты думаешь, это возможно? — робко спросил Башлыков.

Савельев пожал плечами.

— Как говорит мой брат: нет безвыходных положений, кроме обрезания!

Некоторое время шли молча.

— Вот хорошее местечко! — воскликнул артист, указывая на край поляны.

Савельев покачал головой.

— Деревья слишком густо растут... Да и дорога близко. Слышишь, машины шумят?.. Уйдем подальше.

Опять некоторое время шли молча, оглядываясь по сторонам.

— Вот хорошая полянка, — вновь оживился артист, указывая направо. — Видишь, дуб сбоку подходящий, с брюшком, как у беременной бабы... Здесь можно и пострелять.

— Да, место хорошее, — согласился Савельев.

Они присели на землю, в густую траву. Некоторое время отдыхали. Потом Савельев открыл кейс. Вынул пистолеты и патроны. Со знанием дела проверил, как

работает механизм у каждого пистолета. Распечатал коробку с патронами, начал вставлять их в обойму.

Башлыков с интересом наблюдал за его действиями.

— Ты прямо как профессионал! — сказал он. — Откуда навыки, маэстро? В армии, что ли, насобачился?

— В армии стреляли из винта. На съемках приходилось пробовать...

— А я служил в ВВС, в аэродромной команде, истребители обслуживали... Хотя чаще всего в самодеятельности блистал. Скетчи и эстрадные миниатюры... Любил меня наш комдив, всюду за собой таскал: праздник ли, встреча с друзьями...

— Лучше бы он тебя стрелять научил, — вздохнул Савельев.

Башлыков взглянул на него:

— Для кого лучше?

— Действительно, — согласился тот. — Не ясно — для кого лучше... На! — и протянул Башлыкову заряженный пистолет.

— Ты меня недооцениваешь, стрелять я умею, — сказал Башлыков. — «Десятую пулю» смотрел? Я там Кочемасова играю, палю из нагана направо и налево... Так что еще посмотрим, кто более меткий стрелок!

Теперь настало время недоумение выказать Савельеву.

— В каком смысле «посмотрим»? Кто раньше жертве голову разнесет?

— Да, ты прав, — вздохнул Башлыков. — Извини, старина, погорячился... — И с неприязнью посмотрел на пистолет, который держал в руке.

— Пошли, — сказал Савельев, поднимаясь с земли.

Они прошли несколько шагов в сторону «беременного» дуба. Остановились. Стали примериваться для стрельбы.

— Давай так, — предложил Савельев, — стреляем через раз: ты — я, ты — я...

— Как скажешь, «шеф»! — согласился артист.

— И он еще острит! — возмутился Савельев. — Втянул меня в эту авантюру и зубоскалит!..

— Приготовились! — прервал его Башлыков. Поднял пистолет и направил в ствол дуба.

Савельев умолк и тоже прицелился в дерево.

— Пли! — скомандовал артист и выстрелил.

Савельев выстрелил следом. Башлыков тут же произвел второй выстрел.

В эту минуту за кустами, метрах в двадцати от дуба, послышались женский визг, и оттуда выскочили перепуганные парень и девушка. Оба были растрепанны, полуодеты — судя по их виду, они были там давно и занимались, вероятно, любовью.

Парень, на ходу застегивая джинсы, бросился к мотоциклу, который стоял поблизости, прислоненный к березе (его, надо сказать, ни Башлыков, ни Савельев не заметили), выхватил из сумки, висевшей на руле, пистолет и произвел в качестве самообороны три выстрела.

Перепуганные приятели мигом упали на землю и стали отстреливаться, беспорядочно паля в сторону кустов.

Парень не стал испытывать судьбу, завел мотоцикл и вместе с девушкой умчался по узкой тропинке вглубь леса.

Патроны у приятелей закончились, и наступила пауза.

Убедившись, что «противник» ретировался, Савельев сел на землю.

— Поздравляю! — сказал он Башлыкову.

Тот утер вспотевший лоб.

— Пронесло!

— В следующий раз может не пронести... — сказал Савельев. — Теперь ты понимаешь, во что мы вляпались?

— Понимаю...

Когда они вышли обратно к шоссе, машина уже ждала их. Затейник и водитель стояли возле багажника и курили.

— Ну как? — спросил Затейник. — Отстрелялись?

— Нормально! — ответил Савельев. — Правда, патронов потратили больше, чем нужно... — признался он. Затейник подозрительно взглянул на приятелей.

— Почему?

— Услышали шорох, — объяснил Савельев, — пришлось стрелять по кустам... Это оказалась заплутавшая коза.

— Ладно, умники, садитесь в машину.

Уселись, машина тронулась с места и стремительно понеслась по шоссе.

— Завтра у вас знакомство с «клиентом», — сообщил Затейник. — Посмотрите его фото, а потом я покажу место, где его нужно будет... — он недоговорил.

— Послушайте, — заерзал Башлыков. — Не знаю, как вас по имени...

— Можешь звать меня Алла Пугачева, — сообщил Затейник.

— Послушайте, товарищ... Пугачев! — продолжил жалостливо артист. — Может, вы поищете других... Видите ли, у нас может не получиться, навыков нет... Протрем или еще что... Мы ведь мирные люди... А? Товарищ Пугачев!

Затейник мрачно усмехнулся.

— Ишь, очко заиграло! — пояснил он, обращаясь к водителю. И, повернув голову к Башлыкову, сказал: — Обратного хода нет! Это как в прыжках с парашютом: выпрыгнул из люка — и самолет улетел. Кричи не кричи, а приземляться надо. Если надумаете свалить, мы вас по стенке разотрем!..

Вечером несчастные приятели направились к Тане. Поднялись на этаж, позвонили в дверь.

— Кто там? — спросила за дверью хозяйка.

— Орлы-стервятники! — мрачно пошутил Башлыков.

Таня узнала его голос, открыла дверь.

Башлыков и Савельев прошли в прихожую.

— Таня, выручай... — сказал артист. — Мы — в жопе!

— Фу! — поморщилась женщина. — Василий, ты же знаешь, я не люблю, когда ты выражаешься!

— Хорошо, — согласился Башлыков. — Мы — в заднице, но сути это не меняет!

Они прошли в комнату, присели на стулья у обеденного стола.

— Есть хотите? — спросила Таня.

Оба отказались.

— А выпить?

Приятели тоскливо переглянулись.

— Пьянству бой, сказал ковбой! — заявил Савельев.

— Боишься, руки будут трястись? — сказал Башлыков. — Это тебе не поможет... — И посмотрел на хозяйку: — Неси, по рюмке выпьем!

Таня принесла на подносе графин с водкой и легкую закуску. Вынула из серванта рюмки, поставила на стол. И сама присела к столу.

— Ну, рассказывайте...

Тем временем в квартире Башлыкова происходили следующие события. Нина открыла стенной шкаф и нашла под старой обувью злополучный кейс, который видела утром у Башлыкова. В кейсе что-то громынуло, перекатываясь с места на место, и это показалось Нине подозрительным.

Нина поставила кейс на стол, открыла его. Увидев, что внутри, изменилась в лице.

— Филимонов! — нервно закричала она, призывая нового мужа.

Филимонов в эти минуты стоял под душем и голосил арию Жермона из «Травиаты», наслаждаясь звучанием собственного голоса, который гулко раздавался в замкнутом пространстве ванной и казался ему сродни голосу Лучано Паваротти.

— «Ты забыл край милый свой, бросил ты Прованс родной, где так много светлых дней было в юности твоей!..»

Он пел и не слышал, что его зовут.

— Филимонов! — истерично выкрикнула Нина.

На этот раз новоявленный конкурент Лучано Паваротти услышал ее крик. Замолк. Дотянулся до двери рукой, приоткрыл ее и громко спросил:

— В чем дело, любовь моя?..

— Иди сюда! — потребовала «его любовь».

Филимонов сошел на кафельный пол, обтер себя махровым полотенцем и, набросив халат, вышел к жене.

— Что случилось?

— Смотри! — Нина придвинула ему кейс.

Филимонову было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что находится в чемодане.

— Это же боевое оружие, не спортивное... — сказал он. — Откуда оно?

— Этот кейс Башлыкова...

— Ясно, — нахмурился Филимонов. — Значит, они не только педики, но еще и убийцы! — высказал предположение он.

— Не пори чушь! — сказала Нина. — Васька мухи не обидит...

— Мухи, может, и не обидит, а вот прострелить голову человеку — вполне возможно.

— Филимонов! — голос Нины стал строгим. — Я думала, ты умнее... Ты меня разочаровываешь.

— Ты можешь разочаровываться, любовь моя, — невозмутимо заметил Филимонов, — но это — оружие для убийства... Видишь эти железки? Это глушители. Их навинчивают на дуло, чтобы звук выстрела был тише и не привлекал внимания. Мирным гражданам глушители ни к чему. — Он взял в руки один из пистолетов, внимательно осмотрел его, понюхал дуло. — Кроме того, из этого пистолета сегодня стреляли. Вот след копоти на дуле... Оружие новое, его, видимо, пристреливали...

— Что же теперь делать? — Нина растерянно присела на стул.

— Как что? Сообщить в милицию, — заявил Филимонов. — Жертва останется в живых. А твой бывший и его дружок получают по году за хранение оружия. Нам же еще спасибо скажут за то, что уберегли их от мокрого дела!

Выслушав рассказ приятелей, Таня была ошеломлена. Она не ожидала, что с подачи ее друга Башлыкову и Савельеву предложат подобное дело.

— Что же вы не отказались?

— Тань, — потупился артист, — ты знаешь, я в стесненном положении... И жрать хотелось... А тут такой аванс! Я думал, потом отдадим...

— Николай, а вы куда смотрели? — Таня повернулась к Савельеву. — Васька — человек несерьезный, но вы...

— Значит, я тоже — человек несерьезный, — вздохнул Савельев.

Башлыков устремил на Таню печальные глаза.

— Когда мы ехали на встречу, мы думали, нам предложат сняться в рекламе... К примеру там, памперсы рекламировать.

— Это ты думал! Я же сказал, памперсы рекламировать не буду!

— Теперь это не имеет значения... — Башлыков придвинул к себе графин с водкой. — Не хотел памперсы, получил пушку!

— Ну, знаешь!

— Перестаньте! — вмешалась Таня. — Вы как дети! Надо искать выход, а не препираться...

Башлыков выпил рюмку. Подцепил вилкой маринованный огурчик, понюхал его и положил обратно.

Таня встала, в раздумье прошлась по комнате.

— Ну, ладно, в первый раз вы проявили легкомыслие, — сказала она, — но вы же могли отказаться после, когда вас повезли в лес...

— Пытались, — объяснил актер. — Нам было сказано, что нас размажут по стенке.

— Чему быть, того не миновать... — философски заметил Савельев. Таня ему нравилась, и он не хотел в ее глазах выглядеть трусом.

Башлыков пропустил слова приятеля мимо ушей.

— Теперь вся надежда на твоего «фрэнда», — обратился он к Тане. — Он нас в это дело втянул, пусть теперь вытаскивает. Звони ему.

Таня взглянула на часы.

— Звонить не надо. Он с минуты на минуту должен подъехать... Может, вам пока уйти, я поговорю с ним сама. — Таня задумалась. — Нет, сидите... Пусть разговор пройдет при вас.

Размягченный от водки Башлыков устремил на нее туманный взор.

— Тань, у тебя должна быть гитара... — сказал он. — Давай ее сюда!

— Зачем?

— Споем, пока пауза в жизни образовалась... Мы все же артисты!

— Васька, какой же ты дурной! — всплеснула руками Таня. — Много лет тебя знаю и не перестаю удивляться...

— А что такого?

— Придет Борис, я собираюсь о ваших неприятностях говорить, а ты тут — с гитарой!

— Действительно, глупость какая-то! — согласился с нею Савельев. — Ты, наоборот, что-нибудь печальное на лицо напусти, чтоб он расчувствовался...

— А вдруг у меня больше возможности такой не будет — попеть?

— Почему?

— Если мы не пришьем «клиента», то пришьют нас, — объяснил артист.

— Между прочим, — вдруг сказала Таня, — вас могут пришить и в том и в другом случае...

— Как это? — приятели одновременно взглянули на нее.

— Очень просто. Я слышала, что исполнителей таких дел нередко потом устраняют, чтобы не оставлять свидетелей.

— Еще только этого не хватало! — осел на стул Башлыков.

Раздался настойчивый звонок в дверь.

— Это он! — воскликнула Таня и, оглядев себя в зеркало, устремила в прихожую.

Минуту спустя они вдвоем вошли в комнату, Таня и ее респектабельный друг, Капустин, пахнувший дорогим одеколоном, одетый в смокинг для вечернего приема. Увидев Башлыкова и Савельева, он скривился.

— Детка моя, — сказал он, обращаясь к Тане, — у тебя опять визитеры?! У меня, между прочим, был напряженный день... Еду к тебе с желанием отдохнуть перед приемом, а тут опять твои артисты! Нигде нет покоя!

— Боря, им нужен ты, — сказала Таня.

— Я? — удивился Капустин. — Я обещал помочь этим ребятам, направил их к своим друзьям... Друзья нашли для них дело. Что еще от меня нужно?

— Видите ли, Борис... — вступил в разговор Савельев. — Не знаю, как вас по отчеству?

— Тимофеевич.

— Видите ли, Борис Тимофеевич, мы думали, это будет работа, как-то связанная с художественным творчеством... А нам предложили... убить человека!

— Ну и что? — невозмутимо взглянул на него Капустин, развалившись в кресле.

— Как что? — оторопел Савельев. — Мы не умеем этого делать. И не хотим!

— Что же вы сразу не отказались?

— Я, честно говоря, — признался Савельев, — в первые минуты был настолько ошарашен этим предложением, что долго не мог нормально соображать...

— Ну, а вы, господин хороший, — Капустин повернулся к Башлыкову, — тоже были ошарашены?

— Тоже! — Башлыков с видом робкого просителя приподнялся со стула. — В общем, мы погорячились. И хотим уйти из дела.

— Вот как?! И аванс сможете отдать, который, вероятно, взяли?

— Нет, вот аванс отдать пока не сможем... — потупился артист.

— Уже пропили?

— Почему же сразу — пропили? — оскорбился Савельев. — А может, отдали в детский дом!

— Гуманисты, значит! — усмехнулся Капустин. — И теперь хотите уйти из дела?

— Хотим.

— Поздно, милейшие! — Капустин взглянул на свои ухоженные ногти. — Раньше надо было соображать... Это не игрушки! Это жизнь, а не театр, где все можно переиграть!

— Борис! — Таня взяла Капустина за руку. — Разве нельзя что-нибудь сделать?.. Ребята-то хорошие, про-

явили легкомыслие... Васька, тот вечно такой! Надо им помочь!

Капустин покачал головой.

— Поздно. Поезд ушел!

— Брось! Я не думала, что ты такой бессердечный!

— Детка моя, там, где крутятся огромные деньги, о сердечности приходится забыть. Это обременительная роскошь! И что, собственно, произошло? Мужикам доверили серьезное дело. Предложили убрать лишнего человека. И они должны это сделать, если они настоящие мужики, а не бабы! Несколько выстрелов в упор, и нет проблем!

Таня поморщилась.

— Ты так об этом рассуждаешь, словно это колбасу нарезать для бутербродов!

— Не надо усложнять!

— Ты хоть знаешь, кого хотят убрать твои друзья?

Капустин пожал плечами.

— Нет. Кого-нибудь из тех, кто им поперек горла. Очередного бедолагу, который надоел небесной канцелярии и исчерпал свой жизненный ресурс...

Савельеву надоело унижаться перед этим сытым, вальяжным Капустиным.

— Значит, так, — сказал он решительно. — Если вы нам не поможете, мы обратимся в милицию!

Капустин громко расхохотался, словно услышал очень смешной анекдот.

— Вы туда даже не дойдете. Вас по дороге уберут!

Татьяна рассерженно стукнула его кулачком по плечу:

— Капустин! Я перестану с тобой встречаться.

Капустин вновь расхохотался.

— А жить на что будешь? Опять в учительницы пойдешь? На мизерную зарплату? А на что тряпки будешь покупать и дорогие побрякушки? На какие шиши в Париж будешь ездить?.. Весело с вами, ребята! Юмористы вы все, шутники!

— А ну, пошел вон! — не выдержала Татьяна.

— Ты что, серьезно? — оторопел Капустин, он никогда не видел ее в таком гневе. — Перестань, детка моя! У меня и так был трудный день!

— Вон! — Таня указала рукой на дверь.

Темное беззвездное небо висело над спящим двором. Было тихо.

Приятеля лежали на балконе на раскладушке. Савельеву не спалось.

— Милый человек — Татьяна! — проговорил он, думая о чем-то своем.

— Влюбился, что ли? — заворчался Башлыков. Он тоже не спал.

— Ну... влюбился не влюбился, а нравится она мне, — признался Савельев.

— Ты ей тоже приглянулся... — Башлыков завистливо вздохнул: — Счастливый!

Савельев помолчал и спросил:

— Давно вы знакомы?

— Тысячу лет...

— Расскажи.

— Да что рассказывать? Мы с нею жили в одном подъезде... Я, когда школьником был, гулял с нею по просьбе ее родителей, она маленькой тогда была. Водил за ручку, возле песочницы сидел, учебники штудировал, пока она там куличики всякие делала... А ког-

да подросла, опекал ее, как сестренку. Вот, пожалуй, и все... Когда на душе хреново, к ней иду, к Таньке! Она и рюмку нальет, и добрым словом обогреет... — Башлыков потянулся. — Романтично звучит: последняя любовь Савельева!

— Почему «последняя»?

— Потому что через два дня нас с тобой грохнут, — буднично пояснил артист.

— Я им так просто не дамся! — сказал Савельев. — Надо что-то придумать... Думай, Василий, думай, ты обещал что-нибудь сообразить!

— Я и думаю...

Неожиданно небо гроыхнуло, и пошел дождь. Он быстро усилился. Косые его струи летели на балкон — на головы приятелей. И те как-то сразу вымокли.

Оба вскочили, подхватили матрац, подушки, одеяло и бросились в комнату.

Нина включила ночник.

— Ну, что там у вас? — спросила она недовольно.

— Стихийное бедствие, — объяснил Савельев. — Ливень!

— Мы здесь в уголке ляжем? — сказал Башлыков. — А, Нинон?

Филимонов резко высунул голову из-под одеяла.

— Еще чего! Я не дам вторгаться в мою интимную сферу! Привыкли у себя в кино развратничать!

Башлыков возмущенно махнул рукой.

— Да кто вторгается? Никто не вторгается!

— Ладно, идите в прихожую, — заявила Нина, желая примирить враждующие стороны, — там места достаточно!

— Между прочим, ты молчишь, а я не буду... — воскликнул Филимонов, обращаясь к Нине, не желая успокаиваться. — Пусть объяснит, почему они в нашей мирной обители оружие держат?

— Какое оружие? — прикинулся наивным Башлыков.

— То самое, которое в кейсе...

— А вот копать в чужих вещах — нехорошо! — оскорбился артист и бросил в ярости матрац на пол. — Жаль, господин Филимонов, что ваша мать не учила вас правилам хорошего тона!

— Ты мою мать, лицедей несчастный, не трожь! — заорал Филимонов, вскакивая на кровати в полный рост. — Она всему меня учила... Поэтому я вырос нормальным: не стал ни педиком, ни убийцей!

— Зато стал соблазнителем чужих жен! — парировал Башлыков.

— Что ты болтаешь? Каких жен?!

— Чужих! Ты когда к Нинон клеился, ты же знал, что у нее есть муж? Знал! Тебе что, свободных баб мало было? — Башлыков взмахнул возмущенно руками.

— А ну прекратите! — заорала Нина. — Иначе я вас всех выставлю за дверь!

Мужчины нехотя замолчали.

Нина строго взглянула на Башлыкова.

— А теперь расскажи, что это за кейс у тебя?

Башлыков пожал плечами.

— Кейс как кейс... Один приятель дал на хранение... А что там внутри — я не смотрел.

— Василий, я тебя знаю, не сочиняй! — не поверила Нина. — Говори, что на самом деле произошло? Попал,

как обычно, в историю?.. Тебя же могут посадить, если узнают, что в этом кейсе...

— Могут, — скорбно согласился артист. — Если твой наступит!

— Я не стукач! — взвился Филимонов. — Но то, что в нашем доме хранят оружие, мне небезразлично! Кроме того, покой Нины — для меня превыше всего!

— Ладно, закончили! Идите-ка лучше спать, Тристан и Изольда! — подвел черту Башлыков.

Он вышел в прихожую, где его ждал Савельев, кинул на пол матрац, на него влажную простыню. Савельев положил сверху две подушки, принесенные с балкона, и легкое одеяло.

На другой день в назначенное время приятели прибыли в то самое уютное, ничем не примечательное кафе, где три дня назад состоялось знакомство с Боссом и его подручными.

Босс, как и в день знакомства, сидел напротив. Был в тех же темных очках и опять ел омлет... За его спиной затаились телохранители и еще какие-то люди. По правую руку от него, ближе к столу, устроился Затеиник.

— Оружие пристреляли? — спросил Босс, управившись с омлетом.

— Пристреляли... — невесело отозвались Башлыков и Савельев.

— А чего такие кислые физиономии? — усмехнулся Босс. — На боевое дело идете, кураж должен быть, как у спортсменов перед рекордом!.. Будем считать, что это от отсутствия опыта...

Подошел верзила-официант, видимо, тоже из телохранителей. Поставил перед Башлыковым и Савельевым по чашке кофе.

— Ну, а теперь — детали предстоящей операции... — Босс вытер губы белой накрахмаленной салфеткой. — Устранение «клиента» произведете в подъезде дома, где он проживает. Это самое удобное место... Приезжает он обычно из офиса в 19:15... С ним два телохранителя... Один обычно остается у входа в подъезд, второй сопровождает «клиента» до дверей квартиры... На первом этаже в подъезде сидит дежурная. Всякий раз «клиент» с телохранителем проходят мимо нее к лифту, затем поднимаются на третий этаж... Там вы и будете их ждать. Возле лифта удобная площадка... Когда они выйдут из кабины, один из вас выстрелит в голову телохранителю, который всегда выходит первым... Это будете вы! — после короткого раздумья Босс указал на Савельева, тот представлялся ему более решительным человеком, нежели артист. — А вы... — Босс взглянул на Башлыкова, — будете стрелять в «клиента»... Каждый должен произвести по три выстрела, чтобы было наверняка... Убедившись, что дело сделано, быстро сядете в машину, она будет ждать вас у дома, и уедете с места событий... Прочие детали на месте вам расскажет вот он, — Босс указал на Затейника. Затем сделал жест рукой, давая ему знак.

Затейник извлек из кармана конверт, протянул Боссу.

Тот достал из конверта фотографию, положил ее на стол перед Башлыковым. Артист, пивший кофе, увидел человека на фотографии, поперхнулся от ужаса и надолго закашлялся, брызгаясь слюной.

На фотографии было лицо Капустина.

Савельев потянулся к снимку рукой, взял его в руки. И тоже закашлялся, потрясенный.

— Да, да, это он! — подтвердил Босс, давая понять, что ошибки быть не может. И строго предупредил: — Если «клиент» что-нибудь узнает, вам хана! Мои парни вас под землей достанут... А сейчас отправляйтесь на место действия, посмотрите, что и как, изучите обстановку... Затейник вас будет сопровождать. Желаю удачи! И выше нос, господа артисты!

Башлыков и Савельев, с опущенными плечами, понуро, последовали за Затейником к выходу. Оба были в смятении.

На выходе из зала Башлыков остановился и обратился к Боссу:

— Можно вопрос?

— Излагайте!

— Как быть, если в лифте, кроме «клиента» и телохранителя, окажутся другие люди?

Босс переглянулся со своими подручными: дескать, бывают же идиоты!

— Любой уважающий себя человек, — ответил он, — заходит в лифт только со своими людьми!

— Ну а если?..

— Если произойдет подобная ерунда, — вздохнул печально Босс, — вам придется убрать и этих людей. Патронов в обойме достаточно.

Когда Башлыков и Савельев покинули зал, Босс отпил кофе из чашки и сказал с печальным выражением лица, словно скорбел о потере близких родственников:

— Как только эти идиоты сделают дело и сядут в машину, должно сработать взрывное устройство. —

И взглянул на одного из подручных: — Займись этим, Семен ... Жаль, конечно, господ лицедеев, но что поделаешь? Жизнь — невеселая штука!..

К месту предполагаемых событий, а точнее к дому, где жил Капустин, подъехал аккуратный, ладный микроавтобус.

Из «микрика» вышел Затейник, за ним — Башлыков и Савельев. Все трое направились к подъезду.

— Здравствуйте, уважаемая! — опережая вопрос дежурной, сидевшей в закутке у лифта, заговорил Затейник. — Мы из РЭО... Завтра будем менять лампы дневного света на этажах. Есть перегоревшие, от жильцов поступает много жалоб... — И далее, без паузы, обратился к своим спутникам: — Пошли, мужики! Пройдем по всем этажам, посмотрим количество замен...

Все трое, минуя лифт, пошли вверх по лестнице.

Внимание Савельева, шедшего последним, привлек электрощит, находившийся в стороне от шахты лифта и вне зоны видимости дежурной. Савельев, сам не зная почему, зафиксировал это обстоятельство.

Когда поднялись на третий этаж, Затейник обошел всю площадку, осматриваясь по сторонам. На площадке было пусто.

Затейник поднялся на один марш, прислушался. Этажом выше тоже никого не было.

Затейник спустился обратно, коротко посмотрел в окно, выходящее на улицу, и сказал:

— Вот здесь и будете работать, господа артисты.

Ознакомившись с местом будущих событий, получив инструкции Затейника, что и как делать в день

убийства, Башлыков и Савельев отправились к Тане. Ехать больше было некуда. Поделиться наболевшим можно было только с ней.

Выслушав рассказ о том, кого собирается убрать заказчик, Таня обхватила ладонями лицо.

— Ужас! Доигрался Капустин!.. А может, вы что-то напугали?.. — Она не могла поверить, что ее «фрэнд» определен в жертвы. — Может, речь о ком-то другом?

— Нет, это он. Нам показали фотографию, — сказал Савельев.

— И главное — адрес, — добавил артист.

— Да, адрес его, — согласилась Таня. И вдруг резко поднялась со своего места: — Надо предупредить Бориса!

— Это не поможет, — остановил ее Савельев. — А нас с Васькой точно пристрелят...

— Но я не могу спокойно сидеть, когда собираются убить близкого мне человека, — возбужденно заговорила она. — Хотя он и заевшийся «барбос»!

Савельев устало взглянул на нее:

— А если в жертвы изберут другого, то можно не дергаться?

— Да нет, конечно... — согласилась Таня и вернулась на свое место.

Башлыков вздохнул.

— В общем, мальчики и девочки, мы в жо... то есть в заднице! — поправился он, взглянув на Таню.

— Молчал бы уж, — сказал Савельев, — если бы не ты!.. Между прочим, ты обещал что-нибудь придумать... Пора бы уже!

— А я и придумал, — запетушился Башлыков. — Есть вариант... Даже два!

Савельев скептически посмотрел на приятеля.

— Ну и какой же первый?

— Значит, так... — Башлыков единым махом сдвинул посуду на столе в сторону, освобождая пространство в центре, словно подражал Чапаеву из знаменитого фильма, который излагал план наступления, используя при этом различные предметы. — Красим волосы в черный цвет, клеим тебе усы (у меня они есть), выдаем себя за лиц кавказской национальности! Останавливаем на улице первого попавшегося мента (в звании майора — не меньше) и говорим ему, что он — козел, паскудная рожа и прочее! После чего, естественно, он вызовет наряд, и нас арестуют. День операции проводим в ментовке, а заказчику скажем, что мы не виноваты — нас арестовали и продержали в КПЗ...

— И все?

— И все.

— Значит, останавливаем милиционера и говорим ему, что он — козел?

— Да, — кивнул радостно Башлыков. — Клевая придумка!

— А если этот майор пропустит оскорбление мимо ушей и пройдет мимо?

— Как это?

— А вот так! Посмотрит на нас и решит, что с нами лучше не связываться, может, в кустах сидят наши сообщники, и им нужен повод для драки?

Башлыков поморщился.

— Приземленный ты человек! Никакого полета фантазии!

— Второй вариант в том же духе? — спросил с иронией Савельев.

— Еще лучше! — снова оживился Башлыков. — Договариваемся с Татьяниным «фрэндом», попросим его, чтобы он одному из нас что-нибудь прострелил: ягодицу, к примеру, или мышцу на ноге...

— Это, конечно, будешь ты?

— Почему — я? — воспротивился артист. — Бросим жребий!.. Короче, раненый попадает в больницу, и таким образом оба выходят из игры... Главное: в день операции надо оказаться либо в ментовке, либо на больничной койке! В таком случае — взятки гладки... А аванс потом вернем.

— Все?

— Все.

Савельев поморщился:

— И как тебя с такой «богатой» фантазией в театр взяли?

Таня покачала головой.

— И вы еще можете шутить в вашем положении... Я предлагаю вызвать Бориса, все ему рассказать и вместе думать...

— Нельзя! — сказал Савельев. — В его окружении наверняка есть человек заказчика, и тот все может узнать...

— Ну, что ж, — философски заметил артист, — передашь своему «фрэнду», что он, исходя из его же теории, исчерпал свой жизненный ресурс и теперь не нужен небесной канцелярии!

— Прекрати! — потребовала Татьяна.

У Савельева неожиданно загорелись глаза. Он прошелся в нервном возбуждении из угла в угол, размышляя о чем-то одному ему ведомом.

— Послушайте, у меня есть план!

Накануне дня операции Савельев отправился домой повидать сына — мало ли как завтра сложатся обстоятельства, и сможет ли он выжить?!

Он открыл дверь ключом, вошел в квартиру.

Жена и теща сидели привычно в гостиной у телевизора. Восемилетний сын спал тут же на тахте, накрытый легким одеялом, из-под которого была видна его светлая стриженная голова. Мирная картина домашнего вечера.

Савельев остановился у обеденного стола, за которым, судя по неубранной посуде, совсем недавно пили чай. Потрогал ладонью электрочайник, он был еще теплый. Савельев ополоснул чью-то чашку, налил в нее заварку из фарфорового чайничка.

— Мы что, в разводе? — спросила жена, не отрывая глаз от экрана телевизора. — Три ночи ты где-то гуляешь...

— Да! — ядовито поддакнула теща.

Савельев пил чай стоя.

— Любимая, ты сама выставила меня за дверь. А я, как тебе известно, очень обидчивый. Мне было стыдно перед другом за твою бессердечность!

— Это не аргумент! — Жена не выдержала и посмотрела на Савельева. — Я жду, когда ты зарабатывать начнешь и не будешь шляться по пивным. Мне одной кормить всю компанию нелегко.

— Да! — вновь вставила теща, похожая из-за своей худобы и морщинистой шеи на облезлую индюшку.

— Деньги, деньги... — вздохнул Савельев. — Я рад, милые дамы, что ваши мысли по-прежнему устремлены к ним. Это завидное постоянство!

Жена скорбно взглянула на него, словно он разбил дорогостоящее блюдо или другую ценную вещь.

— Я тебя кормлю, речистый ты мой!

— Между прочим, три дня я ел в другом месте, — заметил Савельев. — Вычти из моего долга!

— Неужели завел кого-то?

— Да! — вновь прорезалась теща.

Савельев потянулся, оглядывая до боли знакомые стены.

— Мне надоело ваше стоячее болото... Ни одной шальной мысли! Вспомни, какая ты была веселая и заводная! — Савельев открыл платяной шкаф, достал чистую рубашку, переоделся. — Куда все это девалось?.. Съездили бы, что ли, на нудистский пляж... Обе! Прощлись бы там на пару голяком, глядишь, и жизнь по-другому стали бы ощущать...

— Ты бы еще на панель предложил пойти, — огрызнулась жена. — Мне и мамочке!

— Да! — опять крикнула теща.

— А что? Тоже интересные ощущения... — согласился Савельев. — Анна Петровна, — он взглянул на тещу, — любопытное это дело... Опять же прибавка к пенсии!

— Тася! Что он говорит?! — ужаснулась теща. — Меня, ударницу в прошлом, чемпионку по волейболу — на панель?! Он сошел с ума!..

Савельев подошел к сыну, несколько мгновений смотрел на него. Потом поцеловал в лоб. Взглянул на женщин.

— Если что, не поминайте лихом...

— В космос завтра улетаешь? — ехидно поинтересовалась жена.

— Вроде того, — кивнул Савельев и вышел за дверь.

Башлыков стоял на балконе и невесело оглядывал вечерний двор, жилые дома, окружавшие детскую площадку и стоянку для машин.

Повсюду в окнах ярко горели огни, звучала музыка, бормотали телевизоры, слышался звон посуды — жильцы ужинали и отдыхали после трудового дня.

Башлыков завидовал всем этим людям, завидовал их налаженному быту, их маленьким радостям.

Нина и Филимонов тоже ужинали, сидя в кухне, и о чем-то негромко беседовали.

Потом Нина поднялась и прошла через комнату к балкону, где находился Башлыков.

Тот почувствовал, что у него за спиной кто-то стоит, и негромко запел:

— Дельфин и русалка — не пара, не пара!..

— Иди поешь! — сказала Нина. — А то голодный, поди, как каторжник...

— Вот только насчет каторжников — не надо! — остановил ее жестом артист.

Но не стал ломаться и отправился вслед за бывшей женой — есть действительно хотелось.

Когда они вошли в кухню, Филимонов молча взглянул на Башлыкова и наклонился к своей тарелке.

Башлыков ополоснул над раковиной руки, подсел к столу. Внимание его привлекла початая бутылка коньяка, стоявшая на столе среди закусок.

— И нам нальют? — спросил он осторожно.

— Нальют, — отозвался Филимонов и наполнил рюмку, которую Нина поставила перед Башлыковым.

— Ну, за все хорошее! — оживился артист.

Оба выпили, стали закусывать. Филимонов, судя по его виду, был настроен мирно.

— А где сожитель? — поинтересовался он.

— Соскучились? — улыбнулся Башлыков и хрустнул малосольным огурчиком.

— Очень! — кивнул Филимонов.

— Должен скоро подойти... У нас с ним завтра ответственный день...

— Может, его пропишем? — спросил Филимонов и налил еще по одной.

— А что? Вариант! — согласился Башлыков. — Быстрее тогда расселят...

— Ага, жди! Расселят, если взятку хорошую принесешь! А где бабки взять? Их только на жизнь и хватает!

— Что ж ты, Нинон, — сказал Башлыков, берясь за куриную ножку, — поменяла шило на мыло?.. Я думал, твой стрелок не меньше банкира получает...

Филимонов промолчал, а Нина сказала:

— Не остри!.. Лучше расскажи про кейс и про оружие в нем... Что случилось? Я же по твоей, Василий, физиономии вижу, что у тебя что-то не так...

— Эх, Нинон! Да что тут говорить...

Зазвонил телефон. Таня сняла трубку.

— Я слушаю...

Звонил Савельев. Он стоял в телефонной будке напротив Таниного дома.

— Таня! — сказал он, глядя в ее освещенное окно. — Не знаю, что будет завтра и чем все кончится... Но я хочу, чтобы вы знали... Хочу сказать вам: я рад, что благодаря Ваське мы познакомились... Вы чудесный человек и прелестная женщина... Вы, вы... — у него не хватало слов, а хотелось сказать так много.

— Вы выпили, Коля?

— Я трезв как младенец!

— Вы меня переоцениваете... — скромно заметила Таня, хотя ей были приятны его слова.

А тот все никак не мог поставить точку.

— Если бы я мог... если бы я знал, что я вам... если бы вы были свободны... Я бы увез вас!

— Куда? — грустно усмехнулась Таня.

— Сам не знаю... Куда-нибудь!..

Неожиданно в вечернем воздухе загремели выстрелы: один, второй, третий... Через стекло будки Савельев увидел трех парней в пятнистых военных рубашках, которые бежали по улице и отстреливались от людей, на которых были черные маски.

Телефонная будка оказалась как раз между противниками, можно сказать, в центре огневой зоны. И те и другие палили друг в друга, не жалея патронов.

Савельев сполз на пол будки. Несколько пуль просвистело рядом с ним, одна разбила стекло.

— Что случилось? — услышал он в трубке перепуганный голос Тани.

— По-моему, очередной артобстрел! — сообщил он. И крикнул ей: — Я люблю вас!..

И воспользовавшись паузой в перестрелке, припустил во весь дух туда, где было многолюдно, где горели огни и ездил машины.

— Вот такая невеселая история, господа соседи. И все это произойдет завтра... — завершил свой рассказ Башлыков.

— Да-а... — выдохнул Филимонов. И залпом опрокинул рюмку в рот. — Вот интеллигенция! — не то

ругнулся, не то констатировал он, забыв закусить. И сочувственно спросил: — Ты хоть стрелять-то умеешь?

— Обижает, — ответил артист, — не только стрелять, даже попасть смогу...

— Ух ты! С двух шагов?

— С пятнадцати...

— Уже неплохо!.. — одобрил Филимонов. И вдруг заявил: — Я пойду завтра с вами!

Нина, сидевшая после рассказа Башлыкова с поникшим лицом, встрепенулась.

— Ну вот еще! Никуда ты не пойдешь!.. Было у меня два мужа, а завтра может оказаться — ни одного...

— Пойду! — упрямо тряхнул головой Филимонов. — Филимонов никого не бросал в беде, даже педиков! Мы, если надо, эту саранчу перестреляем — всех до одного! — И он сжал кулак.

— И меня заодно пристрели! Потому как в третий раз выходить замуж — мне здоровья не хватит... — Нина взяла бутылку с остатками коньяка и убрала в буфет.

Филимонов придвинулся к Башлыкову.

— Ты Нину Сергеевну не слушай, это она просто так... Она человек душевный, с пониманием... — принялся объяснять он, словно Нина и Башлыков были людьми, мало знакомыми друг с другом.

В дверь позвонили. Все переглянулись. Нина пошла открывать.

— Это мой друг, мастер изображения! — объяснил захмелевший Башлыков Филимонову. — Прошу не обижать!

На другой день, в послеобеденное время, Савельев и Башлыков вышли из дома. Савельев шел впереди, Башлыков с кейсом чуть сзади. Оба волновались, но старались не показывать этого.

Во дворе за детской площадкой, огороженной деревянной решеткой, стоял микроавтобус, возле которого топтался Затейник. Водитель, — его напарник — подуставший, вероятно, от бандитских занятий, тихо спал за рулем.

— Поплыли! — скомандовал Затейник, когда приятели подошли к нему.

— Одну минутку! — удержал его Савельев.

— Ну, что там еще? — недовольно повернулся тот.

— Видите ли, — набравшись духу, заговорил Савельев, — мы бы хотели получить деньги заранее...

— Да! — поддержал его Башлыков. — Есть опасения, что после «операции» вас не найдешь. Ищи ветра в поле!

— Хохмы в сторону, — нахмурился Затейник. — Пльвем на дело, а там разберемся!

— Без бабок работать не будем...

Савельев и Башлыков, как по команде, развернулись и пошли обратно к подъезду.

Затейник оторопел от такой наглости. Потом кинулся следом и, когда настиг их, приставил к спине Савельева пистолет, а артиста ухватил за ворот рубашки.

— Ну, вы, мандалаи! — прошипел он. — Я с вами шутковать не намерен! Баксы получите после завершения дела, как было уговорено!

— Деньги вперед! — не уступал Савельев, но, судя по бледности лица, подобная твердость давалась ему нелегко.

— Сейчас у тебя в позвоночнике будет дырка! — жарко пыхнул ему в затылок Затейник и ткнул дуло в спину выше поясницы.

Наступила пауза.

Когда Затейник посчитал, что дело сделано и бунт усмирен, он вдруг почувствовал, как ему в затылок уперлось дуло пистолета.

За его спиной стоял Филимонов со спортивным пистолетом в руке.

— Отпусти пушку, кабан, — приказал он, — и делай, что говорят...

— Да не могу я, — сдался Затейник. — У меня нет с собою таких бабок! Мы же на дело едем!

— Позвони главному, — предложил Савельев. — Иначе: гудбай, Америка!

— Пушку отдай! — потребовал Филимонов.

Затейник послушно отдал пистолет. Попытался взглянуть в лицо того, кто стоял у него за спиной, но Филимонов, толкнув его дулом в щеку, не дал этого сделать.

— Не шевелись, браток!

Затейник вынул из кармана сотовый телефон, набрал номер.

— Алло! «Ликер»? Это «Метакса». Соедини меня с Боссом... Босс? Тут эти... артисты просят бабки вперед...

Заказчик, сидевший в своем офисе в большом уютном кресле, удивился.

— Ты что, не знаешь, как действовать? Прижми этих кретинов, и все дела!

— Не могу, — вздохнул Затейник, ощущая затылком дуло. — Есть обстоятельства...

Заказчик размышлял несколько мгновений.

— Хорошо, — согласился он. — Деньги привезут к месту операции. Скажи этим папуасам, что они их получают у дома «клиента»...

Микроавтобус въехал в большой двор, где высился многоэтажный дом сталинской постройки, и остановился метрах в двадцати от подъезда.

— Мы на месте, — сообщил в трубку сотового телефона Затейник.

Не прошло и минуты, как к микроавтобусу подошел стриженный наголо крепкий парень с наглой физиономией. Он сел в машину, взглянул сурово на Савельева и Башлыкова. Вынул из кармана конверт с деньгами и молча протянул его Затейнику.

Затейник, не заглядывая в конверт, передал его Башлыкову, сидевшему напротив.

Башлыков открыл конверт, увидел внутри толстую пачку долларов и на мгновение зажмурился от радостного чувства. Ни разу в жизни он не держал в руках столько денег сразу.

Савельев толкнул приятеля коленом. Артист тут же пришел в себя. Вынул из пачки наугад одну из сто долларовых купюр. Внимательно осмотрел ее на свет, обнюхал, пощупал, погладил, проверяя выпуклость букв, — деньги были настоящие.

— Гут! — констатировал он, завершив изучение купюры.

Угрюмый малый, принесший конверт с деньгами, не сказав ни слова, вылез из машины и удалился.

Затейник взглянул на часы.

— Все, бабки у вас. Теперь за дело! У вас на подготовку — полтора часа, — сказал он. — Я буду поблизости — этажом выше...

Надо сказать, сообщение Затейника о том, что он будет этажом выше, привело приятелей в замешательство, и они в панике переглянулись. Наличие согляда-тая в подъезде могло нарушить их план. И оба удрученно спросили:

— Зачем? Что, мы не справимся?

— Так надо, — ответил Затейник. И пояснил с мрачным видом: — На случай, если вы надумаете слинять... Тогда я прострелю ваши тупые мозги!

Башлыков от волнения бесстрашно заметил:

— Положим, насчет тупости — мы могли бы посоревноваться...

— В другой раз! — отрезал Затейник. — А теперь за дело!

Переодевшись в спецовки, вся компания, кроме водителя, вылезла из микроавтобуса и направились к подъезду.

Первым, с раздвижной лестницей-стремлянкой, привезенной в «микрике», шагал Башлыков. Следом шел Савельев: в правой руке — кейс с оружием, под мышкой другой — несколько длинных коробок с лампами дневного света. Замыкал шествие Затейник в бейсболке, надвинутой на глаза. В руке он держал небольшой чемоданчик.

За троцей, шедшей через двор к подъезду, внимательно наблюдали из темно-синей иномарки, стоявшей в глубине двора, несколько пар глаз. Это были Босс и его подручные. Босс не мог пустить столь ответственное дело на самотек и хотел держать руку на пульсе происходящего.

— Ну, с Богом! — умиротворенно сказал он, когда троїца скрылась в подъезде. — Лишь бы эти папуасы ничего не напутали...

Троица тем временем миновала пост дежурной, читавшей книгу и коротко взглянувшей на вошедших, и направилась пешком по лестнице на третий этаж.

Придя на место, Савельев и Башлыков первым делом поставили в рабочее положение стремянку. Разложили на полу коробки с лампами, две извлекли из упаковки и поставили к стене, якобы для замены перегоревших.

Затейник, устроившись у подоконника, открыл свой чемоданчик, достал оттуда наушники с микрофоном на обруче. Надел эту конструкцию на голову, после чего стал походить на поп-певца.

— «Ликер», «Ликер»! Я — «Метакса»! — вполголоса проговорил он. — Проверка связи! Проверка связи!

Один из подручных Босса, сидевших в машине, с наушниками на голове и микрофоном у губ, ответил Затейнику:

— «Метакса», «Метакса»! Слышу тебя, слышу! Связь работает хорошо!

— Отключаюсь и перехожу на внутреннюю связь! — сказал Затейник и что-то переключил в своем чемоданчике.

Потом достал еще одну пару наушников с микрофоном, нацепил их на голову Башлыкову. Поднялся на один лестничный пролет вверх и спросил негромко в микрофон:

— Артист, ты меня слышишь?

— Очень хорошо!

— Ну и отлично!

Затейник вернулся на прежнее место.

— А теперь, — сказал он, — приготовьте оружие, чтоб оно было в рабочем состоянии...

Тем временем во дворе происходили следующие события.

Водитель микроавтобуса вылез из машины. Вид у него был такой, словно он вышел размяться. Парень огляделся по сторонам и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, ловко сунул под днище своего микроавтобуса взрывное устройство на магните.

Потом обошел машину по кругу и, вновь зорко оглядевшись, поставил под днище еще одно взрывное устройство — сзади.

Действия водителя, когда тот устанавливал второе взрывное устройство, заметил Филимонов, въехавший ранее на стареньких «Жигулях» во двор и стоявший в тени деревьев на неприметном месте.

Филимонов проводил водителя внимательным взглядом.

Тот неторопливо пересек двор и сел в иномарку, стоявшую в глубине двора.

Убедившись, что его никто не видит, Филимонов, пригнувшись, вылез из «Жигулей». И, прячась за машинами, перебегая с места на место, добрался до микроавтобуса.

Присев на колени, пошарил рукой под днищем. Нашупал взрывное устройство и оторвал его...

— Ну как? — спросил Босс, когда водитель «микрика» сел в машину.

— На якоря поставил, — отрапортовал тот. И, вынув из кармана пульт управления, пошутил: — Для полета в космос все готово!

— Ну и ладушки! — кивнул Босс. — Нажмешь кнопку, когда эти хмыри вернутся и сядут в «микрик».

— А как же баксы?! — крутанулся на водительском месте хмурый малый, доставивший Затейнику конверт с деньгами.

— Какие баксы?

— Которые у них!

— Увы! Отправятся к Богу вместе с этими лопухами!

— Босс, такие бабки теряем! — занервничал малый. — Давай я этих козлов в подъезде перехвачу...

— Не дергайся, Батон! — остановил его Босс. — Широты в тебе нет... Все по низам летаешь! Иногда нужно отдать, чтобы больше иметь в будущем...

Проверив все детали и убедившись, что Савельев и Башлыков готовы к «операции», Затейник ушел на этаж выше, взяв с собой пару ламп дневного света — для отвода глаз.

— Артист, как слышишь меня? — спросил он в микрофон, проверяя связь.

— «Ликер»! «Ликер»! Слышу тебя хорошо! — отозвался Башлыков.

— Заткнись, сука! Я тебе не «Ликер»! — ругнулся Затейник. — Ждите моей команды...

Филимонов, прячась за машинами, совершая короткие перебежки, добрался до иномарки, где сидел Босс и его ребята.

Последние несколько метров он прополз по земле. Убедившись, что он не обнаружен, Филимонов поставил взрывное устройство под днище иномарки.

Встав на магнит, взрывное устройство ощутимо щелкнуло.

Этот звук услышал чуткий ко всему Босс.

— Что это? — спросил он, оглядывая своих подручных, и глаза его настороженно блеснули.

Те замерли, прислушиваясь. Вокруг было тихо.

Замер и Филимонов, лежа на земле и затаив дыхание. Выдержав паузу, он тихо отполз в сторону и скрылся в кустарнике.

Хмурый малый, он же Батон, вылез из иномарки, прошел к багажнику, осмотрел автомобиль сзади. Не обнаружив ничего подозрительного, вернулся обратно в машину.

«Мерседес» Капустина подъехал к подъезду дома в 19:05.

Открылась передняя дверца, и оттуда вылез светловолосый парень, телохранитель, в костюме с галстуком, с волевым лицом героя «Нибелунгов» — Зигфрида. Оглядев двор и не заметив ничего подозрительного, он открыл заднюю дверцу.

Капустин вылез из машины.

Затейник, наблюдавший происходящее в окно четвертого этажа, сказал негромко в микрофон:

— «Пчела» прилетела! Готовность номер один!

— Ясно, — отозвался Башлыков. И повернулся к Савельеву: — «Клиент» прибыл...

Савельев понимающе кивнул и, стараясь двигаться бесшумно, побежал на первый этаж — к щитовой коробке лифта, — чтобы действовать согласно разработанному плану.

Капустин тем временем в сопровождении двух телохранителей прошел к подъезду. С одним из них — «Зигфридом» — вошел внутрь...

Босс и его парни, наблюдавшие за ними, замерли в ожидании дальнейших событий.

Капустин и «Зигфрид» миновали пост дежурной, которая любезно поздоровалась с ними, остановились у лифта. Телохранитель вызвал кабину.

Капустин негромко что-то мурлыкал под нос и вдруг увидел у электрощита ремонтника в спецодежде. Тот что-то делал, копаясь в коробке. Еще раньше увидел электрика «Зигфрид», рука его полезла под полу пиджака и стиснула рукоятку пистолета — мало ли!

Но электрик был занят своим делом — проверял провода, осматривал предохранители.

Поначалу Капустин не придал этому значения (ну стоит какой-то работяга, чего-то чинит), хотя что-то в облике электрика, стоявшего к нему спиной, показалось ему знакомым.

И только войдя в лифт, он вдруг понял, что знает этого человека, и вспомнил, кто это. У Капустина задрожали губы.

— Не может быть... — прошептал он, бледнея.

«Зигфрид» тем временем нажал кнопку, и лифт поехал вверх.

Капустин — куда только девались его высокомерие и выдержка! — испуганно вжался в угол.

— Что такое? — обеспокоился «Зигфрид».

— Жми на другой этаж! Выше — жми! — приказал Капустин.

Как только кабина дошла до второго этажа, Савельев выдернул из щита один из трех предохранителей. Цепь разомкнулась, и кабина встала между этажами. В этом и заключался Савельевский план: запереть Капустина в лифте и сорвать, таким образом, операцию.

Сделав свое дело, Савельев стремительно вернулся на третий этаж, где его ждал Башлыков.

— Что происходит? — спросил в микрофон обеспокоенный Затейник. — Почему они не едут?

— «Ликер»! Кажется, лифт застрял! — невинно отозвался Башлыков.

— Какого черта! — выругался Затейник. — Свяжешься с недоносками!..

— А мы-то при чем? — обиженным голосом ответил артист.

Затейник метнулся к лифту. Приложил ухо к двери: лифт действительно стоял. Глаза у Затейника забега-ли — он мучительно думал, что предпринять в этой ситуации?

Тем временем в кабине лифта Капустин был на грани нервного припадка.

— Почему мы застряли?

«Зигфрид» только пожал плечами. Выхватил пистолет и снял его с предохранителя, готовый отразить нападение.

— Нет, нет! Я еще не исчерпал свой ресурс! — застонал в истерике Капустин. — Слышите?! Еще не исчерпал!.. Предатели! Сволочи! Негодяи!..

— Лифт точно накрылся! — сказал Башлыков в микрофон, обращаясь к Затейнику. — И стоять, вероятно, будет минут сорок, пока не явится мастер... Надо сматывать удочки, «Ликер», — до другого удобного случая!

— Я вам сметаю, суки, удочки! — взвился в бешенстве Затейник и помчался вниз на третий этаж. — Стоять! — приказал он приятелям.

А те и так стояли у стремянки и не двигались.

Капустин в ярости продолжал стелать в лифте и бился головой о стену кабины.

«Зигфрид», прикрывая его спиной, повернулся лицом к двери, прислушиваясь к звукам и голосам за стенами кабины.

Затейник, в свою очередь, тоже прислушивался к звукам в шахте лифта, пытаясь понять, что там происходит, но, кроме невнятных причитаний Капустина, ничего не смог уловить.

— Послушай, братан, мы пойдем! — сказал Савельев, обращаясь к Затейнику. — Ждать, когда придут и починят лифт, — глупо! Опять же, если починят, будет немало свидетелей. Давай сматывать удочки!

— Верно! — поддержал его хнычущий Башлыков. — Чего здесь понапрасну сидеть?.. Видимо, не судьба! — добавил он философски. — А что Бог ни делает — все к лучшему!

Обычно решительный, Затейник был в растерянности, не зная, что делать в такой непредвиденной ситуации. Его душила ярость, и он готов был разрядить свой пистолет в двух недоносков, которые стояли перед ним. Но сделать так — значит дать понять Капустину, что на него идет охота.

Башлыков и Савельев, видя мучения Затейника, не стали испытывать судьбу, побросали оружие в кейс и помчались вниз.

Затейник хотел что-то крикнуть им, но только отчаянно махнул рукой. И опять приложился ухом к двери лифта.

Когда приятели добежали до первого этажа, то увидели, что возле электрощита стоит какой-то че-

ловек, судя по одежде — электрик. Это действительно был он. Электрика вызвала лифтерша, благо жилконтора находилась в соседнем подъезде, и тот явился незамедлительно. Обнаружив вытянутый из гнезда и лежащий тут же предохранитель, электрик был в недоумении: дети, что ли, хулиганят? Отругав лифтершу, призванную следить за порядком, за отсутствие бдительности, он вернул предохранитель на свое место.

Башлыков и Савельев бросились опрометью из подъезда, понимая, что еще немного — и поломка лифта будет устранена.

Так и произошло. Заработал мотор, и кабина лифта пошла вверх.

— Жми на пятый! — приказал Капустин, осознав, что они движутся. — На пятый жми!

«Зигфрид» нажал кнопку «стоп» и тут же надавил кнопку с цифрой «пять».

Кабина лифта, остановившись на мгновение, вновь пошла вверх.

Затейник услышал, что крикнул Капустин телохранителю, и рванулся на пятый этаж. Несколько лестничных пролетов он преодолел за считанные секунды.

На площадке пятого этажа он встал у стены прямо напротив лифта, направив свой пистолет на дверь кабины.

Но «Зигфрид» тоже был не лыком шит. Он был готов к нападению. Он направил пистолет на дверь и только ждал момента, чтобы спустить курок.

Вот лифт остановился. Дверь стала медленно отъезжать. Не дожидаясь ее полного открытия, «Зигфрид»

произвел наугад несколько выстрелов веером. Две пули попали в Затейника, смертельно ранив его.

Но тот успел произвести три ответных выстрела, прежде чем свалился замертво на пол, оставляя на стене, по которой сползал вниз, кровавую полосу. Хрустнули под ним слетевшие с головы наушники.

Одна из пуль попала «Зигфриду» в грудь. Шатаясь, тот вывалился из кабины на площадку и, убедившись, что сообщников у убитого нет, взглянул на Капустина: путь свободен! — и тоже упал, бездыханный, на пол возле тела своего убийцы.

Капустин, бледный, всклокоченный, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, сидел на полу в углу кабины и всхлипывал.

Звуки стрельбы только подстегнули Савельева и Башлыкова. Оказавшись на улице, они помчались к микроавтобусу, надеясь там укрыться.

В иномарке один из подручных Босса, тот, что был в наушниках и слушал все, что происходило внутри подъезда, сказал:

— Я насчитал восемь выстрелов... Но что-то быстро они выскочили из подъезда.

— Дело сделано, а это — главное! — засмеялся Босс и потер от удовольствия ладоши.

Савельев и Башлыков тем временем добежали до микроавтобуса. Открыв дверь и не обнаружив водителя на своем месте, Савельев заподозрил неладное.

— Водилы нет! Дело нечисто! Бежим отсюда! — крикнул он Башлыкову.

И оба бросились в сторону от машины.

Увидев это, Босс дернулся на сиденье.

— Жми кнопку, сейчас уйдут! — крикнул он тому, кто держал пульт дистанционного управления.

Тот нажал кнопку.

Два взрыва прозвучали одновременно: один — раз-метал на части иномарку, где находились Босс и его помощники, второй — превратил в огненный шар микроавтобус.

Взрывная волна подхватила Савельева и Башлыкова, подбросила их высоко вверх и вынесла к трехэтажной жилой постройке. Уже падая вниз, оба успели ухватиться руками за железный край крыши и повисли в воздухе.

С закопченными лицами, оглушенные, с безумными глазами, они висели высоко над землей, дрыгая ногами, и силясь удержаться.

— Кажется, пронесло, — сказал Башлыков.

Савельев посмотрел вниз, оценивая высоту.

— Еще неизвестно, что лучше, — сказал он. — Я бы не хотел еб...ться задом с третьего этажа. А к этому все идет... Руки у меня не железные... И черт меня дернул пойти с тобой наниматься на работу по наводке этого болвана!

— Зато теперь у нас есть бабки! И все зеленые! — не терял оптимизма Башлыков.

— Это верно, — согласился Савельев. — Можно устроить пышные похороны!

— И сделать хороший закус! — добавил артист.

— Но закусывать, приятель, будут другие... — Савельев взглянул на свои побелевшие пальцы, вцепившись в кромку крыши. — Если останешься жив, передай от меня привет Тане...

— «Привет»... Мог бы и поцелуй передать! — прохрипел артист. Он тоже держался из последних сил.

Загремела крыша, слышались гулкие шаги. Это был Филимонов, их спаситель.

— Эй, вы, педики! — весело крикнул он. — Как вы тут? Держите веревку!.. Только по очереди, не оба сразу...

Упираясь ногами в крышу, он бросил приятелям конец бельевой веревки, сложенной вдвое. Савельев — он был ближе — ухватился за веревку и вполз на крышу. Таким же образом втащили наверх Башлыкова.

Оба уселись на кровлю, обессиленные, потные, стараясь отдышаться, все еще не веря в свое спасение. Филимонов приблизился к ним, присел рядом.

— Конечно, было бы лучше оставить вас здесь, — философски заметил он. — А то ведь опять к нам попретесь, я вас знаю... Никакой личной жизни! Хотя номер в гостинице снимай!

Приятели посмотрели на него и неожиданно рассмеялись, было что-то нервное и счастливое в этом смехе одновременно. Филимонов покачал головой, не одобряя подобное легкомыслие. А они всё смеялись и смеялись как заведенные, опрокинувшись навзничь, обратив лица к небу, не в силах остановиться, радуясь чудесным мгновениям бытия и тому, что остались живы, радуясь недоуменному виду Филимонова, который поглядывал на них, качая головой, и это состояние радости было залогом дальнейшей доброй дружбы.

А вокруг лежал город, в котором мы с вами живем, его дома, крыши, переулки, его машины и трамваи, его бульвары и дворы, его дети, его влюбленные, его смельчаки и трусы, его радости и надежды...

Но... Опять это самое дурацкое «но»! Сквозь шумы города, стоит только внимательно вслушаться, вы уловите звуки выстрелов, гремящие время от времени то в одной стороне, то в другой, то на дальних окраинах. Где-то там все еще ходят люди, не желающие, чтобы в городе была нормальная жизнь и соблюдались законы. И от нас с вами зависит, как долго они будут творить зло.

1997

ДВОЙНАЯ ПРОПАЖА

В цирке шло представление. Сияли огни, играла музыка. На арене показывал фокусы известный артист оригинального жанра Петр Самоваров. Это был мужчина средних лет, лысый, скорбный, с искривленным носом и крупными ушами, и, если бы не смокинг и галстук бабочка, которые были на нем, его можно было бы принять за мастера цеха на заводе или футбольного тренера.

Зрители с интересом следили за действиями иллюзиониста. Им нравились и его фокусы, и его простоватая, подкупающая внешность.

Вот Самоваров постучал черной палочкой по цилиндру, который держал в руках, и оттуда вылетели два белых голубя. Облетев арену по кругу и сорвав аплодисменты, голуби унеслись в неизвестном направлении.

Самоваров окинул зрителей загадочным взором и вновь постучал по цилиндру. На этот раз оттуда с ревом вылетели одна за другой две петарды и, рассыпая множество искр, унеслись куда-то вверх — на колосники.

— Здорово! — шепнул своей жене Патрикеев, упитанный мужчина, похожий на оперного тенора, сидевший во втором ряду.

— Да, милый, — согласилась жена, модно одетая женщина лет тридцати, устремив взор на колосники.

Виктория, ассистентка Самоварова, длинноногая, стройная, выше своего «шефа» на целую голову, одетая в короткое платье с блестками, взяла у него из рук черную палочку и взамен дала другую — вишневого цвета.

Самоваров показал зрителям, сидящим в первых рядах, внутренность большой черной коробки, чтобы они убедились, что та пуста. Затем поднял вверх вишневою палочку, призывая зрителя следить за его действиями, и постучал по коробке с наружной стороны. Ничего не произошло. Самоваров сделал озабоченный вид и вновь постучал палочкой по коробке. И опять ничего не последовало.

Самоваров скорбно вздохнул, взглянул просительно на музыкантов, и те перестали играть, отчего в цирке стало тихо-тихо. Самоваров в третий раз постучал палочкой по поверхности коробки. На этот раз трюк получился. В зале коротко мигнул свет. И из коробки вылетел аист, держащий в длинном клюве узелок с грудным ребенком. Что в узелке находится ребенок, стало ясно после того, как оттуда донесся детский плач. Зал дружно зааплодировал. Аист сделал круг над ареной и приземлился за спиной Самоварова. Ребенок в узелке шевелился и продолжал громко плакать.

— Какая радость: аист принес младенца! — воскликнул Самоваров, оглядывая зрителей. И громко спросил: — Кому нужен ребенок? Ну? Есть желающие?

Зрители засмеялись в ответ.

— Может быть, вам? — спросил Самоваров у пожилой четы, сидевшей в первом ряду.

— Что вы, что вы! — отмахнулись те. — Нам уже поздно. У нас — внуки.

— Или вам? — обратился Самоваров к Патрикееву и его яркой жене. — Берите! Не пожалеете! Гарантирую, младенец — что надо — без изъянов!

— Нет, нет, нет! — замахала руками, веселясь, жена Патрикеева. — Только не это!

— Зря! — воскликнул Самоваров. И добавил: — Вам же нужен ребенок?.. — Чем немало смутил супружескую чету. — Смотрите, потом жалеть будете...

В пятом ряду поднялась женщина в полный рост.

— Я возьму! Можно? — выкрикнула она.

— Анна, ты что?! — попыталась удержать ее от опрометчивого поступка подруга.

— Оставь!

— Подставная баба! — шепнул зритель в лекторских очечках своей пышногрудой жене и пятилетнему сыну, сидевшему с восхищенно открытым ртом. Мальчик все никак не мог прийти в себя: надо же, аист — из коробки!

Самоваров взглянул на женщину в пятом ряду, оценивая: можно ли доверить ей ребенка? Решил, что можно. Подошел к аисту, вынул у него из клюва узелок с младенцем, который тот держал за край пеленки, и сунул птице в рот кусок рыбы.

— Спускайтесь, гражданка, — позвал он женщину. — Вот ваш ребенок!

Женщина, посматривая себе под ноги, спустилась на арену. Взяла ребенка на руки, заглянула в его ли-

чико и, под смех и аплодисменты зрителей, с кроткой улыбкой на лице, направилась к выходу.

— Желаю счастья! — крикнул ей вдогонку Самоваров.

Пока все это происходило, цирковые рабочие погрузили аиста в клетку и унесли его. Затем выкатили на арену средних размеров конструкцию, представлявшую собой большой двухдверный темного цвета шкаф, укрепленный на широком помосте.

Самоваров открыл правую дверцу и жестом пригласил Викторию последовать внутрь шкафа. Та послушно поднялась по ступенькам на помост и зашла в шкаф. Иллюзионист закрыл за нею дверцу. Бросил скорбный взгляд на публику, коснулся палочкой боковой стенки шкафа. Затем открыл обе дверцы, чтобы у зрителей не оставалось сомнений — шкаф был пуст.

— Папа, а где она? — спросил мальчик у своего сведущего папы в лекторских очечках.

— Где-то там... — озадачился папа. — Вероятно, обман зрения.

— А что такое — «обман зрения»?

Самоваров тем временем закрыл дверцы шкафа и после барабанной дроби, прозвучавшей в оркестре, вновь отрыл их. Улыбающаяся Виктория вышла из шкафа и спустилась с помоста на арену, вскинув в приветствии вверх руки.

Зал ответил дружными аплодисментами.

— Приглашаю желающих совершить путешествие в шкаф! — воскликнул Самоваров, обращаясь к зрителям. — Ну, что же вы! Смелее! Неужели в этом зале

нет решительных людей? — Он подошел к солидному мужчине лет пятидесяти. — Не желаете прогуляться в неведомое? — Тот замахал руками.

Взгляд Самоварова вновь, как и пятью минутами ранее, остановился на Патрикееве и его яркой жизнерадостной жене.

— А вы, не желаете?

Патрикеев стыдливо покачал головой, отказываясь, а его привлекательная жена, наоборот, азартно тряхнула волосами и воскликнула:

— А почему бы нет?

Поднялась со своего места и, отталкивая руки мужа, цеплявшие ее, устремилась на арену.

— Вот и чудесно! — кивнул Самоваров. — Это не страшно. С парашютом прыгать гораздо страшнее. Я тут на прошлой неделе прыгал с парашютом, до сих пор колени дрожат!..

Самоваров протянул руку жене Патрикеева.

— Как вас зовут?

— Ирина... Ирина Александровна, — ответила та, нервно смеясь.

Самоваров проводил Патрикееву до шкафа.

— Прошу, — склонился он в галантном поклоне.

Женщина, нервно хохотнув, шагнула внутрь шкафа и повернулась к публике лицом.

Ассистентка Виктория закрыла обе дверцы и отошла в сторону.

Зазвучала барабанная дробь. Самоваров коснулся палочкой боковой стенки шкафа, после чего распахнул дверцы. Из шкафа вылезли две обезьянки, одетые в цветные штаны и рубашки. Виктория взяла их за пе-

редние лапы — так воспитательница в детском саду берет за руки детей — и увела их с арены под аплодисменты зрителей. Шкаф был пуст.

Оркестр заиграл на полную катушку, свидетельствуя о завершении номера. Самоваров раскланялся и ушел.

Вышли рабочие, разобрали шкаф на составные части и все унесли. Куда девалась Патрикеева, было непонятно.

Патрикеев, муж, нервно хохотнув, оглядел соседей, ища у них поддержки.

— А где моя жена? И фокусник? Где фокусник? — И вдруг, забеспокоившись, крикнул в пространство: — Верните жену!

Сидевшие возле него зрители веселились от души, довольные столь оригинальным окончанием номера, в полной уверенности, что женщина, вышедшая на арену, из «подставных».

Но Патрикееву, надо признать, было не до смеха.

С трудом он дождался окончания представления. Выкатился вместе с толпой в фойе, ища глазами жену. Но той нигде не было.

Взвинченный, он прорвался за кулисы и побежал искать примерную фокусника с намерением закатить тому скандал.

За кулисами ему показали нужную дверь. Без стука он ворвался в комнату.

— Ира, ты здесь?

В примерной находилась только Виктория. Она сидела у зеркала и снимала грим. Ни Самоварова, ни жены Патрикеева в комнате не было.

— Где он? Где ваш фокусник? — набросился на нее Патрикеев.

— Не знаю, — растерянно ответила та. — Куда-то исчез.

— Что значит — исчез? Пусть вернет мою жену, а потом исчезает!

Виктория сочувственно взглянула на Патрикеева.

— Я правда не знаю, где он... Я задержалась в коридоре, встретила подругу, прихожу сюда: никого. Прошло уже не меньше получаса. Вот здесь его городской костюм, прочие вещи, а где он сам, не знаю...

— Где моя жена?! — нервно вскричал Патрикеев.

Виктория пожала плечами. И спросила в свою очередь:

— Разве она не вернулась в зал?

— Нет, не вернулась!

— Ничего не понимаю... — Виктория тоже занервничала. — Где они могут быть? — И высказала предположение: — Возможно, Самоваров зашел к директору...

— С моей женой? — дернулся Патрикеев. — Черт знает что такое! Берут жену, не спрашивая согласия, и — с концами!

Он метнулся в коридор и помчался искать кабинет директора.

Директор цирка, энергичный, еще нестарый человек, сын знаменитого в прошлом клоуна, принимал у себя иностранцев, с которыми обсуждал детали предстоящих за границей гастролей.

Трясущийся Патрикеев промчался мимо секретарши, готовившей гостям кофе, — та даже охнуть не ус-

пела — и влетел в кабинет. Следом за ним в кабинет проскочила догнавшая его Виктория.

— В чем дело? — спросил директор цирка, увидев незнакомого возбужденного мужчину.

— Где фокусник Самоваров?

— Понятия не имею, — ответил директор цирка. — Наверное, на арене... — Он взглянул на часы. — Или в гримерной, если представление закончилось...

— В гримерной его нет!

— А в чем, собственно, дело? — возбудился директор цирка, недовольный тем, что ему помешали. — И почему я должен знать, где сейчас находится Самоваров? У меня сотни работников...

— У меня исчезла жена. Мы сидели в зале. Самоваров пригласил ее участвовать в номере. Жена согласилась. Он закрыл ее в шкафу, или в ящике, — как там у вас... и она исчезла. Вот, — он повертел в руках дамскую сумочку, — только сумочка осталась...

Директор цирка бросил взгляд на бледную Викторию, стоявшую за спиной нежданного гостя, и спросил:

— Где Самоваров?

— Не знаю, — ответила та. — В гримерной он не появлялся, хотя все его вещи там. И в финале не вышел... — И коротко констатировала: — Исчез!

— Выходит, они оба исчезли?.. — Директор цирка задумался. И вдруг высказал неожиданное предположение: — А может, они сбежали вдвоем? Любовь и все такое... Знаете, как это бывает? — И ясно взглянул на Патрикеева: — Напрасно вы в таком случае шумите.

— Ну вот еще! — возмутился Патрикеев. — Они даже не знакомы. И потом: ваш Самоваров — и я!

Он старше лет на пятнадцать! Смешно даже сравнивать, — самоуверенно заявил осиротевший муж и ослабил ворот рубашки. — И потом, вы не знаете Иру...

— Всякое бывает, — не сдавался директор цирка. — Любовь зла!

— Слушайте, верните мне мою жену!

— Да где ж я ее возьму, гражданин? Ищите Самилова, он заварил эту кашу, пусть и расхлебывает... — Директор сделал строгое лицо: — И оставьте нас, у нас важный деловой разговор. — Он кивком головы указал на сидящих за столом иностранцев, которые с любопытством наблюдали за происходящим с помощью переводчика.

— Черт знает что такое! — Несчастный Патрикеев чуть не плакал. — Что за страна! Идешь в цирк как порядочный человек, вдвоем с женой, и — нате вам!

Вытесняя непрошенных гостей, директор цирка довел их до дверей и сказал, обращаясь к Виктории:

— Если Самилов не объявится, вызывайте милицию... Пусть они и выясняют, что и как.

Капитан Резцов, следовательно, возглавлявший милицейскую бригаду, прибывшую в цирк для выяснения обстоятельств исчезновения фокусника, был человек современный, деловой, не любил тратить время попусту. И хотя интересно было познакомиться с миром цирка, с атрибутами работы иллюзиониста, которыми была наполнена гримерная, но на это не было времени, — Резцов сегодня еще надеялся попасть в гости к своему приятелю Дудкину, жившему в милицейском общежитии, где предполагалось веселое застолье и ожидалось «свежие» девушки.

— Значит, после того, как вы покинули арену, Самарова вы не видели? — спросил Резцов, обращаясь к Виктории.

— Не видела, — подтвердила та.

— И в финале представления, где ему полагалось выйти на арену с другими участниками, он не появился?

— Да, я вышла одна.

— Значит, по вашему мнению: он исчез.

— Получается так... Вот его брюки, пиджак, в которых он пришел сегодня на работу, вот его сумка... Он никогда не уходит из цирка в costume для выступлений. Считает это недопустимым, как если бы балерина стала расхаживать по городу в пачке, в которой танцует на сцене.

Резцов взял в руки сумку, проверил ее содержимое: там были деньги, всякие мелочи, записная книжка. Из документов — только пропуск в цирк.

— Может, он где-то здесь... выпивает? — высказал предположение следователь. — Наверняка у вас имеется буфет? Ну, мало ли, зашел туда с коллегами — опрокинуть по рюмке?

— И моя жена с ними тоже «опрокидывает»? — возбудился молчавший до этой минуты Патрикеев.

— Подождите вы со своей женой, — остановил его недовольно Резцов. — Дайте с фокусником разобратся...

— Буфет уже закрыт, — сказала Виктория. — И потом, Петя не любитель пьянствовать в цирке. К тому же он за рулем.

Резцов повернулся к Патрикееву:

— А ваша жена, гражданин, наверно, уже дома. Позвоните домой.

Патрикеев вынул из кармана мобильный телефон. Набрал домашний номер.

— Никто не отвечает... — сказал он минуту спустя.

— Позвоните ей на мобильник.

— Мобильник в этой сумочке. — Патрикеев показал сумочку.

— Позвоните ее маме, подругам, в конце концов... Да мало ли к кому она могла поехать!

Патрикеев кивнул и решил последовать весьма не глупому совету следователя.

В комнату вошли еще двое из следственной бригады.

— Машина Самоварова — черный «Ниссан», номер 937 — стоит на стоянке возле цирка. Выходит, он на ней не уезжал, — сказал один из них, худощавый, подвижный, по фамилии Зацепин.

Второй, среднего роста крепыш, широкоплечий, спортивный, весьма похожий на «братка», по фамилии Пузырев, стал рассказывать о том, что успел выяснить.

— Никто из тех, с кем удалось переговорить, Самоварова после представления не видел... Ни артисты, ни рабочие, ни охрана на вахте...

Резцов присел на стул у гримерного столика, предварительно заглянул под столик, словно Самоваров, как шаловливый мальчишка, мог спрятаться там. Потом взглянул на часы — время поджимало.

Все находившиеся в кабинете ожидали, что он скажет.

— У Самоварова есть семья? — спросил Резцов, обращаясь к Виктории — она была единственным источником информации и могла кое-что прояснить.

— Он вдовец, живет с дочерью, Машей, — сказала Виктория. — Жена умерла три года назад.

— Сколько дочери?

— Девятнадцать.

— Позвоните ему домой, — велел Резцов. — Может, он уже дома и спокойно лежит с газетой на диване...

— С газетой, на диване? Вряд ли... — сказала Виктория, но номер набрала. — Никто не отвечает.

— Позвоните дочке на мобильный, — велел Резцов. — Только не пугайте девушку преждевременно...

Дочь Самоварова, Маша, в это время ехала в лифте, находясь в объятиях своего парня Сереги. Звонок мобильного телефона прервал их жаркий поцелуй.

Маша отстранилась от Сереги. Рука ее потянулась к сумочке за телефоном.

— Не отвечай, — попросил Серега, недовольный тем, что их прервали. — Кому надо, позвонит позже!

— Нет, — освободилась от его рук Маша. — Это может звонить отец... — И сказала в трубку: — Слушаю...

Дверь лифта открылась, и Маша вместе с Серегой вышли на площадку первого этажа.

— Маша, это Вика, — прозвучало в трубке. — Ты где?

— Только что вышла из лифта. Идем с Сережкой в гости.

— Отец вернулся?

— Пока нет.

— Ладно, я перезвоню позднее.

На этом разговор завершился. Маша отключила телефон. Чмокнула Серегу в щеку, желая компенсировать прерванный в кабине лифта поцелуй.

Виктория отложила мобильник, посмотрела на Резцова.

— Дочь говорит: дома он не появлялся...

Резцов вновь взглянул на свои часы — пора было закругляться.

— Значит, так... — сказал он. — Пока рано судить о том, что произошло. Подождем до завтра. Весьма вероятно, Самоваров и ваша жена, — он взглянул на Патрикеева, — благополучно доберутся до дома и расскажут, по какой причине им пришлось так неожиданно и скрытно покинуть здание цирка. Если они не объявятся и завтра, тогда и займемся поисками. — Резцов показал Виктории записную книжку Самоварова. — А это я пока возьму с собой...

Виктория не возражала.

— Постойте! — вскричал Патрикеев, чуть не плача. — А как же я?

— В каком смысле?

— Уйду без жены?

Резцов переглянулся со своими товарищами.

— Послушайте, вы что, маленький ребенок? Езжайте домой, выпейте водки и ложитесь спать... Ничего другого посоветовать не могу. Наберитесь терпения. Завтра все выяснится. Пошли ребята, на сегодня всё.

— И это наша доблестная милиция! — всплеснул руками Патрикеев. И с видом трагика схватился за голову: — Господи, и зачем я только пошел в этот дурацкий цирк!

Резцов хмуро взглянул на него. Этот страдающий из-за бабы муж был ему неприятен.

— Да, с вашей стороны было весьма легкомысленно — доверять жену фокуснику! — сказал он. — Я свою точно не дал бы закрыть в шкафу!

Ночью Резцов неожиданно проснулся. Резко поднялся, сел на кровати. Пробудила мысль о пропаже фокусника.

— Действительно, куда он мог деться? — подумал вслух Резцов.

— Кто? — раздался голос справа.

— Самоваров...

Резцов, бывший холостяком, услышав малознакомый голос, резко повернулся к той, что заговорила с ним. Некоторое время с удивлением разглядывал женщину, лежавшую рядом в постели. Потом вспомнил, что познакомился с нею на вечеринке у Дудкина, стал ухаживать и пригласил к себе домой.

— Кто такой Самоваров? — спросила та сквозь сон.

— Да так, артист цирка, фокусник...

Сейчас — на трезвую — дама, лежащая в его постели, неприбранная, с тушью, размазавшейся под глазом, не показалась следователю столь привлекательной, как накануне вечером. Но делать нечего — приходилось принимать реальность такой, какая она есть. Такова мужская доля.

— Спи, — велела ему гостя и, сладко зевнув, зарылась лицом в подушку.

Рано утром Викторину разбудил звонок мобильного телефона. Виктория взглянула на часы: что за идиот звонит в такую рань? Нашупала аппарат, лежавший у изголовья возле ночника, приставила его к уху.

— Слушаю...

— Вика, здравствуйте! Это я.

— Кто это?

— Патрикеев...

— Какой, к черту, Патрикеев?

— Муж пропавшей...

— Вы знаете, который час?

Виктория встала, прошла к двери и прикрыла ее, чтобы не разбудить мать.

— Самоваров не объявился? — спросил Патрикеев.

— Не знаю. В отличие от вас, он обычно еще спит в это время... — Виктория взяла сигарету, закурила. Сделала три затяжки и ткнула сигарету в пепельницу — курить сейчас не было охоты.

— Вы извините, — продолжал Патрикеев, — но я не сомкнул глаз. Пустая постель, я один... Как подумаю, что кто-то мучает мою жену... И, может быть, даже пытается... — Патрикеев сидел в центре комнаты, под торшером, который все еще горел, несмотря на то, что на улице уже рассвело. У ног его на полу в хаотическом беспорядке стояло несколько грязных чашек, из которых он пил ночью кофе — и чтобы не мыть, всякий раз брал новую.

— Ну почему же сразу — пытаются? — спросила Виктория, зевнув. — Не надо думать о плохом... — сказала она, желая утешить Патрикеева.

А потом и глаза закрыла. Так и сидела на кровати с закрытыми глазами, пытаясь сохранить остатки сна.

— Так просто люди не исчезают, — донесся из трубки унылый голос Патрикеева.

— А вы не думали, что, может быть, она ушла от вас... Так сказать, по собственному желанию!

— К кому? К Самоварову?

— Не обязательно...

Патрикеев подскочил с кресла.

— Женщины так не уходят. Они уходят со своими вещами. Берут чемоданы — один, другой... Ира любит вещи. Кроме того, у нас не было ссор. Тут что-то нехорошее... Я чувствую.

Виктория открыла глаза:

— Послушайте, Патрикеев... Я даже не знаю вашего имени...

— Леонид.

— Так вот, Леонид... Вам не говорили, что у вас внешность опереточного тенора? Кстати, и ситуация весьма похожа на опереточную!

— В молодые годы я учился пению, но потом дело не заладилось...

Патрикеев прошел к окну, выглянул на улицу. Увидел такси, остановившееся у подъезда.

— Подождите, такси подъехало... Может, это Ирочка... Нет, не она...

— Патрикеев, я хочу спать, — зевнула Виктория.

— Да, да, конечно... — согласился с ней Патрикеев. И вдруг задал неожиданный вопрос: — А какие у вас отношения с Самоваровым?

Виктория поморщилась: нет, он ей спать сегодня не даст!

— Обычные. Рабочие... Почему вас это интересует?

— Мне казалось, что у цирковых артистов в ассистентках работают либо жены, либо любовницы... — Патрикеев опять сел под торшер. Взял с пола одну из чашек, допил остатки кофе.

— Я недавно работаю с Самоваровым... — призналась Виктория. — И не жена, и не любовница.

— Печально, — изрек Патрикеев.

— В каком смысле?

— Вообще.

— Не терзайте меня, — сказала Виктория. — Я хочу спать... Если что узнаю, позвоню. — И отключила трубку.

Заспанная Маша, дочь Самоварова, прошлепала босиком в ванную. Заглянула в зеркало. Осталась недовольна своим видом, показала себе язык. Потом ополоснула лицо, почистила зубы. Пошла обратно в свою комнату.

По дороге заглянула в комнату отца, дверь в которую была плотно прикрыта. Отца там не было. Судя по аккуратно застеленной постели, тот не ночевал дома.

Это удивило девушку. Если отец не находился на гастролях, он обычно ночевал дома. Или по крайней мере звонил.

Маша сделала себе кофе и, взяв в руки мобильник, позвонила Виктории, зная, что та обычно в курсе всех перемещений ее отца.

— Ну, кто там еще? — спросила недовольно Виктория, жалея, что не отключила телефон после разговора с Патрикеевым.

— Вика, извини это я.

— Маша?

— Отец не ночевал дома. Ты не знаешь, где он?

— Не знаю... — Немного подумав, Виктория решила сказать Маше правду. — Видишь ли... вчера после представления твой отец исчез.

— Как это — исчез?

— Вот так, исчез. Ну, пропал, если хочешь... И никто не знает, где он.

— Это шутка? — напряглась Маша.

— Спросишь у него, когда он появится... — Виктория села на кровати, понимая, что теперь уже доспать ей не удастся.

— Может быть, он у тебя? — не хотела верить Маша.

— С какой стати? Ты знаешь, у нас рабочие отношения и только!

— Где же он в таком случае?

— Я же сказала: пропал.

— Что значит — пропал? А как же я? Он обо мне подумал?.. Сиди дома, я сейчас приеду.

— Девочка, я лежу дома, а не сижу, и еще сплю, — вздохнула Виктория и, отложив трубку, задумалась: действительно скверная история, если Самоваров так и не объявится.

Обзвонив поутру родню жены, ее подруг и убедившись, что никто ничего не знает, Патрикеев позвонил на работу, взял отгул и решил ехать в милицию. Выйдя из лифта, он рассеянно поздоровался с консьержкой.

— Как самочувствие, Леонид Витальевич? — спросила та. Она всегда интересовалась здоровьем и делами Патрикеева.

— Даже не знаю, что сказать... Жена исчезла! — заявил тот, страдая и одновременно гордясь выпавшим на его долю несчастьем.

И, не пускаясь в дальнейшие объяснения, покинул подъезд.

Уже садясь в свою машину на стоянке у дома, Патрикеев поприветствовал соседа, полноватого человека, с решительным лицом и густыми бровями, который выгуливал на поводке шустрого добермана.

— Что нового? — спросил тот.

— Жена исчезла! — победно сообщил Патрикеев и скорбно шмыгнул носом.

— Сбежала, что ли? С кем?

— Исчезла! В цирке. На представлении. Фокусник попросил зайти ее в шкаф, она туда зашла и уже не вышла.

Сосед некоторое время озадаченно пялился на Патрикеева, пытаясь понять, в какой шкаф зашла несчастная женщина и почему она оттуда не вышла, и, наконец, изрек:

— Надо было набить морду!

— Кому?

— Фокуснику!

— Он тоже исчез.

— А-а, значит, они сбежали на пару! — констатировал сосед, довольный, что разобрался, в чем суть дела.

— Да они незнакомы, — вступился за жену Патрикеев. — И потом, жена моя не вертихвостка какая-нибудь...

— Сбежать можно и с незнакомцем, — убежденно заявил сосед, — было бы желание!

— Бросьте, Игорь Степанович, — обиделся Патрикеев. — Ира не такая!

Сосед еле сдерживал добермана, рвавшегося вперед.

— Ты это, звони, если что... Я помогу, кулаки крепкие!

И устремился за собакой, проламываясь через кусты акации.

Капитан Резцов сидел за своим столом и проглядывал бумаги.

Дверь открылась, и в кабинет заглянул Патрикеев.

— Можно?

— Заходите... — Резцов пребывал в состоянии крайней тоски после вчерашнего застолья и поначалу не узнал Патрикеева. — Я вас слушаю, — сказал он.

Патрикеев сел без приглашения на стул напротив него. Настроен он был весьма решительно.

— Она не появилась! — заявил он.

— Кто «она»?

— Моя жена.

— И что же вы от меня хотите? Ах, да, — вдруг спохватился капитан, приглядевшись внимательно к посетителю, — вы насчет фокусника?

— Я насчет жены! — оскорбился Патрикеев. — О фокуснике пусть в цирке беспокоятся...

— Ну как же, товарищ уважаемый! Жена ваша пропала вместе с фокусником, а вы хотите отделить одно от другого. Это не логично!

В кабинете появился Зацепин, уселся за второй стол.

— Дело Свиридова у тебя? — спросил он у Резцова.

— Посмотри на полке, — сказал тот.

А сам налил в стакан воды из пластиковой бутылки, бросил туда таблетку «шипучего» аспирина и ждал, когда она растворится.

— Башка болит! — объяснил он доверительно Патрикееву суть своих действий.

Зацепин, в отличие от Резцова, сразу узнал гостя.

— Ваша жена не объявилась? — спросил он.

— Представьте себе, нет.

— Вот черт! — удивился Зацепин. — Куда ж она делась?

Патрикеев скорбно взглянул на милиционеров — эти ребята ему явно не нравились.

— За этим-то как раз я к вам и пришел! — завил он.

— Логично! — согласился с ним Зацепин. И, закулив, пересел на широкий подоконник, где была открыта форточка. Посмотрел на более опытного Резцова. — Что будем делать?

Тот пожал плечами. Выпил шипучую от аспирина воду.

— Сегодня в цирке представление... Если к своему выходу Самоваров не появится, будем заводить дело.

— Послушайте! — крутанулся на стуле Патрикеев. — Моя жена в цирке точно не появится. Надо ее искать и не терять времени даром.

— Логично! — согласился Зацепин.

Резцов хмуро взглянул на Патрикеева. Ему не нравился этот «брошенный муж»: пришел сюда и учит, что надо делать.

— Не логично! — заявил он. — Ждем до вечера. Фокусник и ваша жена в одной связке. Вот и будем искать их вместе, а не по отдельности.

— Моя жена и фокусник Самоваров — не альпинисты, чтобы быть в одной связке!.. Возможно, ее сейчас пытаются преступники, а вы хотите ждать до вечера.

— Пытают? Да что вы! Вашей жене известны военные секреты? Или у нее муж олигарх, с которого можно содрать миллион? — спросил с холодной усмешкой Резцов.

— Моя жена — интересная женщина! — И Патрикеев в подтверждение своих слов достал из кармана фотографию и положил ее на стол. — Вот! А маньяков

в наше время расплодилось несчетное количество, как крыс!

Оба следователя склонились над фотографией. Внешность запечатленной на ней женщины они комментировать не стали.

— Слушайте, — оживился Зацепин, — я тут прочел в одном журнале статью о загадочных явлениях... — И высказал весьма неожиданное суждение: — Возможно, Самоварова и вашу жену похитили инопланетяне?

— Зачем?

— Ну, не знаю... Для опытов.

Патрикеев взглянул на него с подозрением.

— Каких опытов?

— Всяких. Ну, например, проводить скрещивание разных особей...

— Зачем же, объясните мне, им мою жену с чужим циркачом спаривать? У нее свой муж имеется, если уж опыты затевать...

— Значит, у вас что-то не так, чего-то не хватает... — высказал предположение увлеченный своей идеей Зацепин.

— Послушайте! — оскорбился Патрикеев. — У меня всего хватает!

Виктория и Маша разговаривали на кухне. Виктория при этом пила кофе, Маша нервно жевала резинку.

— Вот так и исчез, — подвела черту под своим рассказом Виктория. — Ни записки, ни телефонного звонка...

— А эта женщина из зала? — спросила Маша. — Может быть, он где-то с нею? Ударился в бега? Любовь-морковь!

— Да нет, они незнакомы. Она случайная зрительница! Он вызвал ее из зала, та согласилась... Ты знаешь, он любит делать такие вещи...

Маша встала, прошла по кухне.

— Бред какой-то! Мой отец — исчез. И где? В цирке! При большом скоплении народа. Если бы это случилось в дачной местности или где-то в подобном месте, где мало людей и вокруг лес, это больше походило бы на правду... — Маша пристально посмотрела на Вику. — А вы меня не разыгрываете? Очередная отцовская выдумка, а сам он здесь — прячется в твоей спальне...

— Перестань, Маша, — поморщилась Вика. — С какой стати ему прятаться в моей спальне? Я тебе говорила: у нас с твоим отцом чисто рабочие отношения.

— Да, да, — кивнула Маша, все еще пребывая в сомнениях. И вдруг спросила: — Я могу вымыть руки?

— Конечно. Ванная по коридору направо.

Маша не сразу направилась в ванную. Цель у нее была другая. Окинув взглядом коридор и не найдя тут никаких деталей, способных рассказать о присутствии в квартире отца, она заглянула через открытую дверь в одну из комнат, оказавшуюся спальней Виктории. Там было чисто, постель прибрана, и ничто не говорило о том, что здесь ночевал мужчина.

Проведя разведку помещений, Маша устремилась в ванную и на пороге столкнулась с матерью Виктории, Анной Викторовной, еще нестарой миловидной женщиной, лет сорока семи, встреча с которой явилась для нее неожиданностью.

— Ой, извините! — смутилась Маша. — А мне руки помыть... Можно?

— Помой, — разрешила Анна Викторовна, освобождая ванную комнату. И спросила: — Ты кого-то ищешь?

— Она ищет здесь своего отца... — пояснила Виктория, неожиданно оказавшаяся рядом. — Она решила, что он прячется в моей спальне. Или в ванной комнате, как нашкодивший школьник. — И, на немое удивление матери, пояснила: — Ее отец — Петр Иванович Самоваров, лицо тебе известное... Маше я уже объяснила, что моя спальня — не то место, где может находиться ее отец.

— Значит, он действительно исчез? — нахмурилась Маша.

Директор цирка вызвал секретаршу. Вчерашний ужин с иностранцами удался на славу, но голова слегка побаливала, что мешало легко и жизнерадостно мыслить.

— Самоваров не объявился?

— Нет. Я говорила с его дочерью по телефону. Та в растерянности, говорит, он не ночевал дома...

— А его ассистентка? Может, ей что-либо известно?

— Та сказала, что сведений о нем не имеет. Со вчерашнего вечера.

— Черт! — выругался директор цирка.

Он налил в стакан воды, бросил туда таблетку «шипучего» аспирина. Сидел и смотрел, как бурлит вода в стакане.

— Выходит, нужна замена Самоварову... — рассуждал он сам с собой. — А где взять номер такого уровня? Ну, Петр Иваныч, удружил! И вроде ответственный мужик... Не дай бог, несчастье с ним какое! — Ди-

ректор выпил залпом воду, крикнул, словно хватанул стопку водки.

Секретарша послушно ждала указаний.

— Свяжи меня с Блюменталь-Тамариным, — сказал директор. — Он в отпуске, но сидит у себя на даче. Пусть выручает: два представления — сегодня и завтра... Конечно, Блюменталь — не Самоваров и не Кио, но в этом жанре работает крепко...

Начальник следственного отдела подполковник Карпухин, коротко стриженный, худощавый мужчина, с внимательным взглядом светлых глаз, вызвал к себе Резцова и Зацепина, желая узнать, как продвигается «цирковое дело».

Три дня назад Карпухин выдал дочь замуж и два вечера кряду после этого принимал у себя в доме гостей, довольный удачным замужеством любимого чада. Сам-то Карпухин был, в общем-то, мужик непьющий, но вот друзья, а были среди них и старшие по званию, те выпивали основательно. Мало того, требовали, чтобы и Карпухин на радостях опрокинул рюмку-другую, а им он отказать не мог, и вот сегодня с утра счастливый отец мучился головной болью.

Карпухин налил минеральной воды в стакан, бросил туда таблетку «шипучего» аспирина.

— Ну, рассказывайте, — сказал он, наблюдая, как поднимаются пузырьки в стакане, — что там с этим фокусником... как его?

— Самоваров! — подсказал Зацепин.

— Вот-вот, с Самоваровым... Мне уже генерал Сиротин звонил. А ему директор цирка. Они давние при-

ятели. Генерал просил серьезно заняться этим делом... Там еще какая-то женщина фигурирует?

— Патрикеева Ирина Александровна, — подсказал Резцов.

— Черт! Бурлит! Занятная штука — химия, — порадовался Карпухин, наблюдая за реакцией в стакане. — Я, между прочим, в школе химией увлекался. Чуть в химики не пошел... Глядишь, был бы у вас теперь другой начальник. Пушкарев, к примеру, а?

— Не надо нам Пушкарева! — сдержанно ответил Резцов. — Лучше без него.

Карпухин оглядел следователей.

— Значит, оба пропали?..

— В цирке, — пояснил Резцов, — сразу после представления.

— Можно сказать, среди бела дня, — добавил Зацепин. — То есть под вечер... В общем, были — и нет.

— Самоваров — известный иллюзионист, выступает с большим успехом... — снова пояснил Резцов.

— А женщина? Тоже из цирка? — поинтересовался Карпухин.

— Нет. Женщина — из зрителей... Самоваров вызвал ее из зала, чтобы она поучаствовала в его фокусе. Она должна была войти в шкаф и выйти оттуда. В общем, она вошла, но не вышла.

— Получается, женщина исчезла раньше? — Карпухин взял в руки стакан, принюхался к его содержанию.

— Выходит, так.

Карпухин выпил не спеша спасительное зелье. Некоторое время проверял его вкус во рту. Потом спросил:

— Какие мысли по этому поводу?

Оба следователя молчали.

— Есть версии?

Резцов пожал плечами.

— Дело тухлое, товарищ подполковник... Никаких зацепок.

— Это ты брось, — дернул головой Карпухин. — Генерал с меня не слезет — помните об этом!

Резцов и Зацепин переглянулись..

— Если рассуждать исходя из обычной практики, — сказал Резцов, — какие могут быть варианты?.. Первый: Самоварова похитили с целью получения выкупа. Тогда в ближайшее время — в течение двух-трех суток — похитители выйдут на связь. Второй вариант: спланированное убийство. Фокусника убили по не известной нам причине где-то в цирке. Тело вывезли на машине в неизвестном направлении. Бросили, вероятнее всего, в лесу, где его не скоро найдут. Если вообще найдут!

— А женщина?

— Женщина — возможно, сообщница... Третий вариант: Самоваров и пропавшая Патрикеева — любовники. И решили, грубо говоря, сбежать... на край света. На Канары, к примеру, подальше от всех. Когда натешатся друг другом, объявятся.

Карпухин повеселел. Выпитое зелье подействовало, и головная боль пошла на убыль.

— Но «любовная» версия — вызывает сомнения! — сам себе оппонировал Резцов. — Все это весьма неразумно. Самоваров не оставил записки, ничего не сообщил близким. Не взял свои вещи из гримерной. Бросил автомобиль на стоянке у цирка... Кроме того, у него впереди два представления. А Самоваров — судя

по тому, что о нем говорят, человек ответственный, чтобы, подобно мальчишке, забыв обо всем, бросаться в омут. Не логично! В общем, полная неясность. И отсутствие каких-либо следов... Черт его знает, может, Самоваров решил имитировать собственное исчезновение? По каким-либо причинам. А там меняет фамилию, делает пластическую операцию... Но мне это тоже представляется маловероятным.

Карпухин провел ладонью по своей преждевременной лысеющей голове, недовольный тем, что дело на мертвой точке.

— Ерунда какая-то, братцы, — сказал он, — человек исчез в людном месте, и никто ничего не видел. Должны же быть какие-то следы...

В разговор вмешался шустрый Зацепин, любитель всяких завиральных идей:

— Товарищ подполковник, разрешите! Есть тут одна мысль: возможно, Самоварова и эту женщину... выкрали инопланетяне.

— Кто? — взглянул на него Карпухин.

— Инопланетяне. Уж больно чисто сработано.

— Зачем?

— Опыты всякие проводить... Женщину осеменить, а Самоварову запустить в мозг какую-либо гадость и посмотреть, что получится.

Карпухин протяжно вздохнул.

— Зацепин, тебе сколько лет?

— Двадцать четыре, товарищ подполковник.

— А я думал десять... Какие, к черту, инопланетяне! Наслушался обывательской брехни! Нет никаких инопланетян. Жаль, у вас марксизма во время учебы не было, как у нас. Был бы ты тогда, парень, материа-

листом и знал, что к чему. К Пушкареву вас надо под начало!

— Не надо нас к Пушкареву! — поморщился Резцов. Он в отличие от Карпухина был человеком продвинутым и верил и в существование инопланетян, и в полтергейст, и в божественный разум — одним словом, во все то, что стало сегодня модным. Но был убежден, что инопланетные существа не настолько глупы, чтобы вмешиваться в нашу земную жизнь. — Конечно, насчет инопланетян Иван шутит, — сказал он в защиту товарища, — но ситуация наталкивает на подобные мысли...

— Вот-вот, — нахмурился Карпухин, — если я приду к генералу с рассказом о ваших инопланетянах, тут же пендаля под зад получу! Помозгуйте без глупостей и решите, какую версию следует взять за основу.

Зацепин, хотя и был пропагандистом существования внеземного разума, но не стал спорить с начальником, которого весьма уважал, и решил загладить свой промах.

— Товарищ подполковник! — заерзал он на стуле. — Самоваров — ценный специалист в своей области. Его выступления приносят цирку большую прибыль. Может, его захватили заграничные конкуренты, чтобы вывезти на Запад?

Карпухин вздохнул.

— Ты сам-то в это веришь?

— Нет.

— То-то. Был бы Самоваров разведчик, другое дело...

Маша была в отчаянии. Мало того, что пропавший отец был горячо любим ею, он еще обеспечивал бы-

товую сторону ее жизни, сняв с дочери все заботы. Он одевал ее, наполнял продуктами холодильник, содержал домработницу Антонину Ивановну, которая готовила обеды и убирала квартиру, а главное: отец регулярно давал Маше деньги на личные нужды, и деньги немалые. Последние рубли, которые он ей дал, Маша потратила еще накануне, и не знала теперь, как ей быть. А она присмотрела себе в бутике по соседству итальянское платье и страдала от того, что не сможет теперь его купить. Зная решительный характер отца и его волевые качества, она не верила, что с ним случилось несчастье. Но даже его недолгое отсутствие лишило ее необходимой энергии, как лампочку лишает света отсутствие электрического тока.

Маша не знала, что делать. В течение часа или даже двух звонила по телефону, набирая номер за номером, но те, кто был ей нужен, как назло не отвечали на ее звонки.

В столовую вошла Антонина Ивановна, которая уже знала печальную новость.

— Выпей чаю, — сказала она. — С булочкой.

— К черту! — капризно отозвалась Маша. — У меня пропал отец, а я, как бесчувственная тварь, буду чай распивать!

— Что же, и есть не будешь?.. Подожди, он еще найдется, — сочувственно произнесла Антонина Ивановна. — Петр Иванович — человек крепкий, просто так себя в обиду не даст...

— Надеюсь, — согласилась Маша.

В прихожей прозвучал звонок. Антонина Ивановна поспешила туда, но Маша опередила ее.

Пришел друг Самоварова — Федор Игнатьевич Полухин. Маша его ждала. Это был мужчина внушительно-го вида, рыжеволосый, с короткими рыжими бачками, с небольшим брюшком, владелец стоматологической клиники. Еще утром Маша по телефону сообщила ему о пропаже отца, и Полухин, отложив дела, явился.

— Дядя Федя! — Маша всхлипнула и припала к нему на грудь.

Полухин ласково похлопал ее по плечу.

— Подожди, рано слезы лить! Найдем мы твоего папашу, уж поверь!

— Он даже не позвонил, значит, дело плохо...

— Не будем впадать в панику... — Слушая Машу, Полухин по привычке профессиональным взглядом оценил состояние ее зубов. — А вот левый резец тебе следует подточить, чтоб был короче...

— Какой резец! — отмахнулась Маша.

Они прошли в столовую.

— Антонина, принеси мне стакан воды, — попросил по-свойски гость домработницу, шедшую за ними по пятам.

Антонина Ивановна ушла на кухню.

Полухин присел к столу, Маша напротив.

— После твоего звонка я позвонил генералу Сиротину, он у меня зубы делал. Я ему такой рот «нарисовал» — чистый Рембрандт! Он человек влиятельный в своей среде. Обещал помочь. Сказал: пропадем весь город, а артиста Самоварова найдем.

Слова Полухина явились слабым утешением. Как быстро смогут найти пропавшего? Мысль о том, что она осталась без средств к существованию, угнетала

Машу не меньше, чем исчезновение отца. Правда, Маша знала, что в отцовской комнате за картиной Левитана, висевшей на стене с незапамятных времен, имеется сейф, в котором отец хранил украшения покойной матери и солидную сумму в долларах, но шифр сейфа был ей неизвестен, а вскрывать его, пока с пропавшим отцом существует полная неясность, было по меньшей мере неприлично.

— Сколько они будут искать его? — удрученно вздохнула она. И призналась: — А мне жить не на что, вчера я истратила последние деньги... На что я буду жить?

— Ну, твои денежные проблемы мы решим, — успокоил ее Полухин.

Антонина Ивановна принесла пластиковую бутылочку с водой и чистый стакан. Поставила перед гостем на стол. Тот налил воду в стакан, достал из кармана упаковку «шипучего» аспирина, бросил таблетку в воду.

— Денег я тебе дам, на первое время хватит... — Он сделал знак домработнице, чтобы та оставила их наедине. — Ты лучше скажи, не угрожал ли кто Петру в последнее время?..

Маша пожала плечами.

— Мне об этом ничего неизвестно.

— Может быть, отец был чем-то удручен?

— Нет. Он был такой, как обычно.

— Ясно, — вздохнул Полухин. И, перехватив Машин взгляд, направленный на стакан с пузырящейся жидкостью, пояснил, поглаживая пальцами лоб: — Башка болит... А мне еще сегодня заместителю министра бюгель ставить!

Зазвонил Машин мобильник, лежавший на диване. Маша бросилась к телефону.

— Алло! Да, Сережа... Наша встреча отменяется... У меня отец пропал! Да, пропал... Нет, приезжать не надо! — И, не вдаваясь в подробности, отключила мобильник.

Пока она говорила по телефону, Полухин выпил воду и, поморщившись, закусил ментоловой пастилкой.

— Твой приятель? — поинтересовался он.

Вместо ответа Маша спросила:

— А ты, дядя Федя, что думаешь об этом исчезновении?

— Тут трудно фантазировать... Может быть, его похитили с целью выкупа. День, два, ну неделя, и тебе позвонит какая-нибудь мразь с требованием привезти серьезную сумму в баксах... или в «евриках». И тут надо решать: либо подключаем Сиротина, либо бабки собираем... — И, тронув пальцем Машин подбородок, добавил: — Когда все утрясется, приходи ко мне, подточим твой резец!

Наступил вечер. В жизни цирка ничего не изменилось. На арене шло очередное представление.

Патрикеев с напряженным лицом сидел в кресле у прохода и безрадостно взирал на то, что происходило на арене. Он был небрит и выглядел весьма усталым. Зрители вокруг были оживлены, веселы, и осиротевший муж чувствовал себя среди них неуютно. Патрикеев чего-то ждал, а чего — и сам не знал. Возможно, как это не покажется глупым, он ждал появления Самоварова. И вместе с ним — злосчастного шкафа, из которого могла появиться его пропавшая жена.

Два клоуна, смешившие публику, ушли с арены под аплодисменты зрителей.

Голос по радиотрансляции объявил:

— Артист оригинального жанра — Эдуард Блюменталь-Тамарин!

На арену вышел маленький верткий человечек, одетый в черное, и рабочие сцены вывезли вслед за ним его тележку с реквизитом. Когда человечек снял цилиндр и раскланялся, стала видна плешь на его голове.

От секретарши директора цирка Патрикеев знал, что Блюменталем собирались заменить Самоварова, если тот не появится. Так оно и произошло. Ждать больше было нечего. Патрикеев поднялся с кресла и направился к выходу.

На улице он стоял некоторое время у входных дверей, не зная куда идти и что делать. Сел на ступеньку длинной широкой лестницы, ведущей к входу. Мимо него прошла Виктория, покинувшая здание цирка.

— Виктория! — окликнул ее Патрикеев. — Вы уходите?

Виктория замедлила шаги.

— Как видите... Я осталась не у дел. Без Самоварова я никому не нужна. И если он не появится, то лишусь работы окончательно.

— Сочувствую.

— А ваша жена не вернулась?

— Нет.

— Просто загадка! — сказала Виктория. — Обычно человек из публики, принимавший участие в трюке со шкафом, благополучно возвращался в зал...

— Может, здесь сговор? Ваш шеф и моя жена затеяли одну игру? — ревниво поинтересовался Патрикеев.

— Вряд ли! — успокоила его Виктория. — Хотя ваша жена, как я заметила, весьма кокетливая особа...

— Это — форма, но не содержание... — вступился за жену Патрикеев. — Ужасно есть хочется! — вдруг заявил он, оглядевшись по сторонам — Я не ел со вчерашнего дня... Не составите мне компанию?

Виктория пожала плечами. Оставшись столь неожиданно без работы, она не имела планов на вечер.

Зацепин, явившись из цирка, где он повторно опрашивал артистов и сотрудников технических служб, сразу поспешил к Резцову доложить о результатах.

Резцов тем временем вел мучительный разговор по телефону с той, с кем провел прошедшую ночь и которая жаждала новой встречи.

— Нин, я не могу! Начальство поручило серьезное дело... Вот и мой напарник явился с информацией. Пока!

Резцов отключил трубку. Некоторое время тупо смотрел на бумаги, разложенные на столе, ругая себя за то, что на вечеринке у Дудкина проявил слабость и потащил к себе эту самую Нину, на которую «по трезвой» не хотелось смотреть. Было в ней нечто вульгарное, чего Резцов в женщинах не терпел.

Видя, что напарник чем-то удручен, Зацепин беззвучно уселся на стул, ожидая своей минуты. Наконец, Резцов поднял глаза.

— Ну? Рассказывай...

— Самоваров в цирке не появился. Вместо него выступает какой-то... — Зацепин заглянул в свои записи в блокноте, — ...Блюменталь-Тамарин!

— Ясно, заводим дело, — подвел черту Резцов. — Если похитители не выйдут на связь, тянуть нам этот воз до скончания века... Нового ничего не нарыл?

Зацепину порадовать коллегу было нечем.

— Вновь опросил множество людей, работавших в тот вечер. Никто ничего не видел: ни ухода Самоварова, ни пропавшей Патрикеевой, ни каких-либо посторонних, которые приходили бы за ними. Еще раз обследовал гримерную... Никаких следов борьбы — ты же сам видел: вещи на местах, всё в полном порядке, кроме окурков в пепельнице. Все окурки от сигарет «Парламент», их курит ассистентка Виктория, сам-то Самоваров не курит, бросил...

— Негусто, — признал Резцов. И раздраженно изрек: — Что, его корова языком слизала?

Зацепин, как человек деятельный, не мог довольствоваться отсутствием идей при отсутствии улик.

— Послушай, Николай, отнесись серьезно к тому, что я скажу...

— Только не надо мне про инопланетян! — поморщился Резцов. — Нам-то что с этого? Похитили они Самоварова или нет, доказать это невозможно.

— Я про другое... Предположим, Самоварова усыпили с помощью хлороформа где-нибудь в закутке. Классическим способом — прижав платок к лицу! Потом цирковые люди, причастные к этому делу, вынесли тело на улицу в закрытом ящике. Погрузили его в фуру... а лучше в «Газель», и — прости, прощай, Одесса-мама!

— Тяжеловесно, — оценил версию Резцов, — но возможно... Значит, ты думаешь, что это похище-

ние... — И спросил: — А с какой целью его похитили? Он что, денежный мешок?

— Как удалось выяснить, Самоваров — человек успешный. Бабки у него, несомненно, есть.

Последнее замечание Резцов пропустил мимо ушей, опять погрузившись в свои невеселые мысли, связанные с Ниной.

— Ты чего? — спросил Зацепин, заметив, что напарник выпал из разговора. — Неудачи на любовном фронте?

— Наоборот, — усмехнулся невесело тот, — сплошные удачи... Выпил бы я сейчас, да дел — выше крыши!

Патрикеев и Виктория сидели на открытой веранде небольшого ресторанчика, каких немало развелось в наше время.

Виктория ковыряла ложкой фруктовый салат, Патрикеев ел суп, заметно возбуждившись от еды.

— Суп неплох, — Патрикеев отставил тарелку в сторону. — Но Ирочка готовит лучше... — Бросил взгляд на тарелку Виктории с салатом. — Может, съедите что-нибудь более существенное?

— Не хочется... Это вам, мужчинам, надо хорошо питаться. К тому же вы не ели со вчерашнего дня.

И, словно в дополнение к ее словам, официант поставил перед Патрикеевым тарелку с бараньей котлетой и картофелем фри.

Патрикеев алчно взглянул на стоящее перед ним блюдо и вдруг погрузился лицом — видимо, котлета вызвала в нем какие-то воспоминания.

— Как вы думаете, их найдут? — спросил он у Виктории.

— Надеюсь.

— А если не найдут? Всем известно, как работает у нас милиция... — Патрикеев вздохнул. — Я даже не знаю, что буду делать без Иры...

Было в Патрикееве что-то трогательное, как в ребенке, и Виктории захотелось утешить его.

— Будете жить, — сказала она. — Как живут другие, потерявшие своих близких... Я вот останусь без работы... А мне так нравится цирк!

Патрикеев съел часть котлеты, потыкал вилкой картофель.

— А чем вы занимались до цирка?

— Трамвай водила!

— Вы это серьезно?

— Шутка! Я экономист по образованию. Работала в одной фирме. Ничего интересного, и я ушла.

Патрикеев доел котлету и отложил вилку.

— Могу я задать вопрос личного порядка?

— Попробуйте.

— Вы замужем?

— Нет. Я живу с мамой.

— А были?

— Была, — сказала Виктория. — Мы с мужем расстались. Сначала хотели пожить отдельно, чтобы проверить свои чувства. Потом он уехал за границу. И все на этом кончилось.

— Он — плохой? — спросил Патрикеев.

— Да нет, обычный человек, — улыбнулась Виктория. — Разве от жен уходят только плохие люди?

Патрикеев пожал плечами.

— Если вам нужна помощь, — оживился Патрикеев, — я готов...

Виктория засмеялась.

— Помощь нужна вам, а не мне...

Маша стремительно подошла к дому, вошла в подъезд.

Поднявшись на свой этаж, открыла дверь квартиры, вошла внутрь.

Из кухни выглянула Антонина Ивановна.

— Отец не звонил? — первым делом спросила Маша, снимая куртку.

— Нет... — ответила та. — Ты вовремя! Иди на кухню, обед готов.

Настроение у Маши было невеселое, но есть хотелось. И она устремилась в кухню.

Круглый обеденный стол был накрыт на три персоны.

— Кому третий прибор? — спросила Маша.

Домработница неопределенно пожала плечами.

— Может, Петр Иванович вдруг придет... — И осеклась. — Я могу убрать тарелку, если хочешь... — неуверенно добавила она.

— Оставьте. Может, Римка, подьедет — она обещалась. — Маша взглянула на часы.

Антонина Ивановна налила половником суп в две тарелки. Хотела уже присесть к столу, но в прихожей прозвучало два длинных звонка.

— Я сама открою, — решительно остановила Маша домработницу и устремилась в прихожую. Если бы это оказался отец, ей хотелось встретить его первой.

Но это был не он. За дверью стояли Резцов и Зацепин.

— Здравствуйте, — сказал Резцов. — Вы, видимо, Маша? Мы из уголовного розыска. Ведем дело об исчезновении вашего отца...

И оба показали свои удостоверения в раскрытом виде.

Маша взглянула только в удостоверение Резцова, который выглядел солиднее своего напарника.

— Проходите, — сказала она.

Антонина Ивановна встала у следователей на пути.

— Снимайте обувь, надевайте тапочки! Я недавно квартиру убирала.

Мужчины неприязненно посмотрели на нее.

— А можно без этого? — спросил Резцов. — Мы все-таки на службе.

— Это вы в милиции на службе, а здесь — вы пришли в чужой дом, — стояла на своем домработница. — Снимайте обувь! Ведь по всей квартире станете ходить, я знаю...

Следователям ничего не оставалось, как подчиниться, и, сняв туфли, они надели шлепанцы, которых в прихожей было с избытком.

Когда все прошли в гостиную, Маша спросила:

— Что вас интересует?

— Нам хотелось бы знать о поведении вашего отца в последнее время. Не был ли он чем-либо угнетен? Или серьезно озабочен? Может, ему угрожали, и он рассказал вам об этом?

— Нет, — покачала головой Маша. — Отец был такой, как обычно... Деловой, остроумный, заботливый... Может, Антонина Ивановна что-либо заметила.

— Антонина Ивановна — это я! — опередила вопрос Резцова домработница. — Веду здесь хозяйство...

— Понятно, — сухо отозвался Резцов, не простившей ей того, что пришлось переобуваться в тапочки. — А вы, вы ничего не заметили необычного в поведении Петра Ивановича?

— Он был задумчив, но так бывает всегда, когда он готовит новую программу... Больше ничего.

Следователи переглянулись.

— Нам хотелось бы осмотреть его комнату, — вступил в разговор молчавший до этой минуты Зацепин. — Имеется такая?

— Конечно, — сказала Маша. — Следуйте за мной...

Она открыла дверь в комнату отца. Это была тридцатиметровая комната, обставленная антикварной мебелью, с множеством дорогих вещей и безделушек разного толка, и все это находилось в относительном порядке — этим хозяин квартиры был обязан трудам Антонины Ивановны, исправно следившей за чистотой и порядком во всех точках квартиры.

Резцов и Зацепин разошлись по разным углам, внимательно оглядывая «логово» артиста. Маша за ними не пошла, осталась у дверей.

Антонина Ивановна вернулась на кухню, перелила остывший суп из тарелок обратно в кастрюлю.

— Разрешите заглянуть в шкаф? — обратился к Маше Резцов, оказавшись у большого платяного шкафа.

— Заглядывайте, — разрешила девушка. И пояснила: — Там одежда...

Резцов потянул на себя ручку и, когда дверца открылась, он и подошедший сзади Зацепин, отпрянули назад, ошарашенные громкой музыкой, обрушившейся на них из шкафа. Это были звуки победного марша

Радамеса из «Аиды». Резцов резко захлопнул дверцу — музыка тут же оборвалась. Он открыл дверцу вновь — и музыка началась с первой ноты. Теперь уже освоившись и стараясь не обращать внимания на звуки музыки, оба принялись изучать содержимое шкафа. Пальцы Резцова пробежались по рукавам многочисленных пиджаков, курток, рубашек, словно между ними могло затесаться что-то необычное. Следователи тщательно осмотрели весь шкаф и особенно нижнюю его часть, где, устремив кисти вверх, стояло несколько пар деревянных рук с растопыренными пальцами, на которые были надеты старинного образца мужские перчатки из кожи; Самоваров, вероятно, использовал их в своих выступлениях. Одна рука даже поприветствовала следователей, махнув им пару раз, а затем сложила пальцы в кукиш, отчего Резцов, оскорбленный подобной наглостью, тут же захлопнул дверцу шкафа — на этот раз окончательно.

Маша, привыкшая к подобным трюкам отца, была невозмутима.

— А ваш отец шутник... — неприязненно заметил Резцов. — Может, и его исчезновение — одна большая шутка?

Вскоре после ухода следователей в квартире Самоваровых появилась Римма — подруга Маши. Высокая, стройная, ухоженная, знающая себе цену. Поздоровавшись с Антониной Ивановной, открывшей ей дверь, обнялась с Машей.

— Машка! Я такая счастливая! — воскликнула она. — Дудин сделал мне предложение... А медовый месяц предложил провести в Италии!

— Класс! — оживилась Маша. — Будешь покупать свадебное платье?

— Конечно. — Римма уселась на диван, вытянув вперед красивые ноги в модных туфлях.

— Я пойду с тобой. Я тут видела одно — просто прелесть!

— Но я еще не дала согласия. Сказала, что хочу подумать. Пусть немного помучается...

В гостиную вошла Антонина Ивановна, держа в руках пару шлепанцев, желая переобуть Римму.

— Риммуся! Надень тапки, у тебя острые каблукы, остаются следы на паркете...

Маша замахала руками, и домработница удалилась.

— Извини! — вдруг спохватилась Римма. — Не будем обо мне... Расскажи, что у тебя?

— Ничего нового. Отец не появлялся и не звонил. Его мобильник не отвечает. Приходили тут до тебя два тупых мужика из уголовного розыска, осмотрели его комнату... Спрашивали, что да как, не угрожал ли кто ему?

— И что они думают?

— По-моему, ничего не думают... Ждут. Сами не зная чего!

— Наша милиция, блин, — тухлое болото! — Римма закурила. — Люди пропадают пачками, а им хоть бы что!

— Не говори так — пропадают пачками. Не хочу думать о плохом. Надеюсь, отец найдется... Но я, понимаешь, осталась на нуле... Последние деньги, что он мне дал, я истратила за день до его исчезновения...

— Неужели в доме ничего нет? — Римма сочувственно взглянула на подругу. — Никакой наличности? Посмотри в письменном столе отца, в шкафах...

— У отца есть счет в банке, две сберкнижки, но мне по ним ничего не дадут. Только через полгода, после того, как будет установлен — не дай Бог — факт смерти. В общем, сижу на нуле! Хоть вещи продавай... — Про секретный сейф за картиной Маша ни слова не сказала.

— Машка, как я тебя понимаю! Это ужасно! Без баб-ла, как без воздуха! — воскликнула Римма. — Что еще говорили менты? Есть у них какие-то идеи?

— Они предполагают, что отца могли похитить...

— И что же? Они ждут, когда похитители выйдут на связь? — возбудилась Римма. — А если причина исчезновения Павла Ивановича — другая?.. Знаешь, что я думаю, тебе следует обратиться к частному детективу — от них больше пользы!.. У Дудина есть родственник, который работает в частном детективном агентстве... Он недавно такое сложное дело размотал! Частник больше нароеет, чем твои следователи. Хочешь, я поговорю с Дудиным?

— Чтобы нанять частного детектива, бабки нужны, — вздохнула Маша, вновь вспомнив о своем материальном положении. — В долг никто работать не станет.

— Нужен аванс, а это не столь большая сумма... Набрать можно. Обратись к дяде Феде, он друг отца, думаю, поможет.

Резцов неожиданно проснулся среди ночи. Резко сел на кровати и опять лег. В последнее время с ним часто случалось подобное.

— Что же они, черт возьми, не выходят на связь? — Он потер ладонью вспотевшее лицо.

— Кто не выходит? — слышался сбоку сонный женский голос.

— Похитители.

— Какие похитители?

Над лицом Резцова возникла непричесанная голова смазливой блондинки. Он в недоумении уставился на нее, не понимая, как эта женщина оказалась в его постели.

— Ты кто?

— Лена, — ответила удивленно блондинка.

— Ах, да! — вспомнил Резцов. — День рождения Виктора... Я, кажется, выпил лишнего...

— Да нет, ты был в норме... Только каждые пять минут объяснялся мне в любви.

— Да, да, припоминаю... — мрачно кивнул Резцов. — Спи! — И отвернулся к стене.

Прошло уже несколько дней со дня пропажи Ирины, а Патрикеев все никак не мог открыть сумочку жены, которая в тот злополучный день осталась у него в руках, и исследовать ее содержимое. Он был твердо убежден, что воспитанный человек не должен копаться в вещах жены. Но посмотреть следовало — а вдруг в сумочке обнаружится нечто такое, что поможет следствию.

Так и не решившись, Патрикеев хотел убрать сумочку в шкаф, куда-нибудь подальше от глаз, чтобы не травить себя, но тут слышался звонок мобильного телефона.

Поначалу он решил, что это звонит его телефон, и поискал глазами трубку. Но потом сообразил, что звонок исходит из сумочки жены.

Он открыл сумочку, поспешно вынул телефон.

— Слушаю! — воскликнул он с тайной надеждой, что, может быть, это звонит жена.

В трубке вначале молчали, потом послышался мужской голос.

— Позовите Иру! — потребовал он.

— Ее нет, — ответил разочарованный Патрикеев.

— А где она? Это же ее телефон?

— Телефон ее... А вот самой ее нет.

— Как нет? Что вы мне голову морочите!

— Она пропала.

— Что значит — пропала? — рассердился невидимый собеседник. — Не валяйте дурака! — И повесил трубку.

Не успел Патрикеев осмыслить этот странный разговор, как вновь зазвонил телефон жены.

— Слушаю! — сказал он в трубку.

— Это опять вы? — звонил тот же человек. — Мне нужна Ира Патрикеева.

— Я же сказал вам: она пропала...

— Правда, что ли?

— Правда. Ее ищет милиция.

— Вот блин! — озадачился невидимый собеседник. — Мы так не договаривались.

— А в чем, собственно, дело? — нахмурился Патрикеев.

— А вы кто?

— Я ее муж.

— Уже лучше, — оживился человек на другом конце провода. — Моя фамилия Швец. Ваша жена приобрела у меня кольцо с бриллиантами. Оплатить обещала через три недели. Сроки уже вышли, а денег нет... Мне нужны деньги. Или верните кольцо.

— Какое еще кольцо? Мне ничего об этом неизвестно. Обычно Ира согласовывала со мной все свои покупки...

— Это не мои проблемы, — строго отозвался голос на другом конце провода. — Жена ваша?

— Моя.

— Значит, гоните бабки!

— Сколько?

— Двенадцать штук зеленых.

— Да вы что! Лихо!

— Тогда верните кольцо.

— Я про это кольцо слышу впервые... Вы бы еще пятьдесят тысяч попросили! Нашли лоха! Вот появится Ирина, тогда и будем разбираться, — рассерженно заявил Патрикеев и отключил трубку.

Он взял сумочку жены, открыл ее и высыпал содержимое на стол. Здесь были косметические принадлежности, карманное зеркало, записная книжка, небольшой бумажник, какая-то бижутерия, пахнущий духами носовой платок... Какой-либо коробочки, где могло находиться кольцо, не было.

В одном из московских домов, в старом районе, в квартире, где жили дальние родственники Сомова, еще не знавшие о его исчезновении, фокусника ждали в гости. Взрослые были заняты своими делами, готовили праздничный стол. А вот пятилетний мальчик, худой, стриженный, прикованный к инвалидному креслу, неотрывно смотрел на улицу, ожидая дорогого гостя.

— Витя! Ну что ты прилип к окну? Займись чем-нибудь другим, — сказала мама мальчика, миловидная

молодая женщина, и сунула ему в руки большое красное яблоко. — Съешь!

Мальчик равнодушно взял яблоко, но есть не стал.

— Сегодня мой день рождения? — спросил он.

— Да, — подтвердила мама.

— Я буду ждать дядю Петю, — сказал мальчик. — Я сразу увижу его машину...

— А если дядя Петя не придет? Я звонила ему, его телефон не отвечает.

— Он всегда приходит в этот день и показывает мне фокусы. Он обещал, значит, придет. Дядя Петя никогда не обманывает...

И мальчик вновь устремил взор в окно, пристально глядя в ту часть двора, где парковались машины.

Время шло, а Самоваров не появлялся.

Мама опять присела возле ребенка.

— Может быть, дядя Петя заболел... или у него возникли непредвиденные дела, — сказала она. — Пошли к столу.

— Нет, я буду ждать, мамочка, — отказался мальчик.

Узнав о пропаже дочери, к Патрикееву из Нижнего Новгорода приехала мать Ирины, Татьяна Степановна. Это была женщина лет пятидесяти, со следами былой красоты и манерами бывшего партийного работника.

Патрикеев только что вышел из ванной, с влажными волосами, в халате, надетом на голое тело, и, услышав звонок, запахнувшись, пошел в прихожую открывать дверь.

— Привет, зятек! — Татьяна Степановна протиснулась в дверь с двумя большими «челночными» клетча-

тыми сумками и милостиво подставила щеку для поцелуя.

Патрикеев со скорбным видом поцеловал тещу.

— Что же это вы без предупреждения... — посетовал он. — Я бы встретил вас на машине...

— Я и так на машине... — ответила та. — Я за товаром приехала. На пару дней. Загружу фуру и — обратно.

Татьяна Степановна сняла плащ, кинула его на сумки и прошла в комнату.

Патрикеев взглянул на сумки, хотел внести их в комнату, но передумал и оставил в прихожей — только сдвинул ногой в угол.

— Ну, рассказывай, сибарит, что произошло? Куда ты дел мою дочь? — Татьяна Степановна плюхнулась на широкий диван. И перевела дух.

— Не смешно! — обиделся Патрикеев. — Я вам говорил по телефону: мы пошли в цирк...

— И что же?

— Там выступал иллюзионист, по фамилии Самоваров, показывал всякие фокусы... И вот он попросил желающих помочь ему, а именно — войти в шкаф, стоявший на манеже. Ирина вызвалась участвовать в этом... Вошла в шкаф и исчезла.

— А что же фокусник? — брови Татьяны Степановны сошлись на переносице.

— Тоже исчез.

— Чушь какая-то! — Теща качнула головой и подозрительно взглянула на Патрикеева.

— Свидетелей целый цирк! Милиция уже несколько дней ищет пропавших... Я спать не могу!

Татьяна Степановна несколько секунд осмысливала информацию, пытаясь найти какую-либо логику. И осторожно спросила:

— Она что, сбежала с этим фокусником?

И Патрикеев понял по ее тону, что теща заранее готова простить дочь, если та сбежала с Самоваровым.

— Вряд ли, — вздохнул он.

— Как же ты, черт возьми, разрешил своей жене участвовать в таком сомнительном деле? Будь моя воля, я б тебе выговор по партийной линии объявила — с занесением в учетную карточку!

— Вы что, не знаете Иру? Я был против, чуть ли не за руки ее держал!

— Плохо, значит, держал. Размазня!

— Перестаньте! Мне и так плохо!

— Слушай, а ты не врешь? — Татьяна Степановна поднялась с дивана, надвинулась на зятя всем своим крупным телом. И тот, словно на него пахнуло ледяным холодом, потуже запахнул свой халат. — Цирк, шкаф, как-то это все мало похоже на правду... Если ты, гад, погубил Ирку, я тебе устрою тридцать седьмой год!

Патрикеев поморщился.

— Не смешно!

— Ладно, разберемся, что к чему.

Татьяна Степановна вышла в прихожую, принесла одну из сумок. Открыла ее и принялась по-хозяйски раскладывать вещи на диване, на стульях, что-то положила в платяной шкаф.

— Подождите, подождите! — заволновался Патрикеев. — Теперь, когда Иры нет рядом, мы не можем с вами... в некотором смысле... жить в одном помещении...

— За себя боишься? — Татьяна Степановна повернулась к нему грудью. — А я за себя не боюсь... Только сунься ко мне!

— У вас мания величия! Я в смысле, что мы — разнополые...

— Ты лучше Ирку ищи, если хочешь спать спокойно! Шевели милицию, надоедай им, чтоб мух не ловили... Заинтересуй их материально!

— Это как — материально? — озадачился Патрикеев. Татьяна Степановна презрительно дернула головой.

— Ты точно в инкубаторе вырос!..

Иван Погорелов, энергичный молодой человек лет двадцати пяти, ладный, порывистый, как теннисист, разрезом глаз и вьющимися темными волосами отдаленно напоминающий поэта А.С. Пушкина, был тем частным детективом, о котором говорила Римма.

В присутствии Виктории и Маши он осматривал гримерную Самоварова в цирке. Погорелов делал все, не спеша, тщательно изучая каждую мелочь. До нужных ему предметов касался только пинцетом, поднимая их вверх и разглядывая в таком положении, веселя подобными действиями женщин.

Виктория курила, сидя на стуле и мучаясь от безделья. Слишком уж долго молодой детектив копался в несущественных, по ее мнению, деталях. Маше тоже это было в тягость. Желая занять себя, она отгадывала кроссворд в журнале, изредка поглядывая на Погорелова. Когда тот вынул из сумки пинцетом ключи от машины, не выдержала:

— Вы все делаете пинцетом? Микробов опасаетесь или не хотите оставлять отпечатки пальцев?

— Пальцы — слишком грубый инструмент, можно не заметить существенных мелочей, на которых строится наша жизнь. А пинцет позволяет взглянуть на предмет, словно через увеличительное стекло.

Чувствовалось, что Погорелову доставляет удовольствие сам процесс исследования предметов.

Маша вернулась к кроссворду.

— Кормовой ползучий знак? — спросила она у Виктории. — Пять букв...

— Пырей, — ответил Погорелов, опускаясь на корточки и заглядывая под гримерный столик, где светилась белым батарея теплоцентрали.

— Подходит! — кивнула Маша. — Старинная кофта без пуговиц... Девять букв.

— Кацавейка! — подсказал Погорелов. И, цепанув пинцетом пластиковый стаканчик для питья, закатившийся под батарею, поднялся на ноги.

— Верно! — отозвалась восхищенная Маша. — Если вы и в своем деле так же лихо соображаете, тогда мы найдем отца...

Погорелов белозубо улыбнулся.

— Здесь следы помады... — сказал он, показывая стаканчик. И спросил у Виктории: — Ваша?

Виктория оглядела стаканчик.

— Судя по цвету, не моя...

— А чья?

— Не знаю. Мало ли кто заходил к нам, пил воду...

— А часто к вам перед представлением заходят люди?

— Случается...

— И в день исчезновения вашего шефа тоже заходили?

— Нет.

— Ну вот, — воскликнул Погорелов, явно гордясь собой. — Важная деталь. А господа из уголовного розыска ее упустили.

Виктория была настроена скептически к действиям молодого детектива: одно дело отгадывать кроссворды, другое — выйти на след исчезнувшего человека.

— Возможно, этот стаканчик валяется здесь с незапамятных времен, — хмыкнула она.

— Возможно. А возможно — и нет. И тогда это становится важной уликой.

Погорелов извлек из портфеля целлофановый пакет для хранения улики и положил туда стаканчик.

— Значит, помада не ваша?

— Не моя.

Затем Погорелов осматривал на стоянке у цирка автомашину, принадлежавшую Самоварову. Маша при этом сидела в машине сзади, открыв дверцу, продолжая разгадывать кроссворд.

Погорелов осмотрел пол в салоне, открыл бардачок и стал исследовать его содержимое.

— Опора всадника? — спросила Маша. — Шесть букв...

— Стремя, — подсказал Погорелов, изучая бумаги, обнаруженные в бардачке.

— Верно! Откуда вы все знаете? — Маша с интересом взглянула на Погорелова.

— Наитие! — отозвался тот с видом простака. — Между прочим, машину следует отогнать в гараж, пока ее отсюда не украли... Вы умеете водить автомобиль?

— Нет, — призналась Маша.

— Надо учиться.

Окончив осмотр бардачка, Погорелов приступил к изучению салона машины сзади.

— Разрешите! — попросил он Машу.

Девушка переместилась на переднее сиденье.

Наклонившись к резиновому коврику для ног, Погорелов некоторое время внимательно осматривал его. И вдруг поднял вверх руку с пинцетом, в котором был зажат пистолетный патрон, обнаруженный им под краем коврика.

— Вот! — торжествующе произнес он, показывая находку Маше. — Неиспользованный патрон! — И спросил: — У вашего отца есть оружие? Пистолет, наган...

— Нет. И никогда не было.

— Отлично! — Погорелов убрал находку в полиэтиленовый пакет. — Отдадим, куда надо, и посмотрим, чьи там пальчики...

Далее Погорелов, сменивший с помощью Антонины Ивановны свою обувь на тапочки, осматривал квартиру Самоваровых и комнату пропавшего фокусника.

— В шкаф заглянуть можно? — спросил он.

— Можно, — разрешила Маша. И с лукавым выражением лица уставилась на Погорелова в ожидании, когда тот откроет дверцу и чертыхнется, услышав звуки марша Радамеса.

Но Иван, почувствовав скрытый внутри подвох, пошарил пальцами на верхней крышке шкафа и что-то там отключил. После чего в полной тишине открыл дверцу.

Маша была поражена.

— Откуда вам это известно?
— Что?
— Что там отключается музыка...
— Наитие, — признался с невинным видом Погорелов.

Утром Патрикеев открыл на стоянке свою машину, уселся за руль... Хотел закрыть дверь, но не смог — помешала чья-то крепкая рука. Он поднял голову и взглянул на того, кому принадлежала рука.

Перед ним стоял мужчина лет сорока пяти, крепкого телосложения, с несколько помятым лицом.

— В чем дело? — спросил Патрикеев.

— Вы муж Ирины Патрикеевой? — строго поинтересовался незнакомец.

— Я.

— А я — Швец. Тот, у кого ваша жена приобрела кольцо. Причем долго уговаривала отдать его ей, хотя обещано оно было другой...

— Очень приятно... — растерялся несчастный муж. — Впрочем, что это я... — Он взял себя в руки: — У меня в квартире нет кольца, о котором шла речь... Так что все вопросы к Ире, когда она объявится.

— Я не могу ждать, — заявил незнакомец. — Придется вам заплатить за причуды своей жены.

Патрикеев рассердился.

— Я, конечно, человек простодушный, но не до такой степени, чтобы отдать первому встречному двенадцать тысяч баксов неизвестно за что!

— Даю вам неделю на раздумье. Через неделю за бабками к вам придут серьезные ребята... Так что подумайте, брошенный муж!

Патрикеев оскорбился.

— Почему — брошенный? — вскричал он. — Почему — брошенный?!

— Сам сообрази...

Незнакомец криво ухмыльнулся и удалился в сторону улицы.

Явившись на работу, Резцов первым делом включил электрочайник. Насыпал две ложки растворимого кофе в чашку, бросил туда кубик сахара.

Зацепин, склонившись к компьютеру, набирал какой-то текст.

Резцов стоял возле чайника и ждал, когда закипит вода. Лицо у него было мрачноватое. Так бывало всякий раз, когда поутру он обнаруживал в своей постели малознакомую девуцу. Это мучило его и заставляло страдать.

— Что с тобой? — спросил Зацепин, видя, что он удручен.

— Странное, понимаешь, дело... — заговорил Резцов после некоторого молчания. — Вечером выпьешь рюмку-другую — телка нравится, а утром посмотришь на нее и думаешь: где же вчера вечером были твои глаза?

— Значит, не пей! — посоветовал Зацепин. — Делай все на трезвую...

— На трезвую не всегда получается...

В комнату заглянул Карпухин и, увидев, что подчиненные на месте, вошел.

— Кофе хотите? — предложил Резцов.

— Нет, — отказался Карпухин. — Есть новости по делу фокусника... как там его?

— Самоваров! — подсказал Зацепин. Он сразу оставил компьютер и встал по стойке «смирно».

— Вот-вот!

— Новостей нет, — признался Резцов. — Мертвая зыбь!

— Ты мне это оставь — мертвая зыбь! — воскликнул Карпухин. — Шторм мне давайте! Пять баллов!

— Андрей Петрович! Это не в наших силах... — Резцов тоскливо глядел на чашку с дымящимся кофе, не решаясь пить в присутствии начальника. — Следов никаких! Не можем же мы сочинять преступника...

— В квартире у артиста были?

— И в квартире были, и в цирке неоднократно. Опросили немало людей. Поговорили с дочерью, с друзьями — никто ничего не знает.

Карпухин нахмурился.

— Прямо как на войне — без вести пропавший!

— Пропавших, между прочим, двое, — подсказал Резцов.

— Знаю. Но женщина меня меньше волнует, если только она не с ним.

— Исчезли они вдвоем, и искать их надо в связке.

— Это на Эльбрусе будешь их в связке искать! А сейчас меня заботит фокусник!

— Разрешите, товарищ подполковник, — обратился к Карпухину Зацепин.

— Слушаю тебя. Только давай без инопланетян и прочего мракобесия. Между прочим, тебя за такие мысли в Средние века сожгли бы на костре!

— Слава богу, мы живем в просвещенный век! — отозвался Зацепин. И стал излагать новую идею: — Может быть, все проще, чем мы думаем? К примеру,

Самоваров разочаровался в жизни... Как Лев Толстой когда-то. Устал от своих проблем и решил покончить с собой!

— Лев Толстой ушел из дома, — сказал Карпухин, — а не покончил с собой... А женщина?

— Что — женщина?

— Тоже покончила с собой?

— Вот об этом я не подумал, — озадачился Зацепин. — Женщину пока оставим за скобками...

— Эх ты, «за скобками»! Если Самоваров покончил с собой, должен быть труп. А трупа, насколько я понимаю, нет.

— Надо еще раз обзвонить морги. Может быть, труп найдется.

— Морги надо объехать. Пусть этим Пузырев займется. Самоварова и женщину могли убить. Но сам он — насколько я понимаю — вряд ли совершил бы подобную глупость...

Карпухин повернулся к Резцову:

— А ты что думаешь?

— Не знаю... — честно признался тот, все еще поглядывая с печалью на чашку с кофе.

— Завтракать надо дома, — ворчливо заметил Карпухин. — Жениться тебе надо, Резцов! Сотрудник уголовного розыска должен иметь жену. А то случись что, не дай бог, и орден посмертно вручить будет некому.

— Не получается, Андрей Петрович, — признался Резцов. — Всё не те попадают...

— Плохо ищешь.

Покончив с делами в столице, мать Ирины собралась уезжать. В гостиной на полу стояли три большие

сумки, куда уместились ее покупки. В одну из сумок Татьяна Степановна пыталась втиснуть еще какой-то сверток. Наконец, ей это удалось, и она с трудом застегнула молнию на сумке.

— Присядем на дорожку! — сказала она, утирая потный лоб.

Патрикеев послушно опустил на стул.

Татьяна Степановна села на диван.

— Когда Ирка объявится, сразу звони.

— Вы думаете, она объявится?

— А то! Загуляла где-нибудь — не иначе.

— Как это загуляла? При живом-то муже?

— Бывает и такое. Значит, не умеешь держать жену в узде, не умеешь быть интересным... А может, и по мужской линии слаб.

— Другие до вашей дочери не жаловались, — обиделся Патрикеев.

— Да и она-то не жаловалась... — вздохнула Татьяна Степановна. — Это я так — предполагаю.

— Ваши фантазии неуместны! — завелся Патрикеев. — И вообще, черт возьми, надоело! Надоело, что вы не моете за собой посуду! Оставляете повсюду окурки! Ходите по утрам полуголой!

— А ты не пьялся! — парировала теща.

— Надоела неясность с Ирой! Исчезла, и жизнь превратилась в кошмар! Одни проблемы! То иди в сбербанк, плати за квартиру, то оплачивай кредит... Теперь появился какой-то ухарь, требует денег, которые Ира вроде бы ему задолжала! А я об этом — ни слухом ни духом!

— Если Ирка кому-то задолжала, оплати ее долги! Муж ты или *скупой рыцарь*?

— А если завтра кто-то потребует за долги квартиру и машину?

— Тогда гони его в шею!.. Ладно, подъем! — Татьяна Степановна поднялась с дивана. — Будем надеяться, что все образуется... Но учти «певец», — она бросила на зятя туманный взгляд, — если это ты с Ирой сотворил что-либо дурное, лежать тебе на Ваганьково до срока! Уж я постараюсь!

Погорелов подъехал к зданию института, где училась Маша. Вызвал ее по мобильному телефону.

Когда девушка появилась на улице, Погорелов, ждавший в машине, вылез и помахал рукой.

Маша уселась в машину рядом с ним.

— Есть новости, — сказал Погорелов. — Отпечатки пальцев на патроне принадлежат матерому уголовнику по кличке Лось. Откуда в машине твоего отца патрон с отпечатками Лося?

Маша удивленно уставилась на детектива.

— Это у Лося надо спрашивать...

— Спросил бы... — Погорелов вздохнул. — Но Лось был застрелен три недели назад... Возможно, что-то знает тот, кто организовал его убийство...

Погорелов вынул из кармана куртки какой-то конверт.

Маша с любопытством смотрела на детектива и ждала продолжения рассказа. Ей нравился этот парень, толковый и энергичный.

— Я тут заходил в цирк, — заговорил Погорелов, — поговорить с местным персоналом... Встретил двух подозрительных мужиков со стороны. Они что-то выню-

хивали. Интересовались вашим отцом. Я их незаметно сфотографировал. Здесь в конверте — фото.

Маша достала из конверта снимки. Одного из мужчин, похожего на «братка» (а это был Пузырев), она не знала, а вот лицо второго было ей знакомо. Приглядевшись, она вспомнила, кто это. На снимке был Зацепин — один из двух следователей, побывавших у нее дома.

— Я его знаю, — Маша ткнула пальцем в Зацепина. — Этот парень из уголовного розыска. Приходил к нам вместе с напарником.

— Вы уверены в этом?

— Они показали документы... Потом звонили не раз, задавали вопросы... — Маша иронически хмыкнула. — Прокон, товарищ детектив! А как же ваше знаменитое «наитие»?

— Произошла осечка! — озадаченно признался Погорелов.

За три месяца, прошедшие со дня исчезновения Сомоварова и Ирины, Патрикеев и Виктория сблизились, объединенные общим несчастьем. Время от времени они встречались. Мало того, оба чувствовали себя удобно в компании друг друга. К тому же у них была общая тема для разговоров — каждый относился с пониманием к потере другого и готов был подолгу выслушивать собеседника.

В субботу Патрикеев ждал Викторю у театра, где они договорились встретиться, собираясь пойти на спектакль. Увидев Викторю, Патрикеев пошел ей навстречу.

— Я нашел, — радостно сообщил он.

— Кого? Жену? — спросила Виктория, готовая порадоваться за него.

— Нет, я нашел вам работу... В торговой компании моего приятеля нужен пресс-секретарь. Это, конечно, не в платье с блестками красоваться, но — дело живое...

— А если объявится Самоваров?

— Вернетесь к нему... — Патрикеев вздохнул. — Но объявится ли он, вот в чем вопрос! Пошел четвертый месяц, как они пропали...

— Да, время летит ужасно. Если честно, — призналась Виктория, — меня мучает любопытство: что же все-таки с ними случилось?

— Моя теща подозревает меня. Думает, что это я придушил Иру где-нибудь в живописном лесном массиве. После шашлыков. Но это не мешает ей исправно приезжать в Москву за товаром и останавливаться в моей квартире. У нее в Нижнем — свой магазин.

— Посоветуйте ей поговорить со следователями. Может, после этого она изменит точку зрения.

— Она говорила с ними и не раз. Устроила скандал, заявила, что они даром едят свой хлеб, грозились, что прикроют их лавочку, если будут тянуть резину.

— Грозная у вас теща.

Разговор продолжался в зале театра, куда они вошли в числе первых. Между рядов проходили люди, усаживались на свои места, шелестели программками, налаживали бинокли, направляя их на сцену, закрытую плотным темно-серым занавесом.

— Давно я не был в драматическом театре, — сказал Патрикеев, оглядывая партер. — Ирина предпочитала

оперетту. Она и на меня-то из-за моего голоса обратила внимание. Но я так и не стал профессионально петь. Пою иногда дома, в компании друзей.

— Разрешите! — протиснулась к ним полная дама, направляясь к своему месту. Ее сопровождал мужчина восточной наружности. Толстые колени дамы уперлись в колени Патрикеева, и тому пришлось встать, чтобы пропустить ее.

— А я вас знаю, — вдруг заявила дама, обращаясь к Виктории. — Вы работаете в цирке! У Самоварова. Какой чудесный артист! Куда он делся?

— Вы ошиблись, — сухо отозвалась Виктория и, когда женщина и ее спутник прошли дальше, повернулась к Патрикееву. — Значит, у вас есть голос? Как бы мне хотелось послушать, как вы поете...

— Прямо сейчас? — встрепенулся Патрикеев.

— Нет, конечно, — улыбнулась Виктория.

— Зря вы это сказали, — засуетился Патрикеев. — Я теперь спать не буду, думая, что же вам спеть, чтобы не ударить в грязь лицом.

Поздно вечером Виктория и ее мать сидели на кухне, пили чай. Обсуждали Патрикеева.

— Вика, мне непонятно твое увлечение этим человеком, — призналась Анна Викторовна.

— Мама, оставь! Я не девочка.

— Он — женатый мужчина, — настойчиво продолжала Анна Викторовна, — а с женатыми лучше дело не иметь. По себе знаю. Это нехорошо по ряду причин.

— Ты говоришь, женатый? — возбудилась Виктория. — Тогда ответь мне, где его жена?

— Ну... временно отсутствует.

— Временно... Боюсь, что она уже не вернется. Как и Павел Иванович. Она исчезла, а не задержалась на курорте! Десять из десяти, что она и Самоваров мертвы.

— Если твой Патрикеев вдовец и таковым себя считает, — гнула свою линию мать, — пусть поживет некоторое время один, без женщин... Как это принято в таких случаях у приличных людей!

Виктория отодвинула чашку, пристально взглянула на мать.

— Он тебе не нравится?

Анна Викторовна пожала плечами.

— Мне кажется, ты не особенно влюблена...

— Причем здесь это?

— Здрасьте! Как это причем?

— Он трогательный человек, в чем-то даже наивный... Образованный. Много знает. С ним интересно. Мне этого вполне достаточно.

— Ты найдешь себе мужчину лучше.

— Когда? Видишь, не нашла... К черту! Мне надоело быть одной!

Анна Викторовна сидела некоторое время молча. И вдруг спросила:

— А если все же объявится его жена? А у вас уже все слажено?

— Если объявится, получит развод! Нечего исчезать на такой долгий срок!

— Вика! О чем ты говоришь! — всплеснула руками Анна Викторовна. — Это непорядочно! Ты же читала книжки, — Чехова, Бунина, других достойных авторов — где говорится о человеческом благородстве...

— Мама! Я не хочу быть благородной! Оставляю эту роль другим...

Резцов сидел в кабинете у Карпухина, тот пригласил его доложить о состоянии дел.

— Ну, что? — Подписав какую-то бумагу, подполковник поднял на Резцова глаза. — Фокусник Самиров не прислал телеграмму с Карибских островов?

— Не прислал, — подтвердил Резцов.

— Значит, в тех краях не отдыхает? — с иронией поинтересовался Карпухин.

— Не отдыхает, — согласился Резцов.

— Где же он тогда?

— Сам бы хотел это знать...

— И трупа нет?

— И трупа нет. Я же говорил: тупиковое дело!

— А те, что приходили за деньгами к мужу пропавшей женщины?

— Случайные вымогатели. Узнали о пропаже Патрикеевой и решили погреть руки. Теперь загорают в СИЗО. К исчезновению нашей пары отношения не имеют. У них своих подвигов хватает.

— Что мне докладывать генералу? — спросил Карпухин, поглаживая лысеющую голову. — Что народный артист как в колодец провалился?

— Товарищ подполковник, что вы от меня хотите? Не могу же я труп бомжа выдать за тело Самоварова!

— Не можешь... Ничего ты не можешь! А я на тебя надеялся.

Карпухин вынул из кармана коробочку, достал оттуда таблетку. Положил ее в рот, запил водой.

— Разрешите? — в кабинет заглянул возбужденный Зацепин.

— Заходи, — кивнул Карпухин.

Зацепин прошел к столу, за которым сидели подполковник и Резцов. Положил перед Карпухиным несколько фотографий.

— Вот! — радостно заявил он. — Обнаружил в одном НИИ.

— Что это?

— Посмотрите, посмотрите, товарищ подполковник...

Карпухин повертел в руках снимки.

— Летающая тарелка? — неуверенно спросил он.

— Вот именно! — подтвердил Зацепин.

— Ну и что?

— Обратите внимание, над чем зависла эта тарелка, — Зацепин приплясывал от нетерпения, огорченный недогадливостью начальника.

— Над чем?

— Над зданием цирка! А теперь спросите, когда сделан снимок?

— Ну, спрашиваю: когда?

— Четырнадцатого мая! В тот день, когда Сомов и Патрикеева исчезли!

— Ты опять за свое? — поморщился Карпухин.

— Но это же факт! Научный факт! Нашедший подтверждение на фото!

Карпухин тоскливо взглянул на Резцова:

— Слушай, убери его от меня! От греха подальше!

— Подождите, товарищ подполковник, — остановил начальника Зацепин. — Есть еще кое-что... В цирке имеются камеры видеонаблюдения. Мы поначалу как-то упустили из виду это обстоятельство. Потом нашли видеозаписи с этих камер — слава богу, они сохранились — и одна запись нас заинтересовала. Там есть

и Самоваров, есть и Патрикеева. Камера зафиксировала их после того, как самоваровский шкаф вынесли с арены, и они прошли за кулисы.

— Любопытно, — заинтересовался Карпухин.

Зацепин вставил кассету в видеомэгнитофон, включил телевизор.

Все трое устремили глаза на экран. Резцов уже неоднократно просматривал эту видеозапись, поэтому его интерес был не столь силен, как у Карпухина.

На экране Самоваров и Патрикеева стояли в коридоре, оживленно беседуя. Затем Самоваров пожал женщине руку, видимо, благодарил ее за участие в трюке. Мимо них ходили цирковые рабочие, артисты, занятые в представлении. Провели слона. Двух зебр. Потом коридор внезапно опустел. Самоваров и Патрикеева прошли еще немного вместе, и фокусник указал куда-то рукой — вероятно, объяснял, как вернуться обратно в зрительный зал. И вдруг, находясь в середине кадра, оба исчезли, словно зашли за невидимую кулису.

— Куда же они делись? — оторопел Карпухин. — Ну-ка, покажи еще раз.

Зацепин отмотал запись и вновь запустил ее.

— Ничего не понимаю! — воскликнул Карпухин, посмотрев запись повторно. — Будто за зеркальную стену зашли...

— Вроде того, — подтвердил Резцов.

— То-то и оно! — вновь заерзал Зацепин. — Все складывается: тарелка над цирком, исчезновение в коридоре... Вот вам и ответ!

— Может, там была остановка камеры? — не хотел верить в увиденное Карпухин.

— Мы проверяли, — сказал Резцов. — Остановки камеры не было. Камера фиксировала все подряд.

— Ребус! — почесал голову Карпухин. — Найдите тех, кто находился в коридоре перед тем, как Самоваров и женщина исчезли. Поговорите с каждым. Может, кто-то из них в момент исчезновения был поблизости...

— Мы опросили всех, кого обнаружили в кадре, — сказал Резцов, — и никто из них ничего подозрительного не заметил.

— Товарищ подполковник, — не унимался Зацепин, — все складывается — одно к одному! Это они! — И указал пальцем вверх.

Карпухин скривился, словно от зубной боли.

— Слушай, байки про тарелки оставь для школьниц, а мне голову не морочь!..

Маша открыла дверь, на пороге с букетом цветов стоял Полухин.

— Это тебе. — Он протянул букет Маше.

— Спасибо, — улыбнулась девушка. — Как невесте!

В прихожую вышла Антонина Ивановна. Полухин был единственным человеком в природе, кому она разрешала не снимать обувь.

— Федор Игнатьевич, есть будете? У меня обед готов...

— Нет, — отказался гость. — Я ненадолго. Посмотреть на Машку, что и как..

Они прошли в гостиную. Полухин присел к столу.

— Ну, как ты? — спросил он.

— Живу, — последовал невеселый ответ.

Некоторое время молчали. Говорить о Самоварове не стали, ни он, ни она. А что говорить, если человек пропал? И пропал давно. Только душу бередить!

— Выглядишь неплохо, — с бодрыми нотками в голосе заговорил Полухин, сообразив, что молчание затянулось.

Маша невесело усмехнулась.

— Я пока не старая бабка, чтобы плохо выглядеть.

— Ну, мало ли... — повел рыжей головой Полухин. И вдруг предложил: — Может, тебе пожить у нас некоторое время? Подумай!

— Зачем?

— Всё веселее, чем одной... С Танькой моей — вы почти ровесницы.

— Спасибо, дядя Федя. Мне и дома хорошо.

— Ну, как знаешь... В общем, если что, звони. — Полухин поднялся. Бросил туманный взгляд па портрет Самоварова, висевший на стене на видном месте, выразительно вздохнул: — Да-а... — И ничего не добавив больше, направился к выходу.

Уже когда он был у двери, его остановил Машин голос.

— Дядя Федя, мне нужны деньги... — сказала она, испытывая неловкость от своей просьбы.

— Ты уже всё потратила, что я дал? — удивился Полухин.

— Потратила.

— С таким размахом недолго вылететь в трубу!

— Я и так себя ограничиваю во многом... — стала оправдываться Маша. — Антонине платить надо? Надо! А за квартиру? За учебу? Тут страховку за папину машину пришлось продлить... Есть тоже надо, ну и голой я ходить не могу! — капризно добавила она. — А тут еще я залетела...

— В каком смысле?

— В том самом.

— От кого? — растерялся Полухин.

— Какая разница! От Сережки, дурака, конечно...

— И что ты намерена делать?

— Рожать! — выкрикнула с вызовом девушка. — Без отца, без денег!.. — И уже спокойнее добавила: — Аборт буду делать.

— Ну, ладно, ладно, — залепетал Полухин, желая ее успокоить. — Завтра я привезу тебе денег, ты только не волнуйся...

— Дядя Федя, я не могу тебя постоянно доить... — Маша нахмурилась. — Давай продадим одну из папиных картин, хотя бы эту... — И она указала на небольшую картину, висевшую на стене. — Она, наверное, немалых денег стоит. Помоги ее продать, ты в этом деле больше понимаешь...

Полухин взглянул на картину.

— Ты же знаешь, это — Крамской! Подлинник! Вещь твоему отцу весьма дорогая...

— Пусть! — нервно выкрикнула Маша. — Мне деньги нужны! Я не хочу влачить нищенское существование... Еще немного, и я превращусь в бомжа! Отца нет, и появиться ли он — неизвестно! А я жить хочу, жить, понимаешь?! Я молода, я хочу мир увидеть! Чем я хуже других? А Крамской — черт с ним! Это всего лишь холст, покрытый красками!

— Хорошо, я подумаю об этом, — устало произнес Полухин, удрученный столь неожиданным выплеском чувств. И кивнул на прощанье: — Будь здорова!

Когда за Полухиным закрылась дверь, Маша прошла к себе. Не успела она прийти в себя, как услышала из отцовской комнаты громкую музыку. Это был все тот же марш Радамеса из «Аиды».

Маша со смутным чувством бросилась в комнату отца и, обнаружив Антонину Ивановну возле открытой дверцы шкафа, потемнела лицом.

— Зачем вам понадобилось лезть в шкаф? — набросилась она на домработницу.

— Хотела убрать халат Петра Ивановича... Чего он понапрасну болтается в ванной?

Маша отвернулась.

— Может, это кощунственно звучит, — сказала она, сдерживая раздражение, — но лучше бы нашлись тела, чем постоянно жить в неведении...

В дверь позвонили.

Маша поспешила в прихожую.

За дверью стоял Серега.

— Это ты? — безрадостно констатировала она.

— Я.

— Я не ждала тебя. Извини, мне нужно срочно уйти...

Серега был настроен весьма решительно.

— Маша, нам надо объясниться. Мне кажется, ты избегаешь меня.

Маша молчала, не опровергая сказанное и не подтверждая его.

— Что случилось?

— Случилось то, что у меня пропал отец, — сухо ответила девушка.

— Это, конечно, ужасно, я понимаю... Но при чем здесь наши отношения?

— Слушай, иди домой, — сказала Маша. — Я поняла, мы мало подходим друг другу.

— Вот как? — Серега был уязвлен ее словами. — С чего это вдруг?

— Наитие! Знаешь, что это такое?
И с отчужденным видом закрыла дверь.

Был вечер. За окном смеркалось. Резцов, находясь у себя в кабинете, в который уже раз, просматривал запись с изображением Самоварова и жены Патрикеева, идущих по коридору цирка. Вот они сделали последние два шага и зашли за невидимую кулису.

Резцов остановил запись. На экране от фигуры иллюзиониста осталась половина... Если бы он выходил за рамку кадра, это было бы понятно, но Самоваров находился как раз в середине кадра, и за ним темнела стена коридора с пожарным ящиком на ней.

Резцов с помощью кнопки на пульте продолжил движение... И точно также исчезла спутница артиста, оставив на экране после остановки кадра лишь часть ноги в туфельке, будто вслед за Самоваровым шагнула в другое измерение. Новое нажатие кнопки — и нога женщины исчезла. Остался пустой коридор и пожарный ящик на стене.

Резцов еще некоторое время тупо вглядывался в экран, пытаясь постичь загадку исчезновения фокусника и его спутницы, потом выключил телевизор. Дорого бы он дал, чтобы знать, где сейчас эти ребята?

Миновал год. Немало событий произошло за это время, и хороших, и плохих. Жители города женились, разводились, рожали детей, умирали, занимались спортом, ходили на митинги, пили водку, совершали преступления и добрые дела. Но Самоварова и жену Патрикеева так и не удалось найти. Ни их самих, ни их тела.

Жизнь шла своим чередом. Каждый участник этой истории был занят собой, своей личной жизнью. Острота потери прошла, и о пропавших почти не вспоминали.

Резцов, проснувшись утром, сел на кровати.

— Блин! А если наоборот? — вслух подумал он. Мысли Резцова были заняты очередным преступлением, расследованием которого он занимался вторую неделю. — Что, если нападение на инкассаторов совершили братья Петуховы? Уж слишком гладкое у них алиби! — И спросил, обращаясь в пространство: — Что? Что ты сказала?

Рядом с ним в постели никто не заворочался, не проснулся, как обычно, разбуженный его словами. Бросив взгляд на вторую подушку и не обнаружив там очередной «дамы сердца», Резцов радостно потянулся. Вот оно счастье — он один! Резцов спрыгнул пружинисто на пол, чувствуя избыток энергии, и пошел в ванную умываться.

Антонина Ивановна уже третий месяц трудилась на новом месте — в семье Полухиных. С утра, орудуя пылесосом, она наводила чистоту в гостиной.

Сам Федор Полухин, несколько погрузневший за прошедшее время, его жена, чрезмерно пользующаяся косметикой, что явно не шло ей на пользу, и взрослая дочь, самоуверенная девица, завершив завтрак, собирались каждый по своим делам.

— Антонина Ивановна! — обратилась к домработнице жена Полухина, когда та на короткое время выключила пылесос. — Сегодня мы дома обедать не

будем, так что не напрягайтесь... Да и вечером идем с Федором Игнатьевичем в гости!

Пылесос вновь загудел.

— Я приду поздно! — бросила родителям дочь-студентка и убежала.

Полухин причесал перед зеркалом рыжие волосы, пригладил большим пальцем бакенбарды. Вернулся в комнату, где Антонина Ивановна орудовала пылесосом.

Тронул домработницу за плечо. Та выключила пылесос, и в наступившей тишине сразу стало как-то весело и радостно от солнечного света, заливавшего комнату через широкое окно.

— Вот, — Полухин и положил на стол конверт с деньгами. — Это за прошлый месяц.

— Благодарю! — зарделась Антонина Ивановна и, не заглядывая в конверт, сунула его в карман фартука.

— Будешь убираться в кабинете, ничего не трогай на моем столе! — уже из прихожей крикнул ей Полухин.

И вновь, словно с большим усердием, загудел пылесос.

В рабочей комнате следователей за прошедший год почти ничего не изменилось. Только появилась на стене фотография летающей тарелки в рамочке, которую повесил как-то последовательный в своих убеждениях Зацепин.

Резцов, придя на работу, включил, как обычно, электрочайник, насыпал из банки растворимого кофе в чашку. Положил кубик сахара. И ждал с умиротворенным видом, когда закипит вода.

Зацепин, сдвинув сосредоточенно брови, чертил на листе бумаги какую-то схему.

— Ты знаешь, — заговорил Резцов с радостным чувством, — проснулся утром, взглянул на соседнюю подушку и — какое счастье! — никого нет!

— Поздравляю! — хмыкнул Зацепин. — Что случилось? Ты разве не ходил вчера к Дудкину?

— Ходил.

— И там не было девчонок? — удивился Зацепин.

— Были.

— И что же?

— Проводил одну до дому. Был трезвый, как стекло! Думаю, если завтра вспомню о ней, значит, это — человек, заслуживающий внимания!

— Прогресс в действии! — засмеялся Зацепин.

— Зато утром меня осенило... А что, если инкассаторов ограбили братья Петуховы? У каждого из них алиби, и все так гладко, словно специально готовились для этого!

— Братья Петуховы? — Зацепин задумался. — А ты знаешь, это вполне реально! Надо перетереть!

В кабинет заглянул Пузырев.

— Николай! — бросил он Резцову. — Зайди к Карпухину с делом об ограблении инкассаторов. У старика есть вопросы.

Резцов налил кипяток в чашку. Взял чашку в руку, решая: пить или не пить? Отставил в сторону.

Открыл шкаф с делами, протянул руку к одной из полок. Отодвинул в сторону — вместе с прочими — папку с делом о пропаже Самоварова и Патрикеевой. Нашел папку с делом об ограблении инкассаторов. Пока он вынимал ее, из папки с делом о «пропавших» вывалилась видеокассета. Упала на пол.

Резцов поднял кассету, механически повертел ее в руке, пытаясь сообразить, откуда она выпала. Но так

и не понял этого. Небрежно бросил кассету на стол, надеясь потом разобраться, что к чему. И поспешил к Карпухину.

Карпухин в это время сидел у стола, нависнув над стаканом с водой, где плескалась таблетка «шипучего» аспирина, и, щурясь, наблюдал за реакцией.

Резцов, войдя в кабинет, сразу понял, в чем дело.

— Позволили себе вчера, товарищ подполковник? — деликатно поинтересовался он.

— Позволил... — добродушно подтвердил Карпухин. — Дочь внучку родила. Вес — три восемьсот, рост — пятьдесят два сантиметра. Сокровище! Вчера впервые ее увидел

— Поздравляю!

— Спасибо. Садись. Ну, что там у нас с инкассаторами?

— Возникло интересное соображение... — сказал Резцов. — Возможно, ограбление устроили братья Петуховы. И хотя у каждого вроде бы железное алиби, но некоторые детали свидетельствуют против них...

Карпухин взял стакан, залпом выпил воду.

— Эту идею «летающий Тарелкин» высказал?

— Какая разница, — скромно потупился Резцов.

Карпухин помолчал.

— Ладно, — сказал он. — Копай! Я на тебя надеюсь. Мы тут тебя грамотой министра решили поощрить.

— Лучше бы деньгами, — пошутил Резцов.

— Ничего не лучше! — не принял шутку Карпухин. — Между прочим, грамотой министра не каждого поощряют... А деньги — прогуляешь, пропьешь, и памяти никакой!

Патрикеев суетился в кухне. Бегал от стола к настенным шкафчикам и кухонной плите, накрывая на стол и одновременно готовя завтрак.

На плите стояли две сковородки, в одной — шипел аппетитный омлет с помидорами, в другой — жарились гренки.

— «Скажите, девушки, подружке вашей, что я не сплю ночей...» — напевал вполголоса Патрикеев, увлеченный своим делом. Пение свидетельствовало, что у поющего хороший слух и весьма неплохой голос.

Вошла мать Виктории, направилась к холодильнику — взять бутылку воды и запить лекарство.

— Доброе утро, Анна Викторовна... — прервав пение, поздоровался Патрикеев. — Будете с нами завтракать? Уже почти все готово.

— Не хочется, — сдержанно отказалась та. — Я позже чаю выпью...

— А то рекомендую: омлет «Букет Флоренции»!

— Спасибо, — кивнула Анна Викторовна. — Верю, что вкусно, но вы уж без меня... — И удалилась.

Спустя мгновение в кухне появилась Виктория, свежая, умытая, причесанная.

— У-у, какие запахи! — воскликнула она. — Как в ресторане!

— «...что я ночей не сплю, о ней одной мечтаю!» — продолжил пение счастливый Патрикеев.

Они коротко поцеловались с Викторией в губы, и та уселась за стол.

Патрикеев положил ей в тарелку кусок омлета. Поставил рядом гренки. Придвинул сыр, масло, нарезанные овощи.

— Версаль! — воскликнула Виктория, принимаясь за еду. — Где ты был раньше? Сколько вкусного прошло мимо меня!

Патрикеев сел к столу, но ел мало — больше смотрел на Викторию влюбленными глазами.

— Завтра ночуем у меня, — вдруг сказал он.

Виктория, посерьезнев, взглянула на него.

— Лёня... — Она сделала паузу, потом продолжила: — Давай ночевать в одном месте. Глупо жить на два дома! Ты можешь переехать к нам. Мама не возражает.

Патрикеев продолжал смотреть на нее с обожанием.

— А что делать с моей квартирой?

Вика пожала плечами.

— Не знаю... Можно ее сдавать... пока... А там будет видно... Но жить надо вместе.

Патрикеев притянул к себе руку Виктории и поцеловал.

— Сделаем, как ты хочешь.

— Между прочим, сегодня в цирке новая программа, — сказала Виктория, возвращаясь к еде. — Света Кошукова, дрессировщица, меня пригласила... Пойдем?

— В цирк? — подпрыгнул на стуле Патрикеев. — Ни за что!

Утром, как обычно, в кабинете Резцова и Зацепина уборщица проводила уборку. И видеокассета из дела о «пропавших», валявшаяся под столом, оказалась в мусорной корзине. После уборки содержимое корзины вместе с видеокассетой переключало в пласти-

ковый мешок. А затем с помощью той же уборщицы пластиковый мешок оказался на улице в контейнере для мусора.

Чуть позже содержимое контейнера забрал мусоровоз с улыбочивым водителем за рулем и увез его за пределы города на свалку.

Тем же утром, часом позже, черный «Ниссан» припарковался у тротуара возле дома Погорелова. За рулем сидела Маша.

В машину подсел ожидавший девушку Погорелов. В руке у него был неизменный портфель.

— Привет! — улыбнулась ему Маша.

Они придвинулись друг к другу и поцеловались.

— Как ты?

— Видишь, уже езжу во всю! — гордо сообщила Маша, погладив руль.

— Молодец! — похвалил Погорелов. — Я тоже кое в чем преуспел. Раскопал то, что тебя порадует. — Он достал из портфеля записную книжку Самоварова. — Изучая записи твоего отца, я нашел непонятный набор цифр. Долго ломал голову над ним. Первые четыре цифры — это год его рождения, а вот следующие четыре — возможно, шифр сейфа. Если это так, сейф не придется взламывать.

Как только молодые люди вошли в квартиру Маши, тут же устремились в комнату Самоварова, где висел пейзаж кисти Левитана, за которым находился сейф.

Погорелов аккуратно снял картину со стены, некоторое время разглядывал ее, прежде чем поставить на

пол. Это был один из авторских вариантов известного полотна «Над вечным покоем».

— Прекрасная вещь! — сказал он. — Ей цены нет...

Погорелов бережно поставил картину на паркет, оперев ее о боковину антикварного дивана с жесткой спинкой из красного дерева.

Маша сгорала от нетерпения: угадал Иван с шифром или нет.

Погорелов набрал на дверце сейфа нужные цифры, взялся за ручку и, перед тем как открыть сейф, предупредительно взглянул на девушку: если не получится, не взыщи.

Маша махнула рукой: действуй!

Погорелов повернул ручку, раздался щелчок, и сейф открылся. Убедившись, что дело сделано, Иван, будучи человеком деликатным, отвернулся в сторону, чтобы не видеть того, что внутри. Открывшийся сейф ответил музыкой в духе свойственных Самоварову шуток: приятный женский голос запел старинный романс «Снился мне сад в подвенечном уборе...»

Маша словно зачарованная устремилась к сейфу и, увидев внутри пачки долларов и рублей, пришла в восторг.

— Ванька! — Она бросилась на шею Погорелова. — Ты гений! Как тебе это удалось?

— Наитие, — скромно отозвался тот.

Их лица сблизились, и они слились в долгом поцелуе.

А приятный женский голос, словно вырвавшись на свободу, продолжал петь:

— «...и в том саду мы с тобою вдвоем...»

В кабине водителя мусоровоза, выгружавшего на свалке мусор, пел с чувством в радиоприемник тот же женский голос. «Звезды — на суше, звезды — на море, звезды — в сердце моем!».

В горящий мусор скатилась видеокассета, хранящая в себе облик Самоварова и Ирины Патрикеевой. И огонь поглотил ее.

Мальчик Витя сидел в инвалидном кресле у окна. В этот день ему исполнилось шесть лет. Он, как и год назад, ждал в гости дядю Петю Самоварова. За окном смеркалось, лил дождь, навевая тоску, а мальчик все вглядывался в проходящих под окнами людей, надеясь увидеть знакомую фигуру.

— Ну что ты прилип к окну? — сказала ему мама, все такая же миловидная, как и прежде, — прошедший год никак не отразился на ее внешности. — Придвигайся к столу, все тебя ждут!

— Не хочу, — сказал Витя.

— А сладости?

— Ешьте без меня... А я посижу здесь.

— Ну что ты там не видел? — спросила недовольно мама. — Дождь, слякоть, зонты?..

— Я жду дядю Петю.

— Кого?

— Дядю Петю Самоварова... Он всегда приходил в этот день и показывал мне фокусы.

Мама печально переглянулась с папой Вити, темно-волосым мужчиной в очках, похожим на ученого.

— Дядя Петя не придет, — сказал папа, приблизившись к мальчику.

— Почему?

— Не придет...

— Он меня разлюбил? — спросил Витя, отвернувшись от окна.

— Нет, конечно... — сказала мама. — Дядя Петя пропал...

— Пропал?.. — не понял мальчик. — Умер? Он же не старый...

— Может, и умер... Это неизвестно... — И не зная, как объяснить случившееся, мама погладила Витю по голове. — Идем к столу!

Мальчик покачал головой.

— Я посижу еще немного. А вдруг он придет.

И, подперев голову ладошкой, вновь устремил взгляд на освещенную огнями улицу. И все смотрел и смотрел на прилегающее к дому пространство, на людей, бежавших от дождя, на проезжающие мимо машины, поднимающие россыпи брызг... Он твердо верил, если дядя Петя не разлюбил его, что подтвердила мама, то он придет, непременно придет. И если не сегодня, то в следующий раз обязательно. Ведь если человек обещал и любит других, то он обязательно сдержит свое слово. Что бы с ним ни случилось. Нужно только верить в это и ждать. Так думал мальчик Витя, шести лет от роду.

КЛАД

История эта начинается на драматической ноте: Петьку Косухина, Петра Григорьевича, сорокалетнего мужика, с помятым лицом неудачника, заштатного тележурналиста, только что вернувшегося из командировки в шахтерский город Колупаевск, куда он ездил по заданию редакции с неясной целью, жена Екатерина, та еще штучка, не пустила в дом. А было это так.

Косухин, уставший после трудной поездки, мечтающий залезть в теплую ванну и выпить после рюмку водки, вырулил на своем этаже из кабины лифта и, скинув с плеча рюкзачок с причиндалами командировочного, сунул в замочную скважину ключ, имея намерение открыть дверь своей квартиры и ощутить привычный дух родного жилья, запах преданной жены и острый аромат любимой им жареной картошки, которую, он надеялся, жена приготовила к его приезду.

Ключ вошел в замочную скважину, но никак не хотел поворачиваться. Ни в одну сторону, ни в другую.

Такое положение дела озадачило Косухина, но никоим образом не остудило его сильного желания попасть в родное жилище. Промучившись с ключом некоторое время и не добившись желаемого результата, Косухин нажал кнопку звонка. Звонил резко, настойчиво, строго: пусть знают, явился хозяин! И тем, кто внутри, следует поспешить к двери.

Внутри было как-то странно тихо. Ни шагов, ни бормотания телевизора, ни каких-либо других звуков.

«Где же они, мать их за ногу! Забыли, что ли, о моем приезде!» — подумал он о жене и дочке-школьнице: любая оттяжка ванны и рюмки водки воспринималась им как личное оскорбление. И он снова позвонил в дверь: резко, длинно, строго.

Внутри, наконец, произошло движение, шаркнули шаги, щелкнул замок, и в проеме двери появилась фигура жены, еще довольно стройная. С годами спина Екатерины, ее зад, бедра начали потихоньку утяжеляться, обрастать мясом, но процесс этот шел пока довольно медленно, и Косухин все еще мог любоваться ее формами, когда она, обнаженная, с легкостью девушки устремлялась из спальни в ванную; ему даже являлась мысль, что немного дополнительного мяса на округлых местах жене — только на пользу!

Лицо Екатерины было каким-то отрешенным, без сияния в глазах, и Косухину это сразу не понравилось. Возможно, она не рада, подумалось ему, что он оторвал ее от хозяйских дел, не воспользовавшись своим ключом?

И чтобы оправдаться, объяснил:

— Вот — ключ не открывает! — И в доказательство своих слов поднес к носу этот самый злополучный ключ.

Екатерина туманно посмотрела на мужа, как на что-то случайное, ненужное, возникшее перед ее взором.

— Я поменяла замок, — сказала она.

Косухин по-детски заморгал глазами, удивляясь данному поступку.

— Зачем? Он же работал...

— Ты здесь больше не живешь! — заявила Екатерина.

— Не понял. Как это — не живу? Объясни!

— Очень просто. Ты здесь не нужен.

— Если это шутка, то довольно скверная! — воскликнул с жаром Косухин, но по лицу Екатерины понял, что та не шутит. Теплая ванна, рюмка водки и жаренная с чесноком картошка удалялись в космическое пространство, отчего больно сжалось уставшее сердце. — Почему?.. — пролепетал он упавшим голосом.

Любая другая женщина на месте Екатерины испытала бы сейчас острое чувство сострадания при взгляде на Косухина, ставшего в один миг жалким, как морская птица, увязшая в разливах нефти. Екатерину же несчастный вид мужа оставил равнодушной. Она хорошо знала его умение вызывать жалость. К тому же решение принято и назад ходу нет!

— Почему?! — повторил Косухин, стукнув себя в грудь. На этот раз сердясь и стараясь удержаться на занятом когда-то плацдарме.

— Тебе нужны объяснения? Хорошо! — Екатерина воинственно скрестила на груди оголенные руки. — Ты меня достал!.. — Можно было бы этим заявлением ограничиться, что Екатерина и собиралась сделать, готовясь к этому неприятному разговору, но все же не сдержалась и выплеснула наружу то, что годами

копилось внутри: — Мне надоели твои постоянные командировки! Надоел твой канал! Твое тупое телевидение! Благо бы еще бабки платили толковые!.. Надоели твои вечные девки, с которыми ты шляешься неизвестно где!

— Какие — девки?! — выкрикнул с пафосом Косухин, пытаясь не терять лица. — Ты посмотри, посмотри на меня: я — однолюб! Это всем известно! Все прочее — сплетни!

— Ты — блуждающий форвард, а не однолюб! Туда побежал, сюда побежал... Закрыли тему!

Екатерина пошарила рукой сбоку от себя, в невидимом Косухину пространстве, и извлекла на свет большой чемодан из светлой кожи, куда заранее сложила вещи мужа, и ловко выпихнула его за пределы квартиры — прямо Косухину под ноги.

— Дай хоть душ принять! — взмолился Косухин. — Тело воды требует!

— У девок своих помоешься или в гостинице! — парировала Екатерина и, боясь дать слабину, резко протолкнула чемодан ногой еще дальше — к ступеням лестницы.

Чемодан выкатился под ноги женщине бальзаковского возраста в широкополой шляпе с цветами на полях, с маленьким пуделем на поводке, спускавшейся сверху. Оборотистый пудель тут же, не раздумывая, задрал у чемодана заднюю лапу и, если бы не хозяйка, во время дернувшая поводок, успел бы оставить свой заметный след на его кожаном боку.

— Нельзя, Икар! Нельзя! — строго сказала женщина, и псу, глядевшему на хозяйку поверх яркого банта,

украшавшего его шею, ничего не оставалось, как отложить сладостный акт омовения чужого имущества до следующего раза. — Пошли, Икар!

Пока Косухин провожал взглядом движение чемодана и наблюдал за действиями бесстыдного пуделя, дверь за его спиной захлопнулась. Массивная, металлическая, основательная дверь. Таковую не выбить и не сорвать с петель — разве что автогенном!

И остался Петр Косухин один. Без жены, без дочери и без рюмки водки после ванной.

Постояв перед квартирой в раздумье — требовалось понять, как справляться с жизнью дальше и куда теперь держать путь, — Косухин закинул рюкзачок на плечо, взял чемодан в руку и шагнул к лифту, который словно ждал его и сам перед ним распахнул створки дверей...

Второй герой нашей истории — Виталий Андреевич Тишков, одутловатый, в очках, мужчина под сорок, служащий в музыкальном театре тенором на вторых ролях, — после месячных гастролей с театром в провинции, по прихотливому желанию судьбы, тоже в этот день вернулся домой.

И его ключ не пожелал привычно взаимодействовать с замком.

Промучившись с ключом пару минут и сообразив, наконец, что здесь что-то не так, Тишков нажал кнопку звонка, опустив предварительно на пол средних размеров вместительный полу кейс полу чемодан, где находились его вещи, с которыми он одолевал трудности гастрольного быта. Тишков, будучи человеком дели-

катным, звонил в дверь аккуратно, скорее даже нежно, точно боялся разбудить человека, вернувшегося с ночного дежурства.

То, что произошло дальше, никак не входило в планы тенора, намеревавшегося после дорожных мучений встать перво-наперво под душ, а затем, скрытно от строгой жены, выпить рюмку-другую португальского портвейна, настоящего, привезенного из Лиссабона баритоном Онучиным, бутылка которого хранилась на книжной полке за собранием сочинений Бориса Пастернака в пяти томах.

Дверь царственно открылась, и на пороге появилась жена Тишкова, Антонина, статная крупная дама, врач по профессии, носившая очки, как и ее певучий муж. На лице ее не отразилось ни радостного удивления, ни счастливой улыбки — глаза за стеклами очков смотрели холодно. Что было довольно странно после стольких дней разлуки, отчего Тишков ощутил неясное беспокойство.

— Дверь чего-то не открылась, видимо, ключ сломался... — объяснил тенор с виноватой интонацией. Хотя на вид ключ был весьма исправный.

Он хотел тут же пройти в прихожую, но жена встала у него на пути как статуя и, судя по всему, менять свое местоположения не собиралась.

— Твой ключ не сломался, — сказала она, — но можешь его выбросить к чертовой матери! Я поменяла замок... Видишь ли, мой славный сожитель, ты вечно на гастролях, живешь вдали от дома, неизвестно где и с кем... А мне нужен муж! Муж! Понимаешь? Мужская особь, способная быть рядом... И не только по телефону: «Тоша! Тоша! Ты как?...» Но и физически —

по ночам! Я, между прочим, женщина — вполне еще в расцвете, а не вялая брюква, которую ничто уже не волнует!

— Ну, вот он я! Приехал! — захлебываясь от волнения, заговорил Тишков. — Я твой! Я здесь, рядом! — Беспокойство охватило его вновь. Слова жены мало походили на шутку.

— Опоздал! Любовная лодка разбилась о гастрольный быт! — заявила Антонина, словно ставила больному неутешительный диагноз. — Отныне, мой друг, мы в разводе! Формальности оформим после.

Антонина выросла в профессорской семье, ее воспитанием занимался строгий отец, и, решив изменить свою жизнь, старалась провести операцию по выселению гражданского мужа из квартиры без лишнего шума, не в пример отдельным скандальным женам, которых любят показывать во всей красе в телесериалах.

Тишков был раздавлен поступком Антонины, которая еще совсем недавно, каких-нибудь два-три месяца назад, жарко шептала ему на ухо слова любви. Когда ж она успела так охладеть?

Ноги Тишкова стали ватными, и, если бы Антонина, знающая о повышенной чувствительности бывшего мужа, не сунула под него табуретку, которую припасла на этот случай в прихожей, тенор, вероятно, свалился бы на пол и отбил бы себе какую-нибудь важную часть тела, чего она, конечно, не желала.

Когда Тишков справился с волнением, и стало ясно, что сердечный приступ ему не угрожает, Антонина заговорила с материнскими интонациями в голосе, желая его утешить.

— Успокойся, друг мой! Жизнь на этом не кончается... Ты еще встретишь подходящую женщину... Возможно, она будет из вашего театра, и вы станете вместе ездить на гастроли... И ты еще порадуешься, что так получилось.

— Не думал, что тебе свойственно подобное коварство! — Артист расстегнул ворот рубашки, чтобы легче было дышать.

— Брось! — сказала Антонина. — Просто все когда-нибудь кончается... особенно если муж проводит значительную часть времени вдали от дома!

— А как же жены подводников, моряков?

— Извини, я не жена подводника.

— Но это же — гастроли! Моя работа!

— Значит, не судьба мне быть женой гастролера! Прощай! — Антонина повернула голову, посмотрела куда-то в угол прихожей за пределы видимости Тишкова, и громко сказала: — Василий, займись!

Тут же перед тенором появился этой самый Василий, атлетического сложения детина, под два метра ростом, с плечами размером с астраханские арбузы, с лицом витязя, стерегущего новгородские границы от набегов неугомонных татар — ему только шлема и кольчуги не хватало! Антонина отошла в сторону, давая ему пройти, и тот вынес на площадку два предмета — чемодан, судя по всему довольно тяжелый, и дорожную сумку.

— Ваши вещи... — вежливо пояснил он, опуская чемодан и сумку на пол лестничной площадки.

Появление двухметрового атлета ошеломило артиста. Если бы из недр квартиры явился цирковой лев, с мощной гривой и хищным оскалом, он удивился б

меньше. Тишков не замечал раньше у Антонины склонности к подобным гигантам, нередко страдающим отсутствием интеллекта.

Тишков понимал, что должен подняться и уйти, чтобы не терпеть унижение и дальше, но ноги не желали слушаться, и он продолжал сидеть.

— Василий! — обратилась Антонина к атлету. — Помоги товарищу с вещами и посади его в такси... — И скрылась в квартире, поставив тем самым точку в семейной жизни с тенором, длившуюся без малого девять лет.

Атлет вызвал лифт. Взял в руки чемодан и сумку.

— Оставьте, я сам, — устало удержал его Тишков, не желая, чтобы этот сексуальный самец, отнявший у него жену, провожал его до такси. К тому же он пока не знал, куда ему идти и где искать пристанище.

— Как скажете... — Атлет опустил вещи на пол и удалился в квартиру, закрыв за собою дверь.

Оказавшись на улице, Тишков некоторое время стоял в раздумье. И пришел к выводу, что идти ему особенно некуда. Мать умерла, и в родительской квартире теперь жила его скандальная сестра, с которой он несколько лет не общался. Друзей почти не осталось. Те, что были когда-то, потихоньку перебрались на Запад. Оставалось только попроситься на ночлег к мужу и жене Веневитиновым, с которыми он был в приятелях. Веневитиновы ходили в театр на премьеры, где Тишков был занят, любили его пение. Переживали за то, что главный держит его на вторых ролях, а мог бы доверить что-либо значительное... Придется признаться им, что жена изгнала его из дома, а его место

занял двухметровый лоб, у которого, вероятно, и слуха нет, и с интеллектом, видимо, проблемы. Признаться в этом было стыдно, но вариантов не было.

Шел мелкий противный дождь, — капли ползли по лицу артиста, ныряли за воротник — а он все стоял на одном месте, чувствуя себя глубоко несчастным и одновременно упиваясь своим страданием. Настоящий артист должен страдать, убеждал он себя. Только при этих условиях можно чего-то добиться на сцене!

Прошло еще с четверть часа, прежде чем Тишков остановил такси и поехал к Веневитиновым.

Он вышел у четырехэтажного дома в старом московском переулке. Придерживая локтем свой командировочный кейс, с трудом дотащил до подъезда тяжеленный чемодан и такую же неподъемную дорожную сумку. «Черт возьми! Чего она туда напихала? — подумал он. — Какую-нибудь дрянь — на зло!» Другой человек на месте Тишкова, более решительный, тут же открыл бы чемодан и выкинул ненужное за борт, но Тишков не мог так поступить. Что бы сказали люди, застав его за этим занятием? Они решили бы, что он сошел с ума!

Дверь ему открыл Веневитинов, высокий, крепкий, с залысинами на гордо посаженной голове, основательно потеснившими когда-то его густую шевелюру, потомственный врач-кардиолог.

— Слава богу, ты дома! — повеселел Тишков.

— А ты бы позвонил, чтоб не мучиться...

— Я пытался позвонить из такси, но у меня сел мобильник.

Веневитинов оглядел вещи друга, лежавшие возле его ног.

— Ты куда-то собрался?

— К вам, — выдохнул Тишков. — Так уж вышло — мне негде ночевать... — И пояснил: — Антонина выставила меня за дверь. Не знаю уж, какая собака ее укусила. Не пущу, говорит, и всё! Езжай обратно на гастроли! — Про атлета Тишков ни словом не обмолвился — было стыдно. — Пустите к себе пожить? На недельку?

Внезапно Веневитинов расхохотался.

Подобная реакция приятеля обидела Тишкова, и он хотел было повернуть назад, но, взглянув на неподъемные чемодан и сумку, решил не спешить с этим.

— Между прочим, — сказал он, и пухлые его щеки скорбно дернулись, — смешного мало, когда тебя выставляет за дверь собственная жена, в которой ты, можно сказать, девять лет души не чаял!..

— Брось, старик! Всякое бывает. Еще помиритесь...

И Веневитинов вновь хохотнул, словно услышал смешной анекдот. Потом подхватил чемодан приятеля, скривился при этом от тяжести и втащил его в прихожую. Тишков с остальными вещами последовал за ним.

— Рита! — крикнул в недра квартиры Веневитинов, обращаясь к жене.

Через секунду-другую в прихожую выглянула женщина лет тридцати восьми — сорока, уютная, домашняя, пышная, как сдобная булочка. Полнота несколько не портила ее, а придавала некоторую пикантность.

— Ты посмотри, кто к нам пожаловал, — сказал Веневитинов. — Говорит, Антонина выгнала его из дома, и он пришел к нам пожить...

— На пару дней! — печально подтвердил Тишков, взглянув на Риту и сбавив предполагаемый срок проживания больше чем наполовину.

— Тоня? Выгнала тебя? — удивилась Рита. — С чего это вдруг? Я ей позвоню...

— Не надо!

Рита поняла, что развеселило мужа, и тоже засмеялась, но в отличие от него не весело, а как-то нервно.

— Проходи... — сказала она. И оглядев страдающего артиста, спросила: — Есть будешь?

— Буду, — обрадовался Тишков. — И в душ, если можно!

— Можно!

Веневитинов вновь зашелся от смеха.

— Идем, покажу тебе твое место... В детской... Но извини, там есть одно неудобство, — подчеркнул он загадочно.

— Неудобство? Да бог с ним, — повеселел Тишков, радуясь, что обрел приют. — Мы на гастролях ко всякому привыкли... Лишь бы крыша над головой.

Веневитинов провел гостя в бывшую детскую; сын его давно вырос, уехал учиться за границу, и комната теперь, как было известно Тишкову, пустовала. Но это оказалось не так.

Открывшаяся Тишкову картина, когда они вошли в детскую, привела его в смущение.

В комнате находился человек. Он лежал на диване в майке и тренировочных штанах, нагло выставив напоказ голые ступни, и туманно смотрел в сторону работающего телевизора, хотя, судя по взгляду, происходящее на экране мало его интересовало, мысли его были далеко. Это был Косухин.

Увидев вошедших, он резко сел.

— Знакомьтесь, — сказал Веневитинов и объяснил Косухину появление Тишкова: — Ты будешь смеяться,

но его тоже жена выперла из дому... Так что, тебе придется потесниться... Нет, нет, не на диване! — хмыкнул он. — Я принесу раскладушку.

Теперь артисту стало понятно, отчего так развеселился хозяин квартиры, когда он попросился на ночлег.

Тишков протянул Косухину руку:

— Тишков... Виталий Андреевич... Можно просто: Виталий.

— Петр, — представился тот. И почему-то добавил: — Тележурналист...

— Поющий артист! Служу в музыкальном театре, — следуя заявлению нового знакомого, сообщил о себе Тишков. — Значит, вас тоже... некоторым образом... за дверь?

— Так оно и было, — неприязненно подтвердил Косухин. Ему не нравилось, что придется делить на двоих это временное убежище — точно в гостинице в номере с соседом. Он хмуро посмотрел на хозяина: — Надеюсь, третьего не будет?

Веневитинов пожал плечами.

— Этого обещать не могу — наш дом открыт для всех...

И ушел за раскладушкой.

— Храпишь? — спросил Косухин, глядя исподлобья на артиста.

— Жена, вроде, не жаловалась...

— Тогда не стой. Располагайся... — предложил Косухин. И вновь улегся на диван.

Тишков оттащил чемодан и сумку в угол, бросил рядом командировочный багаж.

— Я только что с гастролей... Месяц дома не был... — сообщил он Косухину.

— Какое совпадение! — приподнялся тот на локте. — Я тоже сегодня прибыл из командировки... Ты-каю ключом в дверь — никакого эффекта! Замок поменяла, дрянь!

— И моя поменяла замок! — обрадовался Тишков, словно обрел потерянного в детстве брата. — А я валюсь от усталости, хочется принять душ... А она: пошел вон!

— Это ты портрет моей стервы нарисовал... Оголтелая публика! — И хмуро продекламировал: — «Коня на скаку остановит! Тарелкою в рожу швырнет!..» Я вот иногда думаю: неужели из-за таких тварей мужики в девятнадцатом веке стрелялись на дуэлях?.. — И философски заключил: — Вероятно, это были другие существа!

Вошел с раскладушкой Веневитинов. Раскрыл ее, поставил параллельно дивану у другой стены. Положил сверху легкий матрац и постельное белье.

— Иди, поешь! — предложил он Тишкову. — Рита тебе накрыла.

— Я сначала в душ.

Тишков водрузил чемодан на стул. Раскрыл его, желая найти там что-нибудь из чистого белья для ванной. Каково же было его удивление, когда в чемодане среди одежды он обнаружил пару гантелей, которыми пользовался последний раз года четыре назад. Здесь же лежал и старинный медный самовар, подаренный ему в театре по случаю его тридцатипятилетия. «Не смешно, и даже подло!.. — обиделся он на жену. — С ее стороны издевательство — класть в чемодан подобные вещи».

— У вас есть поблизости пункт приема металлолома? — спросил он у Веневитинова.

Потом, закрыв глаза, с видом заколотого Шарлоттой Корде Марата, Тишков сидел в ванне, припав головой к ее краю. Теплая вода булькала, приятно расслабляла утомленное тело, но мысль о том, что в одночасье он потерял жену и стал бездомным, удручала и не позволяла блаженствовать в полной мере...

После ванны, размягченный, как-то ставший больше лицом и телом, Тишков сидел на кухне, облаченный в халат хозяина, и жадно поедал яичницу с колбасой, наскоро приготовленную Ритой. От влаги на лице у него чуть запотели стекла очков, но он не спешил протирать их.

Рита и Веневитинов сидели напротив, ожидая его рассказа о случившемся. Веневитинов налил ему коньяку, надеясь, что приятель разговорится, но тот был элегически тих. И только спросил:

— А этот... мой сосед... Может, его тоже — пригласить? — И кивнул на закуски на столе.

— Он уже поел, — успокоил его Веневитинов. — И в ванной до тебя повалялся...

— Кто он? — спросил Тишков, желая знать, с кем ему придется делить комнату.

— Он же сказал тебе: журналист...

— Это наш приятель, — пояснила Рита. — Я с ним училась в институте.... Лучше о себе расскажи? Что произошло? Не могу поверить, чтобы Тоня так повела себя...

— А ты поверь! — возбудился Тишков. И хотел рассказать об атлете, занявшем его место, об этой горе мяса, но сдержался.

— Может, ты отличился? Завел бабу в театре, а Тонька узнала?

— Какую бабу?! Рита! Наши театральные дамы для меня как сестры! — с пафосом воскликнул Тишков.

— Так уж и сестры! — ухмыльнулся Веневитинов.

— Зря ты! — обиделся артист. — Вот тебе пример... На гастролях условия не всегда позволяют иметь разные комнаты для переодевания. Тогда мужики переодеваются вместе с женщинами в одном помещении, и мелькание полуголых тел за занавеской никого не колышет!

— Ужасно! — сказала Рита.

Телестудия. Все как обычно: суета, нервные люди. Кто-то куда-то бежит. Какие-то работяги тащат в павильон части декорации. Молодая девушка, вчерашняя школьница, несет кому-то пирожки в промасленной бумаге...

Закончив перегонку отснятого в командировке материала, Косухин вышел из аппаратной.

Шагая по коридору, заглянул в одну из комнат, вызвал кого-то жестом в коридор.

К нему вышла женщина лет тридцати, темноволосая, стриженная под мальчика, с большими клипсами в ушах — Ириша.

— Целую ручки! — улыбнулся ей Косухин.

— Когда приехал?

— Вчера.

— Как съездил? Привез что-нибудь скандальное?

— Откуда? Колупаевск — он и есть Колупаевск... Одно слово — провинция! Так, ухватил кое-что по мелочи... Слушай, Ириш, у меня к тебе пара вопросов...

Они вышли на площадку для курения. Здесь было потише. Ириша закурила.

— Нужна твоя помощь... — Косухин замялся, почесал в затылке. И признался: — Мне срочно нужно жилье... — И оглядевшись по сторонам, как разведчик на задании, нет ли сзади хвоста, спросил: — Не знаешь, сколько нынче стоит снять однокомнатную хату?

Ириша пристально взглянула на него, но вопросы задавать не стала.

— Смотря где, — сказала она. — Скромная *однушка* в спальном районе — тысяч двадцать, двадцать пять.

— Это я не потяну, — сник Косухин.

— Комната будет стоить дешевле, — продолжила сведущая в этих вопросах Ириша. — Но можно нарваться на соседа алкаша или сумасшедшую бабку...

— Не хотелось бы... — загрустил Косухин.

И тут Ириша, которую в прошлом с Косухиным связывали не только рабочие отношения, но и личные, не выдержала и спросила:

— Зачем тебе жилье? Поругался с женой?

— Хочу пожить некоторое время отдельно, — ушел от правдивого ответа Косухин.

Но Ириша, глядя в его осунувшееся озабоченное лицо, все поняла.

— Признайся, жена не выдержала и выставила тебя за дверь.

— Чего не выдержала?! — возмутился Косухин.

— Твоих подвигов, — парировала Ириша.

— Все мои подвиги — это ты... Да и то время прошло...

— А Смирнова, а Тайка Ремизова — эта тупая Золушка из Перми? — дала волю своим чувствам Ириша. — Одни туфли сорокового размера чего стоят!

— Что касается Смирновой и Таи — это всё наветы! Можно сказать, ничего не было... Ты — это другое дело... А из дома я ушел по собственной воле! — частично признал реальное положение дел Косухин. — Надоело, когда тебе в уши дуют, что ты неудачник, что мало получаешь, в то время как другие... — Косухин не договорил. Взглянул на Иришу и спросил осторожно: — Может, ты мне комнату сдашь... по старой дружбе?

— Проснулся! — всплеснула руками Ирина. — Я нынче замужем, или ты забыл об этом? Где ты был раньше?

— Там и был, где сейчас! — вяло огрызнулся Косухин. — Я должен был созреть. Как плод! — И с осуждением добавил: — А ты не дождалась!

— Выходит, это я виновата? Молодец!

Ириша бросила окурок в урну и ушла не оглядываясь. «Все-таки Петька — кретин!» — подумала она о бывшем любовнике. Но подумала не зло, с долей сочувствия, с желанием как-то помочь ему. И будучи уже на рабочем месте, стала прикидывать, у кого из знакомых можно было бы снять за недорого комнату.

В театре, где служил Виталий Андреевич Тишков, царило радостное оживление. Люди, вернувшиеся с гастролей, оказавшись в родных стенах, где налаженный быт и знаком каждый уголок, чувствовали необыкновенный подъем.

Обсудив на общем собрании с руководством театра итоги завершившихся гастролей, которые, по общему мнению, прошли успешно, окрыленные начальственной похвалой, артисты разошлись по гримуборным,

намереваясь отметить это событие весьма распространенным в России способом.

Мужчины, подсчитав сложную наличность, отправились в ближайший магазин за спиртным и едой. Женщины принялись готовиться к застолью: по-хозяйски доставали из шкафчиков тарелки, пластиковые стаканчики, накрывали салфетками столы, обустривая, согласно сложившимся правилам, места для праздника.

Тишков, удрученный изгнанием из дома, плохо спавший ночью, не принимал участия в общей суете. Он сидел у себя в гримерной и сонно взирал на собственное отражение в зеркале, обклеенном по краям фотографиями. На фотографиях был он же, запечатленный в разных ролях. Это были свидетельства скромной славы артиста.

В комнату заглянула Клава Сельвинская, актриса на вторых ролях, партнерша Тишкова по спектаклю «Принцесса цирка», где она играла Стасси.

— Вилки есть?

— Посмотри в шкафчике, — зевнул Тишков.

Клава открыла дверцу шкафчика, искала глазами и не обнаружила того, что было нужно.

— Здесь нет.

— Значит, нет.

— Ты чего такой пасмурный? — спросила она. — Мы вернулись домой, все здорово...

— Есть причины...

— Сейчас выпьешь, и все пойдет на лад!

— Мне, чтобы пошло на лад, надо бутылку водки выпить, не меньше, а я столько не осилю, — признался Тишков. — Да и голос следует беречь.

— Что, так плохо? — сочувственно посмотрела на него Клава.

Тишков встретился с нею взглядом, вздохнул. И вдруг оживился, осененный какой-то идеей.

— Слушай, Клава! Извини, что я с этим к тебе, но... — И пояснил с обескураживающей непосредственностью: — Помнишь, ты предлагала мне переехать к тебе... пожить вместе?

— Я? Предлагала? Не помню... — Лицо Клавы помрачнело. Было видно, ей не по душе это воспоминание.

— Ты знаешь, я тут подумал... Я мог бы сейчас к тебе переехать!

— Чего?! — уставилась на него Клава.

— Я готов... — подтвердил Тишков.

Потрясенная Клава опустила в соседнее кресло.

— Тишков, ты о чем? Ты дурак или прикидываешься? Долго же ты собирался, голубь сизый... Полтора года прошло! Я, между прочим, живу с известным тебе Толей Кашириным! Он мой муж!

— Разве? — сник Тишков.

— Ты что, не знал?

— Нет.

— Так вот, я тебе сообщаю. Уже целый год мы с Толей вместе!

— А как же чувства? — воскликнул с пафосом тенор. — О которых ты говорила...

— Тишков! — воскликнула Клава. — Я не подряжалась ждать тебя десятки лет, точно Пенелопа! Посмотри на меня... Я что, похожа на сумасшедшую? У него — жена, налаженный быт, а я сиди и жди, когда его сиятельство созреет!

— Тогда, может,пустишь меня временно пожить? — не сдавался Тишков. — У тебя трехкомнатные хоромы... А мне нужен угол, и только!

— Как ты это себе представляешь? Утром вы встречаетесь возле ванной — ты и Толя, решаете, кому идти первым, а я жарю вам яичницу, так? Ну-у, Тишков! Я не созрела для подобного альтруизма!

Тишков хотел что-то возразить, но не успел. Дверь распахнулась, и в гримерную заглянули артист Вольский, гуляка и весельчак, и костюмерша Таня Великатова, маленькая энергичная женщина, с копной темных волос на голове. Увидев Тишкова и Клаву, оба возбужденно закричали:

— Что вы тут прячетесь?! Быстро к столу! Водка греется!

И Тишков послушно последовал за ними в комнату по соседству, где был накрыт стол.

Когда Косухин пришел в сквер на место встречи с дочерью, та уже ждала его, устроившись на скамейке с наушниками в ушах, и слушала музыку из мобильного. В свои двенадцать лет Маша была человеком пунктуальным или старалась быть таковой, несмотря на юный возраст.

Увидев отца, она вынула наушники, встала, поцеловала его в щеку.

— Давай присядем, — предложил Косухин.

По обе стороны сквера катили машины, бурлила жизнь, и казалось странным, что само пространство сквера со старыми деревьями, растущими на газоне, и вереницей скамеек вдоль асфальтовой дорожки было

довольно пустынным, словно остров, который еще не успели заселить колонисты. Так, двое-трое прохожих мелькнули вдалеке.

— Только не говори маме, что мы встречались, — сказал Косухин, взглядываясь в лицо дочери.

Раньше он с дочерью все больше виделся на бегу — то он спешил, то она спешила, а поздно вечером, когда он возвращался с телестудии, Маша уже спала — и только теперь, лишенный возможности видеть дочь ежедневно, он почувствовал, как ему дорого это родное существо. Можно сказать, Косухин впервые за последние годы взгляделся в дочь по-настоящему. Девочка выросла, и хотя была еще подростком, но в ней уже проглядывала будущая миловидная девушка, способная нравиться мужчинам.

— Не волнуйся! Ма ничего не узнает, — пообещала Маша. И в свою очередь спросила: — Как ты? Где устроился?

— Меня приютили Веневитиновы, может, ты их знаешь... Временно, конечно. Надо искать комнату... На отдельную хату пока не потяну.

Маша сочувственно посмотрела на отца.

— У тебя есть деньги?

Обычно такие вопросы задают взрослые, обращаясь к своим чадам, желая дать им денег на кино или на покупку какой-либо нужной вещи. Косухин расчувствовался.

— Что ты, Машуля! Есть, конечно...

— И все же возьми... — Девочка вынула из кармана и протянула ему свернутые в рулончик несколько тысячных купюр, перетянутых резинкой. — Пригодится.

Косухин взял в руки рулончик и чуть не прослезился от чувств. Но в следующее мгновение строгий отец взял в нем верх, и он спросил:

— Откуда у тебя столько денег?

— Не бойся, па, не украла, — усмехнулась Маша. — Это те, что ты мне зимой дал на подарок.

— А почему ты его не купила?

Маша пожала плечами.

Косухин протянул ей рулончик.

— Я не возьму...

— Бери! Тебе сейчас они нужнее...

— И все же нет!

Косухин сунул деньги дочери в руки.

— Как мама? — спросил он после паузы. И отведя глаза в сторону, осторожно поинтересовался: — У нее... кто-то есть?

— Да нет у нее никого! — вздохнула Маша.

— Так что же она в таком случае... — Косухин не договорил. Вряд ли имело смысл обсуждать с дочерью его отношения с ее матерью.

— Вы, взрослые, любите дурака валять... Все у вас не как у людей! — Маша встала. — Па, мне пора...

— Когда увидимся? — встрепенулся Косухин, огорчившись, что надо расставаться.

— Созвонимся! — Девочка чмокнула его в щеку и побежала через проезжую часть к домам, тянувшимся вдоль улицы.

Тишков тщательно вытер ноги о половик в прихожей и проследовал вслед за рыхлой женщиной с крашенными в яркий рыжий цвет волосами в недра квар-

тиры. Их путь лежал к комнате, которую женщина сдавала и которую Тишков приехал посмотреть.

Сама хозяйка комнаты проживала в другом месте, о чем она немедленно доложила Тишкову, открывая дверь жилища. Артист озирался по сторонам, примечаясь к месту, где ему, возможно, предстояло жить.

Неожиданно в коридор из соседней двери вышла голая растрепанная девица с гитарой на широкой ленте через плечо. Не стесняясь посторонних, словно она находилась на нудистском пляже, девица, шлепая босыми ногами, прошествовала на кухню, напевая вполголоса: «Где же ты гуляешь, мой сыночек? Одинокий, одинокий...»

На кухне пение оборвалось, послышался шум воды из крана. Затем загремела посуда. Видимо, несподручно было одновременно пить, есть и перекусывать.

Хозяйка комнаты проводила голую *певицу* болезненным взглядом, но ни словом не прокомментировала ее поведение. Видимо, не хотела отпугивать будущего квартиросъемщика.

Но больше, чем вид обнаженной девицы с гитарой, Тишкова поразила комната. Вид ее был неопрятен. Оторвавшиеся в некоторых местах обои загибались лепестками вниз, давно не мытые оконные рамы были заляпаны темной краской... Но главное — в комнате не было никакой мебели. Лишь в углу одиноко стояла разложенная металлическая раскладушка, подчеркивая видом своим запущенность данного места.

— А где мебель? — растерянно спросил Тишков.

— Мебели нет, — последовал ответ.

— Как?

— Так получилось...

— А на чем же сидеть? Куда тарелку во время еды поставить?

— Комната хорошая, — не давая ответа на эти вопросы, стала хвалиться хозяйка, — просторная!.. А мебель купите, в конце концов! Ту, которая вам по вкусу.

Тишков удрученно опустил на край раскладушки.

С того места, где он сидел, была видна открытая дверь и хорошо просматривался коридор за нею. Там вновь, как персонаж абсурдной пьесы, прошествовала голая девица. «Ах, какие удивительные ночи! Только мама моя в грусти и тревоге...» — распевала она, подыгрывая на этот раз себе на гитаре. Затем, бросив на Тишкова любопытствующий взгляд, удалилась к себе.

— Это что еще за Ирина Понаровская? — поинтересовался Тишков, обращаясь к хозяйке.

— Соседка... — сдержанно пояснила та. — Не пьет, не скандалит — не волнуйтесь! Так, иногда сифиду из себя изображает, но тут уж, сами понимаете... — она не договорила.

Когда четверть часа спустя Тишков шел вниз по лестнице, то увидел поднимающегося ему навстречу Косухина, товарища по несчастью, с которым делил комнату в доме Веневитиновых. Тот, заглядывая в какую-то бумажку, изучал номера квартир.

— Привет мастерам легкого жанра! — обрадовался Косухин, увидев знакомое лицо. — Какая нужда, бездомный друг мой, привела тебя в это загадочное место, полное подозрительных запахов?

— Ходил комнату посмотреть, — сообщил Тишков.

— Какое совпадение! Я тоже жильем интересуюсь, — заявил Косухин. — Знакомая черканула адрес, сказала, что можно снять комнату по дешевке...

— Какой номер квартиры?

— «16».

— Не ходи, я там был...

— И что, уже застолбил эту хату?

— Господь с тобой! Это не комната, а отхожее место! — махнул рукой Тишков. — Обои отваливаются, мебели никакой... Нет жилья, и это не жилье! Одна достопримечательность — девица, соседка, в голом виде по коридору с гитарой разгуливает... Окуджаву поет!

— Голая девица — это интересно. Но не повод — жилье снимать... — Косухин посмотрел разочарованно вверх. — Значит, говоришь: тухлое место?

— Я ушел, а ты как знаешь...

— Да чего смотреть, если там бомжатник! — вздохнул Косухин и последовал за Тишковым вниз по лестнице.

Перед сном Тишков полистал какие-то ноты, помычал что-то вполголоса, заглядывая в них. Мычание подкреплял выразительными жестами, видимо, изображал кого-то из сценических героев. Потом бросил ноты на стул, стоявший в изголовье, и растянулся на раскладушке.

Косухин еще не спал. Лежал на спине и задумчиво смотрел на потолок — на тени и пятна света, бежавшие по нему, которые отражались от проезжавших за окном машин.

— Не спишь? — спросил Тишков.

— Нет...

Тишков некоторое время молчал, думая о чем-то своем.

— Ты сколько женат? — спросил он. И тут же добавил с деликатной осторожностью: — Если не хочешь говорить на эту тему, не будем...

— Да нет, почему же... Мы прожили двенадцать лет...

— А квартира?

— И квартира есть. Точнее была. Две большие комнаты. Все как положено.

— Так, может, тебе ее разменять и — прочь мученья?

— Квартира жены, родители купили... А я не клоп, чтобы высасывать половину. К тому же там живет моя дочь — Машка... Вчера вот встретился с нею, и она, представляешь, деньги мне предлагает... Серьезную сумму... Возьми, говорит, пап, тебе они пригодятся, раз ты в таком положении... А я, веришь, человек не сентиментальный, чуть слезу не пустил! А ты говоришь: разменять!.. Нынешний народец как-то мелко плавает, все норовит чего-то урвать! — Он вновь устремил взор к потолку, словно там можно было прочесть что-то важное и нужное для дальнейшей жизни. — Ты можешь себе представить человека, скажем, девятнадцатого века... ну, к примеру, того же Пушкина, который, случись у него разрыв с Гончаровой, сказал бы ей: давай-ка, милая, разменяем наш домик, а то мне негде жить?

— Так то Пушкин! — смутился Тишков. — Нам до него лететь и лететь!

— Равняться следует на серьезных людей, а не на шелупонь! — Косухин привстал с подушки. — А ты

чего не спешишь свою квартиру разменять? Тем более что на твоих метрах инородный атлет поселился...

Тишков вздохнул.

— Тоже не могу... И не потому что на Пушкина равняюсь. Квартира эта — собственность Антонины. Сам-то я прописан в квартире покойной матери, а там сестра — та еще штучка!.. А атлет, ну что ж, пусть пользуется, если у них все сложилось...

— Вод видишь, а говоришь: разменяй! Ладно, давай спать.

Косухин погасил бра и через минуту затих.

Поутру, пока все спали, Тишков затеял в ванной комнате небольшую постирушку — чистого белья почти не осталось.

Выстирав рубашку, он повесил ее на деревянную вешалку поверх трусов, постиранных ранее, а вешалку пристроил на металлический стержень, на котором крепилась штора в ванной. Спрятанные под рубашкой трусы не очень бросались в глаза, и это Тишкова, человека стыдливого, порадовало — не хотелось выставить напоказ свое нижнее белье.

Во время стирки Тишков потихоньку распевался, но делал это аккуратно, чтобы не мешать спящим. Радуюсь окончанию дела, он вдруг, забывшись, запел в полный голос, любуясь в зеркале своим отражением: Антонина думала, что он без нее *накроется медным тазом*, а нет, он — на плаву, и тонуть, назло ей, не собирается! До изгнания из дома инертный, флегматичный Тишков и сам не знал, что способен собраться и противостоять ударам судьбы.

Его пение в голос разбудило хозяев. Рита и Веневитинов проснулись одновременно. Рита недовольно поморщилась, сообразив, что ее разбудило. Веневитинов хотел накрыть голову подушкой и продолжить прерванный сон, но Рита не дала ему этого сделать.

— Костя, тебе не кажется, что наши гости слишком задержались? Четвертая неделя пошла, — сказала она и, взяв с тумбочки у изголовья кровати ручное зеркало, поднесла его к лицу и стала изучать, в каком состоянии у нее после сна кожа. — Я все, конечно, понимаю, но... здесь не общежитие...

— Брось, не надо! — сказал Веневитинов, устраиваясь на подушке повыше. — У ребят форс-мажорные обстоятельства.

— Форс-мажорные обстоятельства не могут длиться вечно. Даже вулкан в Исландии с этим дурацким названием и тот перестал дымить! Не могут же они поселиться здесь на долгие годы!

— Я думаю, это не входит в их планы, — невозмутимо заметил Веневитинов и притянул жену к себе. Та, немного посопротивлявшись, сдалась и устроилась у него на плече. — Пусть тебя утешает мысль, что мы приютили двух талантливых людей... В молодости многие, подобно им, маялись без своего жилья... Набоков, к примеру, Джильи... да мало ли кто еще!

— Хватил! — покривилась Рита. — Мужикам уже сорок... Набоков и Джильи в этом возрасте были знамениты и имели устроенный быт! Твое сравнение неудачно!

— Но мы не можем выставить их за дверь!

— Не можем... — согласилась Рита. В сущности, она была доброй бабой и переживала, как и ее муж, за судь-

бу приятелей. С другой стороны, она понимала, что такое положение мучительно для всех четверых.

Некоторое время супруги лежали молча. Каждый думал о своем.

— Слушай! — Рита вдруг сорвалась с плеча мужа. — Мы можем поселить их в бабушкиной квартире. Там они могут пожить еще некоторое время, никому не мешая.

— Но там же ремонт!

— Какой ремонт? Ты забыл? Твои строители разломали стены и смылись, взяв аванс! Только ты мог найти таких негодяев! — И продолжила развивать свою мысль: — Там лишь одна комната в развале, а в другой можно жить... Да и туалет с ванной в полном порядке! И мужикам будет хорошо, и нам мешать не будут!

— А что, может быть... — задумался Веневитинов. — Только надо как-то все им деликатно объяснить...

— Вот и займись этим.

После завтрака «квартиранты» уходили на работу. Веневитинов задержал их в прихожей.

— Мужики! Постарайтесь сегодня прийти пораньше — есть разговор! — сказал он многозначительно.

Уже за дверью, на лестничной площадке, Косухин, криво усмехнувшись, сообщил Тишкову:

— По-моему, брат, нас выселяют...

— Ты думаешь? — огорчился тот.

По улице шли молча. Каждый думал о том, кто бы мог его временно приютить, если Веневитиновы попросят освободить квартиру. На перекрестке их пути

разошлись. Косухин пошел в метро, Тишков — на автобусную остановку.

Уже в автобусе, стоя на задней площадке и глядя в окно на бегущую мимо улицу, Косухин с грустью думал: почему у других все нормально? И роли им главные дают, и жены их не приводят домой атлетов, у которых плечи размером с астраханские арбузы, и денег им хватает, чтобы снять приличное жилье. А он, Тишков, одинок, вынужден маяться без любви и своего угла. Да и карьера в театре пробуксовывает, словно машина, попавшая в глубокую грязь... Может, все бросить и уехать в провинцию, туда, где нужны артисты? При мысли об этом он почувствовал, как лицо его обдало жаром. Почему он должен бросать город, где вырос, и куда-то ехать?..

В буфете телестудии толкался народ. Всем было некогда, все спешили. Звенела посуда, стоял гул. Люди говорили одновременно, часто не слушая друг друга.

Косухин сидел отдельно и пил чай. От его стола только что ушел знакомый — сотрудник канала, на котором он работал. На освободившийся стул присела Ириша с чашкой кофе.

— Есть новости? — спросила она.

Косухин пожал плечами.

— Народы Эфиопии голодают... твой друг Косухин не имеет жилья... а ты порхаешь, как ни в чем не бывало!

— Я же дала тебе адрес...

— Там — лажа! Одни голые стены!

— Займись разменом, — посоветовала Ириша. — У вас с Катькой приличная хата!

— Я не крохобор, чтобы пилить апартаменты жены...

— Тогда ходи с голым задом!

Косухин туманно посмотрел в окно, перевел взгляд на Иришу. И спросил, обращаясь скорее к себе, нежели к ней, словно искал ответ на главный вопрос в жизни:

— Отчего вы, бабы, такие жестокие?

— Если мы будем размазнями, вы все просрете! Бай, бай, друг Косухин! — И ушла.

«Нет, — подумал Косухин, — надо что-то делать... Найти какую-нибудь смазливую вдовушку с хатой... Пусть у нее будет ребенок, это не страшно... Или попроситься в затяжную командировку...»

В театре шла репетиция. Тишков пел дуэтом вместе с Гелей Алёхиной, голубоглазой, слегка располневшей блондинкой тридцати семи лет, довольно привлекательной. Сегодня оба явно были не в ударе. Пели вяло, без вдохновения. Каждый думал о чем-то своем.

— Что с вами, господа артисты?! — воскликнул дирижер, остановив оркестр. И разразился целой тирадой: — Это же каскад! Где ваши мысли? Где темп? Вы точно сонные обожравшиеся мухи! Проблемы в личной жизни? — выкрикнул он. — К черту! Забудьте про них! Они у всех! Одного бросила жена, другой сам ушел к любовнице! У третьего — больные родители, у четвертого — ребенок наркоман! Оставьте весь этот негатив за пределами сцены! Потом погрузитесь в это дерьмо — оно от вас никуда не денется! — Он постучал палочкой по пюпитру. — Продолжим!

В перерыве Тишков и Геля направились каждый в свою примерную. По дороге Тишков передумал и зашел к Геле.

— Чаем угостишь? — спросил он.

Геля не возражала.

Когда Тишков устроился на узком диванчике, Геля достала термос из сумки, налила чай в две чашки.

Тишков мучился, намереваясь поговорить с Гелей на важную тему, но не знал, с чего начать. Похвалил чай и умолк.

Молчала и Геля.

Наконец, Тишков решился и заговорил:

— Геля... я слышал от тебя ушел муж?

Геля как-то неприязненно взглянула на него, словно он без разрешения залез в ее сумочку.

— Ну, ушел... — подтвердила она сухо. — И что?

— Значит, ты теперь... одна? — осторожно поинтересовался Тишков.

— Ну, допустим... — вновь подтвердила актриса, не понимая, куда тот клонит.

— Представляешь, я тоже свободен, — сообщил Тишков, точно хотел похвастаться этим.

— И что? — Геля никак не могла понять, что ему нужно.

— Ты — одна, я — один... Может, нам... это самое... объединиться?.. Знаешь, ты мне всегда нравилась... — слукавил Тишков и сам застеснялся своей лжи. Но нужно было действовать. Тишков нуждался в жилье, а у Гели была хорошая квартира в элитном доме.

— Приплыли! — воскликнула Геля. — С чего это вдруг, Виталино, ты решил объясниться мне в люб-

ви? — Она с подозрением взглянула на Тишкова. — Ты, вроде, возле Клавы Сельвинской соловьем пел?

— Это мимолетное увлечение... И потом, когда это было! А ты мне всегда нравилась... По-настоящему... — Тишков был вполне искренен. Действительно Геля нравилась ему. По крайней мере сейчас. Он вдруг как-то по-новому взглянул на нее.

— Долго же ты молчал... — сказала Геля, казалось, она поверила словам Тишкова.

И тот воспрянул духом.

— Раньше как-то не с руки было. Я не решался... К тому же у тебя был муж, а у меня жена... А теперь мы свободны... Но я всегда тянулся к тебе душой.

— И телом! — съязвила Геля. — Виталино, чего ты врешь?! Плохо сыграл, не верю! Не умеешь ты врать, милый! И потом... — Геля сняла с его носа очки, протерла их платком и вернула на прежнее место. — Сообщаю тебе по секрету: в ближайшее время я замуж не собираюсь... Наелась!

Вечером, готовясь к неприятному разговору с «квартирантами» и желая смягчить удар, Веневитиновы накрыли в гостиной стол. Рита пожарила бараньи котлеты, сделала салат «Оливье». Веневитинов выставил по этому поводу бутылку французского коньяка.

Выпили, закусили. «Квартиранты», предчувствуя недоброе, тихо жевали котлеты. Хозяин квартиры тоже молчал, не зная, с чего начать. Рита бросала в его сторону выразительные взгляды, а он все тянул.

Когда бутылка была опустошена и стало ясно, что дальше оттягивать разговор нельзя, Веневитинов заговорил:

— Ну, что, мужики, жизнь продолжается?.. — Он решил двигаться к цели окольным путем.

— Продолжается... — в один голос подтвердили «квартиранты» и с подозрением взглянули на него.

— Это хорошо... — констатировал Веневитинов. — Главное — мы живы, и все путем... — Он с удовольствием сбежал бы сейчас из дома, но Рита ему бы этого не простила. — Должен сообщить вам неприятное известие... Приезжает из Германии наш сын... — Он запнулся, оттого что пришлось врать. — На каникулы!

— Ну, что же, каникулы — дело хорошее! — констатировал Косухин.

— Значит, нас теперь в комнате будет трое? — с невинным видом поинтересовался Тишков.

— Это значит, комнату надо освободить! — не удержавшись, вмешалась в разговор Рита.

— А мы куда? — простодушно спросил Тишков.

— А мы — на бульвар! — зло пояснил ему Косухин. — Там скамеек много! Куртку под голову — и все дела! — И допил оставшийся в рюмке коньяк.

— Ну, зачем ты так? — огорчился Веневитинов. — Вас на улице никто не выставляет... Мы всё же друзья...

— Ну? — всмотрелся в него Косухин.

— Мы предлагаем вам переехать в другое место... В квартиру Риткиной бабушки! — Веневитинов взглянул на приятелей, проверяя их реакцию.

— А что же бабушка?.. — поинтересовался Косухин. — Умерла старушка?

— Умерла! — подтвердила Рита.

— Царство небесное! — перекрестился Тишков.

— Год назад умерла... — пояснил Веневитинов.

— Это же совсем другое дело! — обрадовался Косухин, осознав, что на улице ночевать не придется.

Тишков тоже повеселел.

Косухин выцедил из бутылки остатки коньяка.

— За здоровье бабушки! — провозгласил он, но вовремя спохватился: — То есть... пусть земля ей будет пухом!

Веневитинов сиял, радуясь, что все завершилось удачно и без обид. Рита тоже была довольна. Даже предложила каждому еще по одной котлете...

Но перед сном, намазывая лицо кремом и глядя на себя в зеркало, Рита не преминула заметить:

— Если бы мы просто попросили их съехать, не дав взамен бабушкину квартиру, без обид не обошлось бы. Вон как Петька закусил удила! Мерзавец! И это вместо того, чтобы сказать: спасибо!.. Правильно люди говорят: ни одно доброе дело не остается безнаказанным...

В субботу состоялся переезд на новое место жительства. Машина Веневитинова, куда Косухин и Тишков загрузили свои вещи, подъехала к старому трехэтажному дому в одном из переулков в районе Остоженки.

Вышли из машины. Будущие жильцы с пристрастием оглядели местный пейзаж, который, надо сказать, удовлетворил их.

Веневитинов открыл ключом дверь, и товарищи по несчастью вошли в квартиру.

Когда они оказались в прихожей и увидели разрушенную наполовину стену в одной из комнат и рядом обломки кирпичей на пыльном полу, то оптимизма у них заметно поубавилось.

— Это что еще за руины Сталинграда? — поморщился Косухин — он уже настроился на *отдельную* славную жизнь, а тут какая-то стройка, кирпичи, мусор!

— Без паники, мужики! Сейчас все объясню, — сказал Веневитинов. Он заметно нервничал, боясь, что разочарованные приятели надумают вернуться обратно. — Мы здесь затеяли ремонт...

— Ты хочешь, чтобы мы с Виталием клеили тут обои? — набычился Косухин.

— Не говори ерунды! — прервал его Веневитинов. И продолжил объяснять положение дел: — В общем, начали ремонт... Пришли халтурщики, взяли аванс, разрушили стену... и смылись! А тут кризис — с бабками напряг! Пришлось ремонт временно тормознуть...

— Как же здесь жить? — спросил Тишков, переступая через кирпичи, валявшиеся на полу.

— Повреждена только одна комната... Вторая ж — в полном порядке! Там и будете жить... Ну и туалет с ванной в рабочем состоянии...

Веневитинов прошел во вторую комнату, «квартиранты» за ним. В комнате было относительно чисто, имелась мебель: шкаф с книгами, стол, стулья, диван... и у окна — уже знакомая раскладушка, — Веневитинов заранее перевез ее сюда. «Квартиранты» были удовлетворены.

А уж когда они ознакомились с состоянием туалета и ванной комнаты, оба повеселели.

— Почти люкс в «Метрополе»! — воспрянул душой Тишков.

— Сними очки, дядя! — благодушно отозвался Косухин. — Ох, уж эти артисты! — И повернулся к Вене-

витинову: — Я готов был разочароваться в тебе и твоей жене, но теперь вижу, что есть настоящие друзья... Старче, с меня хороший коньяк!

— Ладно, разберемся, — кивнул тот, довольный, что все утряслось. — Устраивайтесь. Вот вам ключи. А я помчался по делам.

«Квартиранты» проводили Веневитинова до прихожей, где оставили свои вещи. Теперь можно было и обустроиваться. Тишков даже запел от радости.

Косухин заглянул в комнату с порушенной стеной.

— Здесь следует повесить табличку «Не входите! Идут строительные работы!» Чтоб входящие дамы не поломали ноги.

— Повесь! — дал добро Веневитинов.

Оглядывая стены в прихожей и потолок, Косухин обратил внимание на необычность планировки — вроде жилая квартира, а спланирована она как-то странно.

— Непонятная планировка... — заметил он.

— Чего ты хочешь? Дом старый... До революции здесь были квартиры внаем, жили люди, потом долгое время тут помещалось какое-то учреждение... — пояснил Веневитинов. — В хрущевские времена дом обратно переделали под жилье. И дед Риты получил эту квартиру... — Он многозначительно взглянул на приятелей. — Знающие люди рассказывают: дом этот строил какой-то богатый купец. И перед тем, как бежать за границу, в одной из стен он замуровал клад... — И, взглянув на ручные часы, поспешил к выходу.

Когда новоселы остались одни, Тишков радостно потер руки.

— А жизнь-то налаживается!

Вечером тенор явился домой не один. Открылась дверь, и в квартиру вплыла... кто бы вы думали? Не поверите — Геля Алёхина! На ней был вечерний наряд, в руке она держала зонт — на улице моросил дождь.

Так уж получилось, что после того памятного разговора в гримерной, где Тишков пытался внушить Геле, что она ему нравится, он и в самом деле стал проявлять интерес к ней, обнаруживая день ото дня в своей партнерше привлекательные черты, на которые раньше не обращал внимания. Об Антонине, изгнавшей его из дома, он старался не думать. Слишком сильна была обида на нее. Пусть кувyrкается со своим физкультурником!

Геля же интерес Тишкова к себе воспринимала с недоверием. Она не могла представить, что после стольких лет работы в одном театре, когда их отношения с Тишковым носили сугубо партнерский характер, он вдруг воспылал чувствами к ней. Но любопытство, свойственное всякой женщине, не позволяло ей оттолкнуть его.

Немалых трудов стоило Тишкову убедить Гелю, что его интересуется она, а не ее квартира, как утверждали злые языки в театре. И вот он пригласил ее в гости, желая показать, что он в порядке и не нуждается в жилье.

Геля оставила зонтик в прихожей и прошла в коридор, оглядываясь с любопытством по сторонам и стараясь держаться подальше от стен.

— Здесь что, бомбили? — спросила она, увидев развалины в первой комнате. — Или вас обстреляли ракетами из Газы?

— Вроде того... — смутился Тишков и поправил очки. — Проходи в кухню.

Геля загадочно хмыкнула и, глядя под ноги, чтобы не повредить туфли, пошла в том направлении, куда указал Тишков.

Уже в кухне, смахнув со стола крошки, Тишков развернул сверток, который нес в руках, извлек оттуда две бутылки вина. Поставил на стол.

— Не смущайся, если придет мой сосед, — сказал он. — Он — приличный малый, работает на телевидении...

— Он уже пришел! — послышался из коридора голос Косухина, и мгновение спустя журналист появился в дверях кухни.

— Это Геля, — представил гостью Тишков. — Мы работаем в одном театре... — И гордо добавил: — У Гели чудесный голос!

— Рад, очень рад... Петр! Петро! Петруха! Петр Григорьевич! — представился Косухин. — Зовите, как пожелаете... — И, открыв дверцу холодильника, полез туда рукой. — Извините, друзья, умираю от голода! Еще чуть-чуть и свалюсь замятво...

Он достал из холодильника полбатона докторской колбасы, отрезал несколько кусков, съел их на ходу. И раскланялся.

— Не буду вам мешать!

— Вы нам не мешаете, — сказала Геля ему в спину.

— Действительно, — поддержал ее Тишков. — Останься с нами, выпьем вина...

Косухин остановился.

— Вина? Ты же знаешь, это не мой напиток... Впрочем, почему не посидеть с приличными людьми.

Пока Тишков готовил трапезу, Косухин, не желая сидеть в сторонке барином, решил помочь товарищу.

Открыл кухонный шкафчик, извлек оттуда фужеры. Поставил на стол. Один из них предварительно тщательно протер полотенцем, обнаружив на нем какое-то пятнышко. Одним словом, продемонстрировал гостю, что ничто человеческое (из хозяйской сферы) ему не чуждо.

Тишков поставил на стол тарелку с осетинским сыром, блюдо, где лежала кисть винограда. Порезал тонкими пластинами бастурму.

— Геля, извини... У нас тут по-холостяцки.

— Будем считать, что мы на гастролях, — успокоила его Геля.

Через некоторое время, когда первая бутылка была опустошена, а вторая только начата, атмосфера за столом, поначалу несколько натянутая, стала весьма дружеской. Темы разговоров, как часто бывает в подобных случаях, менялись быстро. Поговорили о телевидении, о театре. Геля и Тишков обсудили некоторых своих коллег. Геля оказалась хорошей рассказчицей и отменно пародировала артистов, о которых шла речь. О бывших женах мужчины предпочитали не говорить.

Косухин неожиданно вспомнил рассказ Веневитинова о доме, в котором их с Тишковым поселили.

— Геля, — сказал он, — дом, в котором мы с вами находимся, построил до революции один богатый купец... Посмотрите, какие стены! — Он указал в сторону окна. — Мечта! Толщина — не меньше метра! Основательно раньше строили. Сейчас так уже не строят... Кстати, хозяин квартиры сказал, что купец, построивший дом, убегая за границу, замуровал где-то в стене клад!

— Каждый мальчишка мечтает в детстве найти клад. Мне тоже хотелось, — признался Тишков, и стекла его очков одухотворенно блеснули. Ему было радостно от того, что есть крыша над головой, пусть и временная, и он сидит в приятной компании.

— И как бы ты распорядился деньгами, если бы нашел тогда клад? — спросила Геля.

— Я увлекался в то время животными. Много читал о них... Я бы купил книгу Брэма «Жизнь животных», о которой мечтал... Ну и мороженого наелся б до отвала!

— Это скучно! — сказала Геля. — Я тоже мечтала, будучи маленькой, найти клад... Мне хотелось помочь девочке-инвалиду, жившей по соседству. Хотелось купить ей заграничную инвалидную коляску — девочка не могла ходить... Наши коляски были плохие, неудобные... А мне так хотелось ей помочь... Смешные детские мечты!

— благородно! — воскликнул захмелевший Косухин. — Геля! Хотите, я сделаю о вас репортаж: детская мечта артистки Алёхиной! И дам клевое название: «Добрая девочка мечтает об инвалидной коляске для больного ребенка»! Миллионы телезрителей умоются слезами.

— Петр Григорьевич, вы — циник! — сказала Геля.

— Ни в коем разе!

— Утром вы обо мне даже не вспомните — какой уж тут репортаж!

— Обижаете, Геля! Тех, с кем пью, я не забываю!

Геля поднялась со стула.

— Где у вас можно... руки помыть?

— По коридору и направо, — объяснил Тишков.

По дороге в туалет Геля задержалась у разрушенной наполовину стены — слишком привлекательным было зрелище: живописные руины, обломки кирпичей в помещении, где по соседству живут люди. Внимание ее привлекла узкая неровная щель в сохранившейся части стены. Некоторое время Геля с неясной целью пыталась заглянуть внутрь. Неожиданно она обнаружила внутри что-то похожее на край металлической коробки — большая часть ее была скрыта от глаз.

— Виталий! Петр! — крикнула Геля.

Тишков и Косухин тут же явились на ее зов, боясь, не случилось ли чего.

— Здесь клад! — с детским восторгом сообщила Геля.

— Какой еще клад?

— Видите щель, между кирпичей? Там находится металлическая коробка! Виден краешек ее... Внутри наверняка золотые монеты! Это клад, о котором говорил хозяин квартиры...

— Дама слишком много выпила вина! — сказал Косухин недоверчиво, хотя получасом ранее вдохновенно разглагольствовал на эту тему. — Дом этот, судя по всему, не раз перестраивали... Вероятно, перекладывали и внутренние стены... Если и было что-то спрятано, вряд ли оно могло сохраниться до наших дней.

— И все же надо достать эту коробку! — не сдавалась Геля.

Косухин наклонился к щели, долго глядел внутрь.

— Действительно там что-то есть... Похоже на металлическую коробку из-под монпансье. Были в начале

прошлого века такие леденцы. Наверняка, внутри чьи-то старые очки или ржавые гвозди.... Во всяком случае потребуется кирка, чтобы добраться до этой коробки...

— Надо достать кирку! — завелась Геля, охваченная духом кладоискательства.

— Счас! Побежим на ночь глядя! — поморщился Косухин.

Геля взглянула на Тишкова.

— Тишков, нужна кирка! Ты ко мне хорошо относишься? Найди!

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Вот и проверим твои чувства...

— Геля, ты пьяна! — растерялся тот. — Где же я ее возьму?

— Где хочешь! У дворника... Наверняка у того есть...

— Геля, не морочьте голову бедному тенору! — воскликнул Косухин, увидев, что Тишков стал собираться. — Дворник метлой работает, а не киркой! Давайте выпьем чаю, все обдумаем...

Предложение Косухина несколько остудило Гелю.

Вскоре все сидели за столом, пили чай. Неожиданно стали дружно фантазировать на тему, что можно будет купить, если в коробке окажутся драгоценности или золотые украшения.

— Можно приобрести хорошую квартиру... а лучше две, если бабок хватит, — мечтательно сказал Тишков.

— Пошлая проза жизни! — заявила Геля. У нее была квартира, и мысли на тему приобретения жилья не занимали ее. — Надо потратить деньги с умом, купить что-нибудь необычное... На аукционе Сотбис недавно продавалось одно из платьев принцессы Дианы. Пре-

лестное! Здесь вырез, здесь стразы... Вот это было бы приобретение!

— Ну нет, — покривился Косухин. — Кому нужно это дурацкое платье? Тебе? — Он уже был с Гелей на «ты». — Ты его сносишь и выбросишь! Надо подумать о будущем... Если в коробке брюлики... Можно купить... — Косухин задумался, не зная, что бы он купил. — Пивной заводик в Чехии! Всегда с бабками будешь, и выпить найдется!

— Пошло! — сказала Геля.

— Я бы купил какую-нибудь картину... Пикассо, к примеру! Или Ренуара! — возбудился Тишков. — Представляете, я владелец «Двух девушек за фортепьяно»!

— Ты же бомж! — остудил его порыв Косухин. — Где ты будешь держать эту картину? На вокзале? В камере хранения? Или повесишь в сквере на дереве? А сам уляжешься под нею на скамейке? Красиво!

— Была бы картина, а место найдется...

— Дело за малым, — заявила практичная Геля. — Нужно раздобыть кирку!

— Я попробую, — поднялся Тишков. — А если у дворника нет кирки?

— Поищи каких-нибудь дорожных рабочих, которые асфальт взламывают...

— Уже поздно, рабочий день окончен! — сказал Косухин. — Мужики уже пьют водку по домам... Поищем кирку завтра!

— Нет, сегодня! — не сдавалась Геля. Ее словно обуял какой-то бес. — Можно сделать приятное женщине? Я прошу о малости: найти какую-то паршивую кирку!

— Вот приспичило! — восхитился настойчивостью гостя Косухин.

Тишков послушно направился к выходу, ему хотелось угодить Геле. Косухин проводил его до прихожей.

— Настырные бабы в вашем театре! — сказал он, давая оценку Геле. И, понизив голос, спросил: — Бабки есть?

— Есть.

— Купи тогда бутылку водки. Потом рассчитаемся. Найдешь кирку или нет — а обмыть это дело надо!

Немало времени потратил Тишков, блуждая в окрестных переулках в поисках кирки или того, кто бы помог ее достать.

Наконец ему встретился мужик в спецовке и рабочей каске.

— Товарищ! — бросился к нему Тишков. — Нужна кирка... Не знаешь, где можно ее достать?

Мужик взглянул на него с подозрением.

— В такое время обычно винный магазин ищут!

И поспешил удалиться — от греха подальше.

Минутой позже Тишкову попался какой-то алкаш. Был он нетрезв, но еще вполне вменяем.

— Слышь, мужик... — обратился Тишков к нему. — Нужна кирка...

Алкаш не удивился столь необычной просьбе. Только спросил:

— Сколько?

— Чего сколько?

— Сколько дашь?

— Сотню дам, — пообещал Тишков.

— Не-е, сотню мало! — заявил алкаш. И втянул воздух ноздрями. — Пятьсот — не меньше...

— Хорошо.

— Бабки вперед!

— А не обманешь?

— Вот те крест! — перекрестился алкаш. — Честнее меня был только Лев Николаевич!

— Какой еще Лев Николаевич?

— Толстой... Ладно, жди! — И скрылся в темноте.

Тишков прождал его больше часа, — стоял на углу дома, где состоялась их встреча, боясь отойти хотя бы на пару метров в сторону — но так и не дождался. Алкаш бесследно исчез, как исчезает в темных водах реки брошенный туда камень.

Пока Тишков ждал алкаша, то тут, то там в тени деревьев возникали какие-то подозрительные типы, косились на него. Но он, зацикленный на кирке, даже не подумал о том, что следует этих ребят опасаться. И те, видимо впечатленные бесстрашием Тишкова, решили не трогать его.

Ни с чем вернулся артист домой, купив по дороге бутылку водки в ближайшем магазине.

Геля и Косухин сидели на кухне, ждали его. Разговор у них шел оживленный, страстный, интересный для обоих, и от этого Тишков испытал острое чувство ревности. Он там бегаёт, мучается, а они тут...

— А где кирка? — встретила его вопросом Геля.

— Нет кирки! — признался он. — Один алкаш пообещал и исчез... А я ему поверил, денег дал...

— Жаль! — вздохнула Геля, и Тишков уловил в ее взгляде пренебрежение.

Новый день выдался пасмурным. Время от времени моросил мелкий противный дождь, отчего людей тянуло на зевоту, а подверженных хандре охватывала вселенская тоска.

Накануне, словно предчувствуя будущую непогоду, запил главный дирижер, и в театре отменили репетицию.

— Геннадий Иванович заболел, — сообщил многозначительно администратор.

И все поняли, о чем речь.

Актеры, собравшиеся к назначенному часу, разошлись по гримерным, прикидывая, чем заняться в освободившееся время.

Кто-то из актерской братии предложил Тишкову посидеть в ближайшем кафе за рюмкой, но тот отказался.

Геля нашла Тишкова в фойе. Тот стоял у окна и бездумно глядел на почерневший от дождя асфальт, на мокрые деревья.

— Ждешь кого-то? — спросила она.

— Нет...

— Что с нашим кладом? — поинтересовалась Геля. Поздно вечером она уехала от приятелей на такси и забыла о находке. А сейчас, увидев Тишкова, вспомнила. — Надеюсь, ты и твой сосед помните, что это я обнаружила коробку... По-моему, самое время заняться поисками кирки.

Тишков, уязвленный вчерашним интересом Гели к Косухину, некоторое время смотрел на нее, решая, как ему следует поступить. Но чувство к Геле, набравшее обороты, взяло верх.

— Поехали!

— Я передумала, — неожиданно заявила Геля. У нее от вчерашнего детского желания добраться до коробки не осталось и следа. — Думаю, там действительно ржавые гвозди лежат... Лучше заняться чем-то более полезным. Например, мне надо маму навестить...

— Я тебя не узнаю, — удивился Тишков. — Вчера ты так жаждала добраться до нее! Даже меня выгнала на улицу...

— Так то вчера!

— И все же, — сказал Тишков, — следует довести дело до конца... А кирку, я подумал, можно купить в хозяйственном магазине...

— Вот еще! Зачем на подобную ерунду деньги тратить, если потом она не нужна! Я что-то похожее видела у наших пожарников...

А дождь моросил не переставая. С отяжелевших листьев летели на землю жирные капли. С каждым часом лужи становились шире и глубже. Брызги веером летели из-под колес автомашин. Но небо уже светлело, и была надежда, что солнце все-таки прорвется сквозь серую пелену.

Такси въехало в переулок и остановилось напротив дома. Косухин расплатился с водителем, извлек с заднего сиденья что-то длинное, тяжелое, обернутое в несколько слоев бумаги.

Следом за такси к дому подъехала машина. И Косухин, к своему удивлению, увидел Тишкова и Гелю, вылезавших наружу. Геля раскрыла зонт, спасая от дождя прическу. Тишков вместе с шофером направился к багажнику. Вынул из него что-то большое, непра-

вильной формы, завернутое в ветошь. Когда он водрузил этот предмет на плечо, стало понятно, что внутри столь желанная кирка.

Появление артистов обрадовало Косухина.

— «Съезжались до загсу трамваи, там шумная свадьба была!..» — процитировал он классика. — Что случилось? Отменили репетицию?

— У нас дирижер запил, — сообщил Тишков. И добавил: — Геннадий Иванович! — Словно «Геннадий Иванович» был известный на всю страну пьяница и человек, хорошо знакомый его соседу по комнате.

Косухин взмахнул своим свертком.

— А я с подарком...

— Кирка? — сообразила Геля.

— Ну! У сторожа на стройке за две бутылки взял... Взаимы! — И разочарованно сник. — Вы, я смотрю, тоже с приобретением?

— Это Геля! У пожарника в театре выпросила! — сообщил радостно Тишков. — Тоже взаимы....

— Ну что же! — вздохнул Косухин. — Посмотрим, чья кирка острее!

Полчаса спустя Косухин, засучив рукава, уже долбил кирпичную кладку, стараясь расширить щель в стене.

Геля и Тишков, устроившись в коридоре, наблюдали за его действиями.

— Держитесь подальше! — посоветовал им Косухин. — Кирпичная крошка может попасть в лицо!

И вновь со всего маху вонзил кирку в щель между кирпичей.

Дальше произошло следующее. Большой кусок стены — целый пласт из штукатурки и кирпичей, сотрясая перекрытие, рухнул на пол — Косухин едва успел отскочить в сторону. Внутри стены открылось полое пространство, нечто вроде кладовки, заполненное множеством толстых пыльных папок, уложенных друг на друга; поверх одной из них и лежала металлическая коробка из-под леденцов, которыми увлекались дети начала прошлого века.

— Костя мне голову оторвет! — мрачно констатировал Косухин, оглядывая плоды своего труда. — Глядишь, и соседи снизу прибегут — скажут, штукатурка с потолка отвалилась... Связался я с вами на свою голову, господ артисты!

Тишков пробрался к пролому, взял в руки металлическую коробку, из-за которой был весь сыр-бор. Не заглядывая внутрь, вернулся обратно, протянул коробку Геле.

— Вскрывай!

Каково же было общее разочарование, когда Геля открыла коробку и кладоискатели увидели внутри с десяток металлических перьев для канцелярских ручек, которыми пользовались до войны и после нее, горсть старых медных монет советского времени и две потемневшие печати для служебных документов.

— Вот вам и пивной заводик в Чехии! — усмехнулся невесело Косухин. — А заодно и Ренуар с «Девушками у фортепьяно»!

Перешагивая через кирпичные обломки, он прошел к нише, взял одну из папок в руки. Сдул с нее мусор, увернув голову от пыльного облака, взлетевшего вверх.

На папке стоял гриф МГБ (Министерства государственной безопасности — организации, сменившей после войны НКВД). В центре папки значился номер дела, а поверх него аккуратным почерком было написано «Секретно».

Косухин открыл папку, перелистал несколько страниц, изучая написанное.

— Чиркунов Андрей Станиславович... — прочел он вслух. — Год рождения — 1915... Социальное положение... из мещан... Образование — среднее техническое... Место работы — трамвайное депо имени Баумана, старший механик... А вот и обвинительное заключение... — Косухин внимательно прочел про себя текст документа и озвучил прочитанное: — Обвиняется в антисоветской пропаганде... шпионаже в пользу Японии... и так далее, и так далее... Приговорен... — он взглянул на Тишкова и Гелю, — к десяти годам лагерей!.. И дата: 18 июня 1949 года... Красиво! Что же он такого сделал, этот Чиркунов из трамвайного депо? Какие такие трамвайные секреты выдал Японии? — Косухин пролистнул несколько страниц. — Нашел! Вот, оказывается, в чем суть дела... Двадцать четвертого марта сего года гражданин Чиркунов пришел в булочную по адресу: улица Герцена, дом номер такой-то... и купил французскую булку... Приступив сразу же к ее поеданию, он обнаружил внутри булки папиросный окурочок... После этого, по свидетельству очевидцев, Чиркунов стал возмущаться работой хлебозавода, поставляющего негодную продукцию, и поведением продавцов магазина, торгующих такой дрянью... Поносил страну, требовал вывести виновных

на чистую воду, требовал возместить затраты, потому как булку он выбросил...

— Чушь какая-то! — сказала Геля, дернув плечиком. — Галиматья!.. Кому это сейчас интересно?

Косухин отложил папку в сторону, взял вторую, полистал ее. Взялся за третью.

— Нет, — сказал он серьезно, — это не галиматья... Ты еще не поняла? Это гэбэшный архив. Тут, можно сказать, судьбы людей. Вероятно, в этом здании находилась одна из их контор. Странно, как эмгэбэшники выпустили эти папки из рук! Эти бы дела да депутатам в рожу сунуть, может быть, они стали бы поменьше сладкие песни о Сталине петь!

— Шестьдесят с лишним лет прошло. Целая жизнь! — сказала Геля. — Люди, причастные к этим делам, — и с той, и с другой стороны — давно уже на кладбище... И могилы их быльем поросли! Теперь в этих бумагах нет никакого проку...

— Не знаю, не знаю... — не согласился с ней Косухин, вчитываясь в новую папку.

— Ладно, я пошла! — заявила Геля, уязвленная тем, что Косухин увлекся бумагами и перестал обращать на нее внимание. — Вы же как хотите... Мой вам совет: выбросите это на помойку!

— Геля, я с тобой! — сказал Тишков.

И оба направились к выходу.

Косухин, будучи журналистом, не мог так легкомысленно, как советовала Геля, распорядиться найденными делами. Он взял несколько папок и отправился на кухню — разбираться по-серьезному, что к чему. Сделал себе крепкий чай и, устроившись у стола, пог-

рузился в чтение. И чем больше он читал, знакомясь с судьбами невинно осужденных людей, большинство из которых были расстреляны, тем больший ужас его охватывал. В какой-то момент он не смог читать. Прервался. Достал из холодильника бутылку водки, налил себе почти полный стакан, выпил. И только после этого, минутой спустя, смог продолжить чтение.

Тишков появился в квартире поздно вечером. Он был слегка пьян, круглое лицо его светилось, свидетельствуя о том, что его отношения с Гелей продвигаются вперед. Он даже напевал вполголоса, не в силах справиться со своими чувствами;

— «Снился мне сад в подвенечном уборе, и в том саду мы с тобою вдвоем... Звезды на суше, звезды на море... Звезды в сердце моем!..»

Каково же было его удивление, когда он обнаружил Косухина, изрядно пьяного, сидящего на кухне в окружении папок и занятого чтением одной из них.

— Ты что же, все это время читал? — спросил потрясенный Тишков.

— Угадал, — подтвердил Косухин, прервав чтение. Лицо у него было печальное и злое одновременно. Воспользовавшись паузой, он налил себе водки, выпил. Закусил обломками какого-то печенья, валявшегося на столе — видимо, это была вся его еда за вечер.

— Есть что-нибудь интересное? — легкомысленно заглянул через его плечо Тишков, словно приятель читал юмористическую книжку. — Может, какая-то польза будет от этих бумаг...

— Будет, — неприязненно отозвался Косухин. — Обменяем их на золотые червонцы...

— Правда, что ли? — не понял мрачного юмора артист.

— Ты что, общаясь со своей бабой, совсем ума лишился? — зло поинтересовался Косухин. И уже чуть спокойнее спросил: — Кстати, как успехи на любовном поприще? Скоро ли мы услышим марш Мендельсона?

— До Мендельсона — еще далеко! Да и не в Мендельсоне счастье...

Косухин окинул папки взглядом, взял со стола кусок печенья, пожевал.

— Тяжело читать все это... — Ему хотелось поделиться своими впечатлениями от прочитанного, но влюбленный сытый Тишков плохо подходил для роли слушателя, способного понять, что к чему. И все же Косухин не мог это держать в себе. — В этих папках, — сказал он, — дела 1948–1949 годов... Все арестованные обвинялись по политическим статьям... Большая часть из них была расстреляна... На поверку все это — липа! Плод больного воображения садистов следователей... Большинство дел вели два следователя — один по фамилии Гремячий, другой — Табунов... Редкостные, скажу тебе, суки, если судить по протоколам допросов и тем вопросам, что они задавали...

Тишков, будучи человеком мягким, предпочитал избегать жестких оценок.

— Они могли делать это по приказу свыше... И, если бы не воля начальства, они, возможно, поступали бы иначе... Время, как говорят, было темное... — Артист зевнул, отчего Косухин готов был засветить ему в ухо, но сдержался. — Если те, о ком ты говоришь, не стали бы «шить» дела, сами на другой день оказались бы в зоне где-нибудь в районе Магадана!.. — Он потянулся

и вновь сладко зевнул. — Ладно, завтра расскажешь... Спать жутко хочется! А мне в десять на репетицию...

Косухин хмуро посмотрел ему в спину.

— Время, конечно, было непростое, — согласился он. — Но не все в душегубы шли...

Город спал. Спали его жители. Произошло что-то непонятное: машин почти не было. Редко какая из них проносилась по улице, нарушая окрестную тишину. И затем опять становилось пусто и тихо. Создавалось впечатление, будто большинство жителей разъехались по курортам южных стран вроде Турции и Египта, и по этой причине желающих гонять на машинах по ночам стало меньше. Окажись в это время суток на улице заезжий провинциал, он невольно задался бы вопросом: «Неужели это Москва?.. А мне-то говорили...» Да, дорогой вы наш, и здесь иногда бывает тихо и покойно. И причину этого трудно объяснить.

В эту ночь неясное чувство пробудило Риту, и она открыла глаза. А открыв их, с удивлением обнаружила, что муж ее, Костя, не спит, а, запрокинув голову, смотрит в потолок, словно там в одночасье обнаружилось нечто неожиданное, вроде помпейских фресок или что-то подобное им.

Рита проследила за взглядом мужа и оглядела потолок — может, и впрямь там что-то есть? Но ничего необычного не нашла. Все как и прежде: небольшая трещина, словно изгиб реки на карте, напоминающая, что пора делать ремонт, темная люстра с шестью воинственно торчащими рожками, и движущиеся тени от волнующейся за окном листвы.

— Ты чего не спишь? — спросила Рита, когда муж протяжно вздохнул.

Веневитинов не удивился ее голосу и тому, что она тоже не спит.

— Как-то не по-человечески все это... — сказал он.

— Ты о чем? — не поняла Рита.

— Поселили ребят среди развалин... Это все же наши друзья, а не бомжи с улицы, чтобы жить в таких условиях...

— Господи! Я-то думала, ему нездоровится, а он... Взрослый человек! Врач! И точно слепой! Квартира бабушки — вполне пригодное жилье. Ну да, порушена половина стены в одной из комнат. Но зато другая комната, кухня, туалет и ванная — в полном порядке! К тому же все это — бесплатно! Где они найдут подобное? Да еще в центре города! Пусть спасибо скажут! И главное: их оттуда никто не гонит! Живи в свое удовольствие, радуйся!

— Радуйся!.. — повторил язвительно Веневитинов. — Тебя бы на кирпичи...

— Не зли меня, гуманист на ровном месте! Нам, к примеру, никто в молодые годы не помогал, когда у нас не было своего угла... — Рита повернулась к мужу спиной. — Можешь отдать своим приятелям все: деньги, мебель, эту квартиру. А я уеду к сыну в Германию!

В этот ночной час не спала и дочь Косухина — Маша. Смотрела в темный угол, и недетские мысли одолевали ее. Ей хотелось, чтобы отец вернулся обратно в дом, но как это сделать, не знала. Мать Маши была непримирима и не желала возвращения бывшего мужа. «А ведь

когда-то они любили друг друга, — думала девочка, она помнила, как в прошлом миловались мать и отец при каждой встрече. — Куда же делась эта самая хваленая любовь? Она что, как газ, который закачивают в шарик, а потом он улетучивается? Или она истекает, как вода из бутылки? Была — и нет, и бутылка пуста...»

Увидев свет ночника в комнате дочери, к ней заглянула Екатерина, направлявшаяся в туалет.

— Чего не спим?

— Так...

— «Так» — это не причина, чтобы девочка бодрствовала в ночное время. Ты еще ребенок и должна ночью спать.

— Слушай, ма... А ты вообще-то... любила отца?

— О-о-о! — пропела со сморщенным лицом Екатерина и направилась к двери, не желая продолжать этот никчемный, по ее мнению, разговор. И уже из коридора, прежде чем прикрыть дверь, бросила дочери: — Не пытайтесь играть на моих чувствах — ты и твой отец! Ушла любовь, завяли помидоры!

Крепко спала в своей постели Антонина Тишкова, прижавшись головой к плечу атлета. Ничто не омрачало ее сладкий сон. Лицо ее, лишенное в ночное время очков, было безмятежным, точно у ребенка, который еще не скоро вступит в пору серьезных испытаний. И прошлое не беспокоило ее. И это невольно толкало автора этой истории, вслед за Машей Косухиной, к размышлению о скоротечности человеческих чувств, рождаемых любовью, и о том, как они порой удивительно бесследно исчезают. Словно дым от костра.

Геля ворочалась с боку на бок, пытаясь уснуть. Сон был близок, — это чувствовалось — но не спешил, как знающий себе цену обласканный любовник.

— Клад... чертов клад... — пробормотала женщина.

Что она имела в виду? Какие мысли, неповоротливые в эти минуты, словно рыбины, нагулявшие вес, покоились в ее голове? Огорчало ли ее отсутствие клада в банке из-под монпансье? Вряд ли... Быть может, она думала о Тишкове, который неожиданно стал плотно внедряться в ее жизнь? Или о его соседе, странном человеке по фамилии Косухин, вызывавшем ее симпатию? Возможно, и то и другое...

Во всяком случае, лицо ее преобразила странная улыбка, связанная с чем-то, что было понятно ей одной, и долгожданное погружение в иную реальность, наконец, произошло...

Утром, проснувшись и не обнаружив соседа в комнате, Тишков решил, что тот уже ушел на работу.

Каково же было его удивление, когда, пройдя из ванной в кухню, он увидел там Косухина. Тот спал в окружении папок с делами, положив голову на стол. На полу стояла пустая бутылка из-под водки.

— Пе-е-тя... — деликатно позвал Тишков. — Пора вставать!

И когда Косухин поднял голову, пытаясь сообразить, что к чему, спросил:

— Ты так и просидел всю ночь на кухне?

— Угу, — зевнул тот.

— Не знал, что ты такой... любознательный!

— Теперь знай!

Косухин взъерошил волосы, потянулся. И пошел в ванную умываться.

Главный дирижер появился в театре в конце недели. Он стоял за пультом сумрачный, с несколько оплывшим после трехдневного пьянства лицом. Задумчиво листал партитуру. Нашел то, что искал. Некоторое время стоял молчаливо, словно ждал, когда внутри сдвинутся со своего места и начнут работать нужные шестеренки.

Потом поднял голову, окинул музыкантов строгим взглядом учителя и спросил:

— Ну, что, господа хорошие, плохо без дирижера?

— Плохо, плохо... — отозвались нестройно несколько голосов.

— То-то же! Будем беречь друг друга! — заявил дирижер, довольный услышанным. Он бросил взгляд в зал, где сидели артисты, занятые в репетиции, и потребовал: — Онучин и Сельвинская, на сцену!

— Онучина нет! — отозвалась Сельвинская.

— Почему нет? — последовал вопрос.

Ответом послужило молчание. Онучин, как было известно всем, не ожидая, что дирижер так быстро вернется к работе, уехал на двухдневные съемки в Ялту.

Сегодня дирижер был настроен мирно, не стал выяснять, что и как.

— Алехина и Тишков — прошу! — позвал он, обнаружив их в зале. Перевернул лист в партитуре.

Геля и Тишков поднялись на сцену.

— Да-а... — выдохнула Маша, оглядев нынешнее место жительства отца. — Это, конечно, не Петер-

гоф... — После прошлогодней поездки с классом по историческим местам в окрестностях Петербурга теперь все, что ей не нравилось, девочка припечатывала коротким определением «это — не Петергоф». — Везде какие-то папки, кирпичи... — поморщилась она. — К тому же у тебя сосед... точно в общежитии!

— Между прочим, — обиделся за соседа Косухин, — он интересный человек! Тенор! Поет в оперетте! «Без женщин жить нельзя на свете — нет!» Впрочем, тебе еще рано слушать такие вещи... Он мне не мешает жить, в отличие от некоторых, которые делали это весьма успешно... — намекнул он на мать Маши. — Мы с ним отлично ладим.

— Вместе пьете? — спросила по-взрослому Маша.

— Зачем дерзишь? Это все материнские штучки! Ты много видела меня пьяным? Много? Скажи!

— Ну, видела, — потупилась Маша.

— Видела она! — возмутился Косухин. — Ну, может быть, раза два, три!.. Ответь мне, кто в своей жизни хотя бы пару раз не напивался?!

— Гоголь, говорят, был непьющим...

— Гоголь! Что ты болтаешь! Ты с ним время проводила? Это был твой одноклассник? «Only you! — вы с ним — Only you!»

— Ладно, па, не грузись! — сказала примирительно Маша. — Хочешь, я займусь поиском жилья для тебя?..

Ответить Косухин не успел — в это время позвонили в дверь.

— Интересно, кто это? — удивился он. — У Виталия есть свой ключ...

— Я пойду, мне пора, — сказала Маша.

Оба направились в прихожую.

Косухин открыл входную дверь и с удивлением обнаружил за нею Иришу.

Та оживилась, увидев Косухина в компании дочери, с которой была знакома.

— Зачем пришла? — невежливо поинтересовался Косухин.

— Грубо! — сказала Ириша. — Ты же сам просил помочь с поиском жилья... Вот, принесла тебе пару адресов...

— Ладно, я пойду... — сказала Маша, не желая мешать взрослым, и, выйдя за дверь, помахала им ладошкой. — Бай!

Ириша протянула Косухину бумажку с адресами и хотела уйти вслед за Машей.

— Проходи, раз пришла, — остановил ее Косухин. — Посмотришь, как я тут устроился... — И, уже закрыв входную дверь, спросил: — Как семейная жизнь?

— Нормально. Спасибо, что интересуешься моей судьбой.

Ириша обошла квартиру. Косухин с важным видом сопровождал ее, словно показывал не рядовое жилье, а роскошные апартаменты.

— Да-а... — сказала Ириша, завершив осмотр. И повторила присказку Маши: — Это, конечно, не Петергоф!

— Зато бесплатно! — закипятился Косухин. — И кухня большая!

— А почему стена разрушена?

— Хозяева начали ремонт, да остановились из-за отсутствия денег.

— Надеюсь, ты не собираешься провести в этих развалинах оставшуюся часть жизни? — Ириша была

огорчена, что Косухину, которого она, судя по всему, все еще продолжала любить, приходится жить в таких условиях.

— Не собираюсь!

— Жениться тебе надо! А то совсем слетишь с копыт... Вон Тая Ремизова — подходящая невеста, сороковой размер обуви, прочно ступает по земле — тебе в самый раз!

— Обойдемся без свах!

Иришу заинтересовало наличие множества папок, разбросанных повсюду.

— Что это за папки? — спросила она. — И на кухне, и в коридоре...

— Здесь ломали стену, в ней оказалась ниша. В нише лежали эти папки. В них — гэбэшные дела сороковых годов... Получается, вроде как архив. Третий день читаю — места себе не нахожу! В пору запить...

— Можно сделать интересную передачу! — оживились Ириша. — Есть здесь дела известных людей? вроде Бабеля, академика Вавилова?

— Нет. Тут рядовые граждане: рабочие, врачи, учителя... Есть несколько военных — в разном звании...

— Тогда выброси это на помойку, — сказала Ириша. — Кому интересны судьбы безвестных людей?.. А еще лучше — сдай эти дела в ФСБ! Глядишь, денежную премию дадут или медаль...

— Ну уж нет! Я эту публику знаю. Запрячут куда-нибудь в подвал — подальше от глаз... или сожгут, чтоб убрать концы! А я, может, родственников найду... — впервые озвучил эту мысль Косухин. — Или следователей, которые вели эти дела... Хотелось бы посмотреть этим сукам в лицо. Если они, конечно, живы.

— Не трать время на ерунду! — сказала Ириша. — К тому же у тебя могут быть неприятности, если в органах узнают про этот архив...

— Это не ерунда, — сказал Косухин. И добавил жестко: — «Ерунда» — это у тебя с твоим мужем! А здесь судьбы загубленных людей, большинство которых были расстреляны! А они детей имели, жен, жить хотели...

Вечером Тишков появился с Гелей.

Они прошли в кухню и обнаружили там Косухина — тот, обложившись папками, продолжал изучать их содержимое. Был он небрит, нечесан. На столе стояло несколько грязных чашек из-под чая, помыть которые у «читателя» не было времени. Здесь же стояла тарелка с куском булки и ломтиком заветревшегося сыра.

— Геля, по-моему, вы полюбили наши романтические развалины! — встрепенулся Косухин, увидев гостью.

— Как видите.

— Переезжайте сюда на постоянное жительство. Мы отдадим вам лучшее, что у нас есть — нашу кухню! А столоваться будем среди руин, как в военное время...

— Спасибо за щедрое предложение. Мне нравится моя квартира...

— Ты все еще читаешь? — спросил Тишков.

— Не могу оторваться — Дюма отдыхает...

— Брось!

— Ты не понимаешь, — возбудился Косухин, — это жизнь, живая жизнь, хотя и полная горечи, но жизнь, а не ее слепок!

Геля собрала со стола грязные чашки, поставила их в раковину. Убрала в кухонную стенку тарелку с бул-

кой и сыром. Несколько папок переложила на пол. Протерла бумажной салфеткой освободившееся место на столе. Тишков стал выкладывать из сумки на стол еду в пакетах.

Косухин встал, потянулся, желая размять тело.

— Раз от раза потрясаюсь Табуновым! — сказал он.

— Кто такой Табунов? — спросила Геля.

— Следователь... Редкостная скотина! Здесь три десятка его дел... Еще есть следователь по фамилии Гремячий... Как бы мне хотелось найти их и плюнуть в морду!

Геля присела к столу — напротив Косухина.

— Они, наверное, уже древние старцы... А старость надо уважать. Их даже осудить нельзя — за истечением срока давности.

— И все равно б я засветил Табунову промеж глаз — за все его мерзости! — И вдруг, вспомнив о чем-то, обратился к Тишкову: — Слушай, тенор, ты откуда родом?

— Я москвич...

— Подходит. А дед у тебя был?

— Глупый вопрос! Конечно, был. Что это ты вдруг интересуешься моим дедом?

— Мне тут попало дело одного Тишкова... — Он взглянул на выписку, сделанную на бумажке. — Зовут его Василий Петрович, он ученый... Его приговорили к пятнадцати годам за связь с иностранцами... Как сказано в деле, он дал интервью английской газете, где про какую-то вакцину рассказал, над которой работал, не поставив в известность об этом факте соответствующие органы... Случаем, этот мужик не твой дед?

— Как ты сказал? — озадачился Тишков. — Василий Петрович? Да, да, это имя моего деда... Но, может, это его тезка?

— Ты что же, ничего не знаешь про своего деда?

— Очень мало. Знаю, что его осудили по доносу в сорок девятом, дали срок. Сидел он где-то на севере... Отец не любил об этом рассказывать. Когда отцу было двенадцать, дед умер через полгода, вернувшись из лагеря... Он был еще не старый человек.

— Уверен, этот Тишков — твой дед.

— Похоже.

— Это ж целое открытие, если это так!.. — воскликнул Косухин.

— Где дело? — возбудился Тишков. — Дай посмотреть!

— Тишков, ты привел женщину в гости! — воспротивилась Геля. — А собираешься заняться чтением бумаг!

Косухин протянул ему пухлую папку, отложенную заранее. Тишков открыл папку и, листая страницы дела, ушел в комнату.

— Геля, не волнуйтесь, — сказал Косухин. — пока он будет читать, я составлю вам компанию... А еще лучше, если вы мне что-нибудь споете. Виталий уверял меня, что у вас чудесный голос!

— Я не пою без инструмента... — заявила Геля.

— Это не проблема. Где-то в комнате валялась гитара.

— Во-вторых, я не пою бесплатно!

— С оплатой сложнее, — признался Косухин. — В данное время я на мели...

— Могу одолжить вам некоторую сумму. Нам сегодня выдали зарплату.

— У женщин не беру, тем более у артисток... Остается одно: *мне* вам спеть!

— Я готова послушать...

— Но, увы, у меня нет голоса. И слухом Бог обделил.

— Тогда почитайте стихи. Это больше по вашей части, раз вы журналист.

— Стихов не пишу и не заучиваю... Даже в юности этим не увлекался... Да и журналист я, по мнению начальства, средних достоинств...

— Что же вы в таком случае можете?

— Ничего.... Впрочем... — Косухин задумался. — Вот могу этому Табунову... — он взглянул на одну из папок, — ...в морду дать!

— Дался вам этот следователь! Зачем вы в этом копаетесь? Это прошлое. Вы не в силах что-либо изменить. Ни вернуть к жизни расстрелянных, ни отменить сроки отсидевшим.

— Верно, — согласился Косухин, — этого я не могу... Но подобное не должно оставаться без последствий. Иначе жизнь обесмысливается. Когда мне говорят: «Бог накажет!» — меня это мало утешает.

— Петя, — продолжала Геля, — это было всегда: одни творят насилие, другие незаслуженно страдают от этого. И изменить подобный порядок вещей невозможно.

Косухин мрачно усмехнулся.

— Привычная картина в родном отечестве. Задавили человека, и виноват не тот, кто был за рулем, а пешеходный переход, у которого стоял пострадавший, собираясь перейти дорогу! — Он взглянул на Гелю: — И все равно хочется засветить этому мерзавцу меж глаз!

— Вы станете бить старика? Это негуманно...

— Согласен... Но плюнуть-то ему в морду я могу?

— Вам будет легче от этого?

— В некотором смысле....

— Давайте лучше поедим, есть ужасно хочется...

Тишков, между прочим, пригласил меня на ужин!

— Я и готовить не умею, — почесал в затылке Косухин. — Выходит: я — лишний человек!..

— А тут готовить не надо... — Геля принялась раскрывать пакеты и выкладывать их содержимое на тарелки. — Надо только кое-что лишь подогреть на сковородке... Сковорода есть?

— Где-то была.

— Надеюсь, сковороду вы отыскать сможете, лишний человек?

Тишков так увлекся чтением дела, что забыл обо всем на свете: об ужине, о Геле, которую пригласил в гости... Когда он закончил, стрелки часов показывали начало первого ночи.

В комнату вошел Косухин, утирая полотенцем умытое на ночь лицо.

— Жив? — спросил он.

— Это все ужасно! — произнес Тишков. Он снял очки, протер платком стекла. — Слов не нахожу... Я будто взглянул на жизнь, на прошлое своей семьи другими глазами. И после всего этого распевать легкомысленные куплеты... Я завтра не смогу петь!

— Сможешь! — успокоил его Косухин. — Человек быстро приспосабливается ко всему... И ты — не исключение!

— Исключение, елки зеленые! — упрямо тряхнул головой Тишков. Мягкий склад характера не позволял ему использовать более крепкие выражения. — Пой-

ми, я не смогу петь! — И вдруг он вспомнил о Геле: —
А где Геля?

— Ушла.

— Как ушла?

— Так, ушла... Время первый час ночи!

— Боже! Это ужасно! Я идиот!

— Ты идиот! — согласился Косухин. — Но у тебя была причина. Знакомство с делом деда стоило того! — И успокоил приятеля: — Не волнуйся. Мы прекрасно провели с нею время. Надо мной уже витают звуки марша Мендельсона, они все громче и громче! Ах, Геля! — воскликнул он, закатив глаза.

— Какого, к черту, Мендельсона?!

— Ладно, не грузись! Я просто развлекал ее... Мы вкусно поужинали... Там и тебе кое-что осталось на сковороде. — И иронически добавил: — Но ты, наверное, есть не сможешь... так же как и петь?

— Почему же, я поем!

Прошло несколько дней. Однажды Тишков явился домой чрезвычайно возбужденный.

Косухин, готовился ужинать, нарезал колбасу и хлеб. На плите шипела яичница. На столе стояли бутылка водки и граненый стакан.

— Ты вовремя! — заявил Косухин и достал из шкафчика второй стакан. — Пить будешь?

— Нет, боюсь за связки... У меня вечером спектакль... — Тишкову не терпелось поделиться с приятелем новостью. — Послушай, есть новость!

— Тебе дали квартиру? В доме для депутатов Думы? — Косухин распечатал бутылку, налил себе полстакана. — Поздравляю!

— Подожди, — остановил его Тишков. — Не пей!
Косухин сел к столу, посмотрел на стакан с водкой.
Вздохнул, перевел взгляд на Тишкова.

— Ну.

— Мне кое-что достали!

— Чего достали? — Косухин был недоволен, что приходится оттягивать выпивку.

— Нужную информацию! О чем мы с тобой говорили... Так вот, следовательно Гремячий умер в девяносто третьем... А следовательно Табунов жив! Ему, представляешь, восемьдесят семь лет... Мой бывший одноклассник, работающий в ЦСУ, имеющий немалые связи, достал его нынешний адрес!

— Господи! — Косухин возвел глаза к небу. — Ты услышал мои молитвы!.. — И набросился на Тишкова: — Где он? В Тамбове? В Хабаровске?.. Я готов ехать на край света, чтобы увидеть эту суку!.. Только бабки надо достать на билет! Билет до Хабаровска, поди, тыщ двадцать стоит! Вот обрадовал так обрадовал... — Он потянулся рукой к стакану.

— Подожди! — вновь остановил его Тишков. — Бабки не потребуются. Табунов проживает в Москве. Вот адрес. — Он протянул приятелю бумажку с адресом. И с интересом наблюдал за его реакцией.

И когда Косухин прочел написанное, добавил:

— Можем хоть сейчас отправиться к нему в гости!

— Верно, чего откладывать! — согласился Косухин. — Но извини, друг, стакан я должен освободить!

И залпом выпил.

Прятели вышли на улицу, поймали такси и через полчаса были на месте.

Дом под номером, указанным в бумажке с адресом, представлял собою девятиэтажную блочную башню постройки семидесятих годов.

Шагая к подъезду, Косухин огляделся по сторонам. Бросил взгляд вверх — на фасад дома. Дом давно не красили, и, судя по его виду, он требовал ремонта.

— Значит, так, — сказал Косухин, обращаясь к Тишкову, — оставайся здесь и жди, я пойду один...

— Почему — один? А я?.. Я, можно сказать, лицо пострадавшее... — завелся Тишков. — Я тоже хочу видеть этого сатрапа... поквитаться с ним!

— Ты? Каким образом? Споешь ему про Сильву? — сощурился Косухин.

— Я знаю, что я сделаю... Я его, я его...

— Ну, ну! Терминатор разбушевался! Тебе сегодня петь. Береги голос... Я пойду на разведку. Выясню, что и как, и потом позвоню тебе по мобиле.

— Но...

— Никаких «но». Ты в армии служил?

— Нет.

— Вот видишь, а я служил... Доверься мне.

Косухину хотелось поговорить с бывшим следователем один на один. И не хотелось впутывать в это дело Тишкова. Мало ли! Тот, как человек, не привыкший к решительным поступкам, мог все испортить. И потом, в квартире, кроме старика, могут оказаться его родственники, и тогда разговор придется отложить до другого раза. И подумать о встрече где-нибудь на нейтральной почве.

— В общем, жди, — приказал Косухин. — И держи мобилу наготове.

Тишков подчинился.

На входной двери был домофон, но, как оказалось, он не работал. Косухин убедился в этом, дернув ручку двери на себя. Дверь открылась, и он без препятствий прошел в подъезд.

Лифт тоже не работал. Косухин поднялся пешком на третий этаж, нашел нужную квартиру. Нажал кнопку звонка. Он нервничал, боялся, что может сорваться, стоит ему только увидеть бывшего следователя.

Дверь не открывали. Он позвонил снова и снова. И опять никакого результата. Косухин злился, точно влюбленный юноша, у которого откладывается свидание.

За его спиной послышались шаги, и, обернувшись, он увидел немолодую женщину в шляпке с хозяйственной сумкой в руке.

— Вы к Табуновым? — спросила она Косухина, увидев, что он звонит в дверь.

— Да, — подтвердил тот.

— Николай-то, племянник, на работе... А сам-то Семен Ипатьевич — не ходит... То жена, покойная, за ним ухаживала, а теперь она умерла, и он целыми днями один... Молодые ж, я про Кольку, сами знаете какие!.. Но я могу открыть вам дверь! — оживилась она. — У меня есть ключи... Вы откуда?

— Я из военкомата, — после короткого замешательства соврал Косухин.

— Вот и хорошо, — обрадовалась разговорчивая женщина, — что им военкомат интересуется! Он — человек заслуженный! Может, сиделку к нему какую приставят!

— Может, — буркнул Косухин.

— А то в собесе мышей не ловят... Деньги получают, а стариков — по боку! — Женщина открыла соседнюю дверь. — Подождите! — сказала она и пошла за ключами.

Косухин ждал. Все складывалось как нельзя лучше. Табунов один, и их разговору никто не помешает. Соседку, если та станет липнуть, можно отправить к себе, сославшись на доверительность разговора. От волнения у Косухина заходили желваки на скулах.

Появилась соседка. Вынесла ключи, сама открыла дверь в квартиру Табунова.

— Заходите!.. — И, к радости Косухина, сказала: — Я-то не пойду, мне сейчас не с руки — дел невпроворот!.. А вы как закончите свой разговор, позвоните мне — я дверь за вами закрою... А к вечеру, если Колька не появится, я дедушку покормлю... Он ест-то как воробей, совсем немного!

Косухин прошел внутрь квартиры, прикрыл за собою дверь, оставив соседку снаружи.

Две вещи неприятно поразили его, пока он шел через прихожую и искал комнату, где находился хозяин: убогость окружающей обстановки и жуткий запах, наполнявший квартиру.

Квартира была небольшой, состоящей из двух комнат. В первой — был беспорядок: на столе стояло несколько пустых бутылок из-под пива, рядом валялись остатки картофельных чипсов, кусок сала на блюде и какие-то неуместные для данного натюрморта пряники, покрытые глазурью. «Вероятно, Колька пировал...» — подумал неприязненно Косухин, обозревая эту картину. «И захочешь что-либо

украсть, да нечего!» — вслед за этим подумал он, оглядывая обстановку.

Вторая комната была поменьше и являлась спальней. Здесь все тоже было просто и убого.

Когда Косухин вошел, сразу увидел того, кто лежал на кровати. Это был худой, можно сказать, изможденный человек, узкоплечий, весь в морщинах, с тонкой шеей, с белым редким пушком на усохшем затылке. Кажалось, дунь на него, и он распадется на части. И взор у него был какой-то убогий, когда он повернулся с трудом на подушке и взглянул на вошедшего. Неприятный запах — помесь кислоты, мочи и еще чего-то — ударил Косухину в нос. В какой-то момент ему показалось, что от запаха у него закружилась голова.

— Колька! Это ты? — прошелестел слабый голос, и подобие жалкой улыбки отразилось на старческом лице.

Косухин растерялся, стоял, не зная, что делать дальше. Вид немощного больного человека, окружающая обстановка привели его в замешательство. Собираясь на встречу с бывшим следователем, он полагал увидеть нечто совсем другое. Бодрого еще старика с орденскими планками на груди. В реальности все оказалось иначе. После жалкой картины, представшей его взору, он понял, что не сможет ни ударить этого человека, ни плюнуть ему в лицо.

— Нет, я не Колька... — сказал Косухин и опять почувствовал удушье от мерзкого запаха.

— А кто же?.. — прошелестел старик, блаженно улыбаясь. — Шутишь, Коля...

— Я из военкомата... — Косухин решил придерживаться одной версии. — Пришел узнать, как вы живете?

— Хорошо живем... — отозвался старик, давно уже, судя по всему, пребывающий в какой-то иной жизни, не понятной крепким молодым людям. — А где же Коля? — повторил он.

— Коля?.. Коля придет... — Косухин чувствовал себя крайне глупо. «Может, не этот человек, а кто-то совсем другой издевался над арестованными людьми много лет назад?» — мелькнуло в его голове. И желая убедиться, что перед ним тот, кого он искал, спросил: — Вы — Табунов, Семен Ипатьевич, верно?

— Он самый — Табунов... Ипатьевич... — согласился старик. Если бы ему сейчас сказали, что он — Иванов или Петров, он и с этим бы согласился.

И все-таки какой-то слабый огонек в выцветших от времени глазах свидетельствовал о том, что старик хоть и плох, но сохранил еще остатки памяти.

— У меня вопрос... Семен Ипатьевич! — вновь заговорил Косухин, и прибавил в голосе, как это делают люди, разговаривая с плохо слышащими стариками. — Надо уточнить кое-какие данные... Вы работали в органах МГБ с сорок шестого по пятьдесят четвертый?

— Работал, мил человек, работал... — Старик опять блаженно заулыбался. — Только годы вот не помню... Но работал, да... Чижало было... Ночами работали, без выходных... — сообщил он. — Меня всегда двигили туда, где было трудно...

«Ну что, убедился? Он это, он...» — сказал себе Косухин, ища в себе прежнее чувство ненависти и не находя его.

Он хотел уже выйти за дверь и покинуть квартиру, оставив эту немощную человеческую рухлядь в кругу собственных зыбких, полустертых картин прошлого,

но запах, тошнотворный запах, исходивший из-под одеяла старика, остановил его.

«Да он, наверное, ходит под себя... — вдруг сообразил он. — А Колька, этот урод, за ним не убирает!»

Косухин сдернул одеяло со старика и убедился в своей правоте. Человеческие нечистоты открылись его взору во всей красе. Старик жалко шарил рукой, желая вернуть на место утраченное покрытие.

После секундного раздумья Косухин отправился в ванную. Нашел таз, налил в него теплой воды. Сорвал с сушилки какое-то несвежее, утратившее свой цвет полотенце, похожее на истлевшую географическую карту, и пошел с этим в комнату.

Старик все еще шевелил рукой, безрезультатно пытаясь найти край одеяла.

Преодолевая брезгливость, стараясь не дышать носом, Косухин выдернул из-под тела лежащего испачканную простыню. Затем, ворочая старика с боку на бок и макая полотенце в таз, принялся обмывать от нечистот худые старческие чресла. Старик поначалу упирался, не хотел, чтобы его трогали, шевелил иссохшими руками, но потом сдался и затих, давая «банщику» довершить свое дело. (В эти минуты и уже потом, немало времени спустя Косухин не мог ответить себе на вопрос: зачем он это сделал? Сделал, и всё.)

Покончив с мытьем, Косухин подумал: хорошо бы перестелить постель и уложить старика на чистое белье. Но сомневался, что в доме найдется что-либо подходящее.

Он оглядел комнату. Взгляд его остановился на покосившемся старом комодe, над которым был обустроен целый «иконостас», составленный из фотографий,

рассказывающих о жизненном пути хозяина квартиры, — там он был представлен во всей красе: молодой, крепкий, с решительной grimасой на лице убежденно-го в своей правоте человека.

Стараясь не смотреть на фотографии, которые могли бы вернуть ему утраченную ненависть, и тогда бы начатое им дело не имело бы завершения, Косухин открыл комод. Порывшись в ящиках, обнаружил там комплект старого, посеревшего от времени белья. Слава богу, оно было чистым. Здесь же нашлось большое махровое полотенце непонятного цвета с двумя заплатами посередине, которым он и обтер насухо старика.

За этим занятием и застал его Тишков, появившийся в квартире. Устав бесцельно бродить по двору, артист пошел в дом с целью выяснить, чем так долго занят Косухин и почему он не звонит. Найдя нужную квартиру, Тишков обнаружил незапертую дверь и вошел внутрь.

Увиденная картина, мягко говоря, изумила артиста.

— Что происходит?! Что ты делаешь?..

Косухин был рассержен, что Тишков застал его за таким непривлекательным занятием.

— Что делаю, то и делаю... Деда подмыл... Он один, лежит в говне, весь провонял, и никому нет дела... — Косухин вернулся к открытому ящику комода. Вытащил оттуда простыню. — Помоги лучше! — обратился он к Тишкову. — Я подержу деда, а ты подложи простыню...

Тишков, точно под гипнозом, послушно взял простыню и, пока Косухин удерживал на весу тело старика, расстелил не очень умело ее на кровати, передел наволочку.

Когда с простыней было покончено, Косухин уложил старика поверх нее, обтер ему лицо, грудь. Накрыл одеялом.

— Отдыхай, дед! — вымолвил он, убедившись, что все в порядке и вонять стало меньше. Помолчал и добавил: — Хотелось тебе в рожу плюнуть, да вот не могу...

— Чего? — не понял старик, и губы его вновь дрогнули в блаженной улыбке.

— Отдыхай, говорю! — И повернулся к Тишкову: — Всё, амба! Поплыли отсюда.

Тишков, плохо понимающий суть происходящего, послушно последовал за ним к выходу, оглядываясь на старика, словно хотел навсегда сохранить в памяти его черты.

Старик, чувствуя сухость под собою, умиротворенно улыбнулся и прикрыл глаза.

Приятель вышел из квартиры, Косухин позвонил соседке.

— Я закончил, — объявил он, когда та вышла. — Пришлось постель перестилать, уж больно грязно... — И добавил: — Я в комод лазил за бельем, проверьте, все ли на месте...

— Ой, не смешите меня! — грустно усмехнулась соседка. — Там и брать-то нечего. Колька-то пьет... Последние ценные вещи пустил на водку... — И, проявляя любопытство, спросила: — Ну как, будет старику сиделка?

— Будет, будет, — пообещал Косухин и пошел, не оглядываясь, прочь.

Уже во дворе, когда отошли от дома, озадаченный Тишков сказал:

— Ничего не понимаю...

— А что ты хотел понять?

— Объясни: это не он?

— Не он... — буркнул Косухин.

— Но ведь — Табунов, Семен... да еще — Ипатьевич?

— Тезка! Мало ли на свете Табуновых! И потом, он Игнатьевич, а не Ипатьевич... Ошибся твой одноклассник, который адрес дал...

Тишков вздохнул, внутренне радуясь тому обстоятельству, что отпала необходимость выяснять отношения с незнакомым человеком и все обошлось без ругани и рукоприкладства, на что явно был настроен Косухин. Он даже сказал Тишкову, что готов сесть за хулиганство, лишь бы дать по морде этой суке, о чем помнил артист.

— Значит, это совпадение? Табунов, но — другой! — воскликнул Тишков и поспешил за Косухиным.

— Бывает... — отозвался тот.

Солнце било Косухину в глаза, и он прищурился — свет был очень яркий.

Вот и пойми эту жизнь, думал он. Все переменчиво в ней, как на острове, где дуют разные ветры, быстро меняя погоду. Еще утром он готов был ответить злом на зло — как того требовала душа, — но не смог. Что-то сидело в нем такое, неясное ему самому, что оказалось посильнее его злого желания. Косухину казалось, что он узнал про себя нечто новое, о чем прежде не догадывался. Неожиданно ему захотелось сбрить свою трехдневную щетину и ощутить рукою гладкость щек. Захотелось переодеться во что-то новое, может быть, надеть новую рубашку... И начать новую жизнь. Новую! Только вот какой она должна быть, он не знал.

А вокруг шумела улица, посвежевшая после дождя. Спешили в разные стороны прохожие, полные намерений осуществить то, что им казалось весьма важным. Плотно, друг за другом, словно стадо животных, идущее на водопой, двигались по проезжей части автомашины. Гудел, поднимая и опуская стрелу, строительный кран за забором по соседству. Кричали дети, не знающие своего будущего, гоняя на газоне мяч. Чья-то небольшая собака пыталась помешать им и бегала за мячом с детьми наперегонки. Рабочие на отгороженной части тротуара взламывали с неясной целью пневматическими молотками асфальт, в котором, судя по внешнему виду, не было изъянов. Хаос и одновременно некий порядок существовали вместе в картине дня, делая ее неповторимой во всем ее многообразии. Туристы-иностранцы, покинувшие свой комфортабельный автобус, растекались вокруг гида, оглядывались по сторонам, пытаясь понять особенности местной жизни, такой непонятной и чудной...

2011

Содержание

Барханов и его телохранитель	5
Пирятинские узницы	111
Артист и мастер изображения	173
Двойная пропажа	249
Клад	333

Литературно-художественное издание

ЛОНСКОЙ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Пирятинские узницы

повести

Технолог
Кырбаш М.С.

Оператор компьютерной верстки
Бирюков А.Ю.

Корректор
Газарян Е.В.

Подписано в печать 30.08.2013

Формат 84×108/32

Тираж 1000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»

105085, Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10

тел.: (495) 971-89-09 e-mail: info@boslen.ru

Информация в Интернете: www.boslen.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14